

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

- США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ОСЛАБЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
- БРАЙАН МАЛРУНИ: ПРОТИВОРЕЧИВОЕ НАСЛЕДИЕ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛИДЕРА
- ПЕРЕСМОТР АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ НА УКРАИНЕ ПОСЛЕ 2023 ГОДА
- США И НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ ПОСЛЕ КОНФЛИКТОВ НА БАЛКАНАХ
- НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ КИБЕРОПЕРАЦИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ: ИСПЫТАНИЕ НОВЫХ ТАКТИК НА УКРАИНЕ
- ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ КАНАДЫ: НОВЫЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ СДЕРЖИВАНИЯ КИТАЯ
- IX КАНАДСКИЕ ЧТЕНИЯ В СПБГУ: ЮБИЛЕЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАНАДОВЕДОВОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

9 • 2024

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2024

№ 9 (657)

Сентябрь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия);
Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); А.В. Коробков (Государственный
университет Среднего Теннесси, Нашвилл, США); К.И. Косачёв (Совет Федерации
Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия);
Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Чрезвычайный и полномочный
посол Российской Федерации, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН,
Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО,
Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия);
С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия);
В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия);
Н.А. Шведова (ИСКРАН, Москва, Россия); Пан Давэй (Шанхайская академия
общественных наук, Шанхай, КНР); П. Дуткевич (Карлтонский университет, Оттава,
Канада); Дж. С. Дюрран (Мемориальный университет Ньюфаундленда, Сент-Джонс,
Канада); Т. Ротнем (Государственный университет в Кеннесо, Кеннесо, США);
Н. Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония); А. Стент (Джорджтаунский
университет, Вашингтон, США); К. Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония);
Хон Ван Сук (Университет внешнеполитических исследований Ханкук, Сеул,
Республика Корея).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2024

© Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова, 2024

© Редколлегия журнала «США & Канада» (составитель), 2024

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2024

No. 9 (657)

September

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Korobkov (Middle Tennessee State University, Nashville, USA); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); N. Shvedova (ISKRAN, Moscow, Russia); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Piotr Dutkiewicz (Carleton University, Ottawa, Canada); John Stuart Durrant (Memorial University of Newfoundland, St. John's, Canada); Thomas Rotnem (Kennesaw State University, Kennesaw, USA); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan); Hon Wan Suk (Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024

© Arbatov U.S. and Canada Institute
(ISKRAN), 2024

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2024

Содержание

2024, № 9 (657)

Геополитика

Приходько О.В. США и европейская оборонная интеграция	5
Дербенев А.С. Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории.....	20
Солянова М.В. «Антикитайский» нарратив Индо-Тихоокеанской стратегии Канады.....	31

США и мир

Батюк В.И. После Афганистана: военная политика США на Ближнем и Среднем Востоке.....	46
Селянин Я.В. США против России: кибернатиск на Восток.....	62

Здравоохранение

Шведова Н.А. Здравоохранение США: силуэт в президентской кампании 2024.....	78
--	----

Политика и люди

Израелян Е.В. Политическое наследие премьер-министра Канады Брайана Малруни (1939–2024 гг.).....	93
---	----

По страницам печати

Подлесный П.Т. США, Запад и Украина: что дальше? (Дискуссии в Вашингтоне).....	105
---	-----

Книжная полка

Сургуладзе В.Ш. Элитологический аспект «опасной жизни в советской политике».....	113
---	-----

Справки

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. IX Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете.....	121
Информация для авторов	127

Contents

2024, No. 9 (657)

Geopolitics

- Prikhodko, O.V.** The United States and European Defense Integration..... 5
- Derbenev, A.S.** The Arab Dynamics of the Confusing U.S. Dilemma: the Struggle for Valuable Territories..... 20
- Solyanova, M.V.** The Anti-China Narrative in Canada's Indo-Pacific Strategy..... 31

U.S. and the World

- Batyuk, V.I.** After Afghanistan: U.S. Military Policy in the Middle East..... 46
- Selyanin, Ya.V.** U.S. vs. Russia: Cyber «Drang nach Osten»..... 62

Healthcare

- Shvedova, N.A.** The U.S. Health Care: A Silhouette in the 2024 Presidential Campaign..... 78

Politics and People

- Issraelyan, E.V.** The Political Legacy of Canadian Prime Minister Brian Mulroney (1939–2024)..... 93

Scanning the Press

- Podlesny, P.T.** The USA, the West, and Ukraine: What's Next? (Discussions in Washington)..... 105

Bookshelf

- Surguladze, V.Sh.** The Elitist Aspect of "The Years of Living Dangerously in Soviet Politics"..... 113

Background Material

- Akimov, Yu.G., Minkova, K.V.** 9th Conference on Canadian Studies at Saint Petersburg State University..... 121

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024090011

EDN: ZWFEOB

США и европейская оборонная интеграция

О.В. Приходько

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады им. академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57224728612 ПИНЦ ID: 626112

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096> e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

Резюме: Взаимоотношения США и ЕС, касающиеся европейской военно-политической интеграции, начали активно развиваться со второй половины 1990-х годов, когда Запад впервые столкнулся с серьёзными вызовами в Европе после окончания холодной войны. Военные конфликты на Балканах, последовавшие за распадом Югославии, дали мощный импульс интеграционным процессам в Евросоюзе. Анализ прошедших трёх десятилетий позволяет выявить ряд закономерностей в американском подходе. Фундаментальные изменения в международных отношениях и возрастающая активность ЕС в оборонной сфере, выражающаяся в формировании европейской военно-промышленной политики и в масштабной поддержке Украины поставками вооружений и боеприпасов, подталкивают США к новому взгляду на европейскую оборонную интеграцию, преодолению застарелых предубеждений и стереотипов.

Ключевые слова: США, ЕС, европейская интеграция, оборонное сотрудничество.

Для цитирования: О.В. Приходько. США и европейская оборонная интеграция. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(9): 5–19.

DOI: 10.31857/S2686673024090011 EDN: ZWFEOB

The United States and European Defense Integration

Oleg V. Prikhodko

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57224728612 ПИНЦ ID: 626112

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9764-4096> e-mail: o.prikhodko@iskran.ru

Abstract: US–EU relations regarding European defense integration has passed several milestones since the 1990s when the West first faced serious challenges in Europe after the end of the Cold War. The military conflicts in the Balkans, resulting from Yugoslavia’s break-up gave momentum to the integration process in the European Union. Profound changes in international environment are making the United States reconsider its views on the defense integration unfolding in the EU. Placing more responsibilities on the European Union in the security area entails the necessity for Washington to overcome entrenched prejudices, as well as suspicions that the EU ambitions may pose risks and challenges to NATO coherence. Increased EU activities in

shaping European military-industrial policy and in providing large-scale supplies of weapons and ammunitions to Ukraine are leading the United States to take a fresh look at the process of European defense integration.

Keywords: The United States, EU, European integration, defense cooperation.

For citation: Prikhodko, O.V. The United States and European Defense Integration. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(9): 5–19.

DOI: 10.31857/S2686673024090011 EDN: ZWFEOB

ВВЕДЕНИЕ

Трансатлантические отношения представляют собой многомерный процесс, в котором ключевую роль играет американская политика в Европе. НАТО является центральным, но не единственным механизмом взаимодействия Соединённых Штатов с европейскими государствами в сфере безопасности. Со второй половины 1990-х годов США начали активно привлекать ЕС к «миротворческим» операциям, перекладывая на европейских союзников ответственность за обеспечение постконфликтной стабильности на Балканах и поддержание прозападного миропорядка в Восточной Европе. Сегодня особое значение для США приобрела поддержка, которую Евросоюз оказывает Украине.

События последних лет в мировой политике оказывают огромное влияние на трансатлантическое взаимодействие в сфере обороны и безопасности. Зависимость европейских союзников от США возросла – по некоторым параметрам она, возможно, даже превышает тот уровень, который был в эпоху холодной войны. Изменения в глобальном балансе сил, разрушение однополярного миропорядка, смещение приоритетов США в Индо-Тихоокеанский регион и раскол в американском истеблишменте заставляют сегодняшних лидеров Европы возвращаться к концепции «европейской обороны», над которой работали их предшественники в конце 1940-х – первой половине 1950-х годов.

Проблеме европейской интеграции посвящена обширная научная литература. В 1990-е и 2000-е годы в ЕС были популярны теории дифференцированной, разноуровневой и двухскоростной интеграции, которые отражали разрыв в уровнях развития между старыми и новыми членами Евросоюза – между ядром (Западной Европой) и восточноевропейской периферией. В меньшей степени изучены аспекты европейской интеграции, которые относятся к военной сфере, и лишь в последнее время стали появляться работы, отражающие специфику современного этапа. Политологи П. Рикер и М. Гиске определяют европейскую интеграцию как весь спектр объединительных процессов, которые формально или неформально охватывают как Евросоюз в целом, так и его отдельные элементы (ту или иную группу стран ЕС) [Rieker P., Giske M., 2023: 15]. Они делают важное уточнение, что высокий уровень сотрудничества между европейскими государствами может сосуществовать одновременно с относительно низкой степенью интеграции между ними, если институциональной основой для неё не является ЕС.

Эволюция международных отношений открывает новые грани интеграционного процесса в Европе, которые требуют научного анализа с позиции сегодняшнего дня. Европейская интеграция в широком смысле представляет собой делегирование 27 странами ЕС властно-распорядительных и законодательных полномочий на наднациональный уровень управления и объединение их материальных ресурсов для решения общих задач. Своё расширительное толкование европейской оборонной интеграции предлагают упоминавшиеся П. Рикер и М. Гиске: они включают в неё консолидацию ресурсов и усилий государств Европы во имя общих целей безопасности, которая происходит не только в рамках ЕС, но и НАТО [Rieker P., Giske M., 2023: 78]. Объективной основой военной интеграции в Европе является всё возрастающая стоимость поддержания современных вооружённых сил, что подталкивает страны ЕС к формированию общей военной доктрины, объединению материальных ресурсов и рационализации расходов.

Понятие «оборонная интеграция» шире понятия «военно-политическое сотрудничество», так как включает в себя и военно-техническую кооперацию. Интеграция ЕС в сфере обороны продвинулась в наименьшей степени именно потому, что затрагивает саму сердцевину государственного суверенитета. Взаимодействие здесь по-прежнему осуществляется преимущественно на межправительственном уровне, хотя в последнее время возрастает роль наднациональных координирующих структур, особенно Еврокомиссии.

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О ВКЛАДЕ СОЮЗНИКОВ В СОВМЕСТНУЮ ОБОРОНУ

Американская позиция по европейской оборонной интеграции формировалась в тесной увязке с тем, как этот процесс воспринимался США с точки зрения вклада союзников в совокупный потенциал НАТО. Проблема распределения бремени в альянсе неоднократно поднималась Вашингтоном задолго до прихода администрации Трампа, чья политика стала вызовом для ЕС. Призыв США к наращиванию оборонных усилий союзников часто не находил позитивного отклика, поскольку европейские государства, полагаясь на американские обязательства по коллективной обороне, предпочитали экономить на военных расходах.

После окончания холодной войны обозначилась закономерность в дискуссиях о распределении оборонного бремени в НАТО. Во время нахождения у власти в США демократических администраций эта тема рассматривалась в альянсе, как правило, с точки зрения более эффективного использования ресурсов и оптимизации военных затрат. При республиканцах, в годы президентства Дж. Буша-мл. и особенно в «эпоху Трампа», тема дисбаланса затрат США и Европы в сфере обороны приобретала политически острый характер, обнаруживая существенные расхождения между США и ЕС. Администрация Дж. Буша-мл. была недовольна скудным, с её точки зрения, вкладом союзников в военную операцию в Афганистане и требовала

расширения европейского участия в боевых действиях американской коалиции на территории этой страны. По её настоянию на саммите НАТО в Риге в 2006 году был одобрен критерий минимальных расходов на оборону стран альянса на уровне 2% ВВП. Лишь немногие европейские страны соответствовали этому показателю. Глобальный финансовый кризис 2008 года сделал выполнение данного условия нереалистичной задачей для союзников в Европе, и только в 2014 году, на саммите в Уэльсе, параметр 2% ВВП был подтверждён как минимальный уровень военного бюджета. Американские политологи Г. Мартин и Б. Мартонффи, мнение которых приводит их коллега Р. Робисон, обращают внимание на условность данного критерия, напоминая, что Греция многие годы тратила на оборону больше 2% ВВП, но её вклад в военные операции НАТО был весьма незначителен [Robison R., 2020: 303].

Во время президентства Д. Трампа американские требования к союзникам об увеличении военных расходов приобрели ультимативный характер, порождая неуверенность у европейских стран в надёжности американских гарантий безопасности. Комиссар ЕС по вопросам внутреннего рынка Т. Бретон напомнил, как на встрече с руководством Еврокомиссии президент Д. Трамп предупредил в неофициальном порядке, что «если Европа подвергнется нападению, Америка не придёт на помощь ЕС», добавив, что Германия должна Соединённым Штатам 400 млрд долл. за свою защиту. По словам Т. Бретона, Д. Трамп заявил на той встрече, что «НАТО мертва, и что США выйдут из этой организации» [1].

45-й американский президент неоднократно высказывал сомнения, нужен ли натовский альянс в его нынешнем виде. Жёстко сформулированные претензии Д. Трампа по поводу иждивенческого поведения европейских стран в сфере обороны объясняются его восприятием союзников как экономических противников, использующих инструменты ЕС в торговой войне с США. Трамповская администрация резко реагировала на дискуссии союзников о выстраивании европейской обороны в рамках ЕС. Однако и при президентстве Дж. Байдена, как напоминает политобозреватель Ф. Леймари, «поиски путей к европейской стратегической автономности, идею которой горячо отстаивает Франция, наталкиваются на сопротивление НАТО, возглавляемой американцами» [Leymarie Ph., 2022: 15]. США подозревают, что за этой концепцией скрывается намерение Парижа протащить идею создания чисто европейского аналога атлантического альянса.

Перспектива прихода в Белый дом политика, нелояльного к Европе, тревожит лидеров ЕС, которые наблюдают, как уверенно наиболее вероятный кандидат от Республиканской партии на пост президента продвигается вперёд в предвыборной гонке. В своей речи 10 февраля в Конуэй (Южная Каролина) Д. Трамп напомнил о том, как он решительно добивался от союзников соблюдения финансовых обязательств по обороне, увязывая предоставление американских гарантий безопасности с увеличением европейских военных расходов. Он дал понять, что будет придерживаться такого же подхода в случае переизбрания в 2024 году [2]. Сейчас, как и задолго до своей победы на выборах 2016 года, Д. Трамп продолжает считать, что НАТО является слишком обременительной ношей для США, поглощая военные и

финансовые ресурсы страны. На веб-сайте его предвыборной кампании говорится, что США должны по-новому взглянуть на своё участие в альянсе.

Как подмечают западные аналитики, «когда речь заходит о европейской интеграции, ключевым фактором выступает НАТО» [RiekerP., GiskeM., 2023: 76]. Принятая в январе 2023 года совместная декларация НАТО и ЕС о сотрудничестве не добавила ничего содержательно нового к ранее достигнутым договорённостям – она является сугубо символическим актом демонстрации единства двух ключевых структур Запада в противостоянии с Россией [3]. Отсутствие новизны указывает и на то, что регулирование взаимоотношений НАТО и ЕС происходит не так гладко, как они пытаются представить в публичном пространстве. Разногласия вокруг роли ЕС в военной сфере и отношений с Китаем тормозили принятие декларации. В итоге некоторые вызывавшие споры формулировки были удалены из текста документа. Между НАТО и ЕС сохраняются трения, которые вызваны как институциональным соперничеством этих организаций в вопросах, лежащих на пересечении их компетенций, так и противоречиями между отдельными государствами.

Одним из расхожих тезисов западных политологов является утверждение, что сотрудничество НАТО и ЕС вышло на новый уровень после начала военных действий на Украине в феврале 2022 года. Однако данное положение является дискуссионным, ведь *отношения между этими организациями по-прежнему не имеют под собой договорной, институциональной или законодательной основы – каждая из них ревностно охраняет своё право на самостоятельное принятие решений*. Между союзниками сохраняются разногласия вокруг долгосрочных целей сотрудничества ЕС и НАТО. США и страны, которые составляют «атлантистскую опору» в Европе, опасаются, что расширение активности ЕС в сфере обороны и безопасности будет негативно отражаться на НАТО, ослабляя единство альянса.

Трансатлантические отношения наталкиваются и на другие проблемы, которые вызывают трения между союзниками. Создание под эгидой НАТО фонда по разработке инновационных технологий вступает в конкуренцию со схожими программами, которые осуществляются в рамках ЕС. Дублирование усилий наблюдается и по некоторым военным вопросам. В 2022 году Германия предложила европейским партнёрам создать в Европе совместную систему ПВО «Скай Шилд» (*SkyShield*). Эту программу поддержала 21 страна. Однако с 1960-х годов уже действует объединённая система противовоздушной обороны НАТО в Европе. У Вашингтона может возникнуть резонный вопрос: зачем ЕС дублировать то, что уже существует в натовском альянсе, или речь идёт о создании чисто европейского военного блока?

ЕВРОПЕЙСКАЯ ОБОРОННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: «ПОСТВЕРСАЛЬСКИЙ» ЭТАП

После окончания холодной войны первые серьёзные дискуссии в ЕС на тему формирования общей оборонной политики развернулись во второй половине 1990-х годов. Они были вызваны осознанием того, что европейские союзники оказались неспособны самостоятельно, без решающего участия США, урегулировать вооружённые конфликты, возникшие в результате распада Югославии, и обеспечить стабильность на Балканах. В дальнейшем страны ЕС выдвигали различные амбициозные военно-интеграционные проекты, но в лучшем случае добивались лишь частичного успеха: *чем масштабнее был замысел, тем меньше была степень его реализации.*

Обострение конфронтации между Россией и Западом привело к началу специальной военной операции на Украине. Новый уровень противоборства с Москвой вызвал резкую активизацию европейской оборонной интеграции. На саммите в Версале в марте 2022 года лидеры ЕС одобрили «Стратегический компас» – документ, который изначально был задуман как военно-политическая доктрина интеграционной Европы. В первоначальном варианте НАТО упоминалась в нём лишь вскользь. Однако в итоге больший акцент был сделан на том, что союзнические отношения с США являются залогом безопасности стран Евросоюза на обозримую перспективу. В документе подчёркивается, что военный потенциал ЕС является дополнением к альянсу, который остаётся основой коллективной обороны его членов [4].

Версальский саммит ЕС открыл новый этап в европейской оборонной интеграции. Еврокомиссия получила полномочия на разработку мер по координации и формированию европейской военно-промышленной политики. В 2022–2023 годах она приняла закон о поддержке производства боеприпасов (*ASAP, Act in Support of Ammunition Production*) и закон об укреплении европейской оборонной промышленности посредством совместных закупок (*EDIRPA, European Defence Industry Reinforcement through Common Procurement Act*), которые должны финансово стимулировать создание военной техники в ЕС. Однако выделенные суммы – соответственно 500 млн евро и 300 млн евро – представляют собой мизерную величину, если брать в совокупности военные расходы стран Евросоюза, которые составили 240 млрд евро в 2022 году. *Однако здесь важен не объём ассигнований Еврокомиссии, а то, что было отброшено существовавшее доселе табу на прямое финансирование Евросоюзом мероприятий в военной сфере.*

В начале весны 2024 года Еврокомиссия обнародовала «Европейскую военно-промышленную стратегию» (*European Defense Industrial Strategy, EDIP*) и программу по её реализации. Эти инициативы были одобрены на саммите ЕС, который состоялся 21–22 марта. Бюджет упомянутой программы определён в размере 1,5 млрд евро. Эти средства предназначены для финансирования совместного производства и закупок военной техники странами ЕС. Еврокомиссия планирует пополнить их за счёт доходов от замороженных российских валютных госактивов,

которые в прошлом году составили около 4 млрд евро, но в ЕС нет единства по данному вопросу. ЕК собирается использовать эти средства для закупки у европейских компаний некоторых видов оборонной продукции не только для отправки на Украину, но и для создания запасов снаряжения и комплектующих к военной технике в Европе.

Программа по реализации европейской военно-промышленной стратегии предусматривает создание Совета из представителей стран ЕС, Еврокомиссии, Европейского оборонного агентства, а также учреждение европейской группы по оборонной промышленности, в которую должны войти уполномоченные ведущих европейских военно-промышленных компаний. Группа должна консультировать упомянутый совет по вопросам, где требуется квалифицированная экспертиза со стороны оборонпрома, основанная на анализе данных о производственных мощностях, цепочках поставок, запасах важнейших товаров и материалов. Новые структуры будут иметь ограниченные полномочия – они могут лишь предлагать свои рекомендации на рассмотрение руководящих органов ЕС. Эти инициативы должны быть утверждены законодательно, чтобы вступить в силу. *Указанные меры, хотя и не носят прорывного характера, поднимают оборонное сотрудничество на более высокий уровень в повестке дня ЕС, намечая долгосрочный курс на консолидацию военно-промышленного потенциала Европы для борьбы с Россией.*

В последнее время в ЕС вновь оживились дискуссии о создании «европейской армии», которые неоднократно возникали с конца 1990-х годов. Сегодня это связано с неудовлетворительным для Запада ходом военных действий на Украине и неопределённостью с исходом президентских выборов в США. На тему военной интеграции ЕС и «европейской армии» высказывались в последнее время президент Франции Э. Макрон, министр иностранных дел Италии А. Таяни и ряд других политических деятелей Европы. Глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, выступая в ноябре 2023 года на одном из европейских форумов, призвала страны ЕС двигаться к созданию полноформатного военного объединения [5]. По её мнению, планирование оборонного производства на национальном уровне должно быть тесно увязано со стратегическим планированием в рамках ЕС. С точки зрения руководства Еврокомиссии, приоритеты ЕС в области обороны должны включать в себя кибербезопасность, ПВО, спутниковые системы, стратегические средства переброски войск [6].

Обострение конфронтации между Россией и Западом сопровождается растущей вовлечённостью центральных структур управления ЕС в вопросы формирования европейского оборонного потенциала. Этот процесс выражается, *во-первых*, в расширении регулятивной, нормотворческой и координирующей деятельности Еврокомиссии в сфере военно-промышленной политики. Особую активность ЕК демонстрирует в инициировании законодательных предложений, направленных на распространение практики совместных закупок европейскими странами военной техники и вооружений. *Во-вторых*, в ЕС расширяется сотрудничество в сфере военных НИОКР, которое по своему масштабу и объёму привлекаемых

средств начинает превосходить многосторонние европейские разработки, осуществляемые в рамках НАТО. В-третьих, создаются механизмы финансирования военно-промышленной кооперации и поставок вооружений в обход юридических ограничений, которые не позволяют напрямую направлять средства из бюджета ЕС на военные цели.

Следует отметить, что новые инструменты оборонной интеграции в ЕС носят ограниченный характер в том смысле, что они законодательно и институционально не встроены в процесс военного планирования государств на национальном уровне. В рамках формата углублённого оборонного сотрудничества (ПЕСКО – PESCO) в ЕС реализуется 68 проектов, но они имеют скромное финансирование и вносят малозаметный вклад в укрепление военного потенциала. Отсутствует согласованность в расходовании средств национальных военных бюджетов: странам ЕС, как на уровне правительств, так и на уровне компаний, сложно договариваться о конкретных параметрах техзадания по разработке того или иного вида военной техники. Недостаток координации приводит к тому, что правительства делают конкурирующие между собой заказы на одни и те же типы вооружений. Они диктуют оборонным компаниям, что и кому те могут продавать, и не желают делегировать эти полномочия Еврокомиссии. Согласно данным Европейского оборонного агентства (ЕОА), на коллективные закупки вооружений в ЕС приходится лишь 18% всех затрат по данной категории расходов, на совместные НИОКР – 7,2%, что свидетельствует о невысоком уровне военно-технической интеграции в ЕС [7].

По оценкам западных экспертов, внедряемые на уровне ЕС меры по рациональному использованию ресурсов, координации военно-технических программ и НИОКР не обещают скорой отдачи с точки зрения наращивания военного потенциала. Законодательные инициативы Еврокомиссии по стимулированию кооперации европейских стран в разработке, производстве и закупках вооружений касаются в первую очередь мер бюджетной поддержки. *Они едва ли могут кардинально изменить ситуацию, ведь ключевые решения в сфере военной промышленности и оснащения вооружённых сил принимаются государствами ЕС на национальном уровне исходя из собственных интересов.*

ПОДХОД США К СОТРУДНИЧЕСТВУ С ЕС В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

После окончания холодной войны в США сформировалось двойственное отношение к европейской оборонной интеграции. С одной стороны, Соединённые Штаты всегда ратовали за увеличение оборонного вклада союзников. С другой стороны, идея объединения военных ресурсов европейских государств вызывала у них настороженность и даже враждебность, когда подобные проекты имели под собой неприемлемую, с точки зрения Вашингтона, политическую мотивацию.

Американский подход к европейской оборонной интеграции был сформулирован администрацией У. Клинтона в виде «трёх запретов» для ЕС – никакого объединённого командования, военно-стратегического планирования и европейского дублирования НАТО. Вашингтон блокировал интеграционные проекты, которые могли создать конкуренцию между НАТО и Евросоюзом за ресурсы, как это произошло в 2003 году, когда лидеры Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга, не поддержавшие американскую агрессию против Ирака, на четырёхстороннем саммите в Брюсселе выдвинули проект создания в рамках ЕС европейских вооружённых сил со своей системой командования. При этом «четвёрка» вовсе не посягала на верховенство США в вопросах коллективной обороны.

Не только *натоцентричный подход* к вопросам европейской обороны объясняет противодействие Вашингтона попыткам «суверенизации» оборонной интеграции в ЕС. Американский скепсис основывается на долгой истории невыполнения странами Евросоюза своих планов в сфере оборонного строительства. *Однако в подходах демократов и республиканцев просматриваются существенные различия.* Если администрация Б. Обамы последовательно выступала за сохранение членства Великобритании в ЕС, невзирая на результаты референдума 2016 года, то сменившая её администрация Д. Трампа чётко обозначила свою позицию в поддержку решения Лондона о выходе из Евросоюза. *Противоположная реакция демократов и республиканцев на Брексит может служить индикатором их отношения к европейской интеграции.* Демократы в позитивном ключе, пусть и с оговорками, воспринимают интеграционные усилия Европы в оборонной сфере, признавая их важную роль в поддержании стабильности в Европе.

Для республиканцев характерно неприятие европейской интеграции прежде всего по идейно-политическим соображениям, так как они видят в ЕС не только экономического конкурента США, но и потенциальную альтернативу американскому лидерству в регионах незападного мира (Глобального Юга). Политологи, которые разделяют подобный подход, исходят из концепции баланса сил, в соответствии с которой «европейская идентичность» в сфере обороны и безопасности может рассматриваться как контрбалансир США. На это указывал, в частности, американский теоретик Ч. Купчан, когда писал о возможности нарастания конкуренции в трансатлантических отношениях по мере укрепления ЕС и углубления европейской интеграции [Kurchan Ch., 2002: 133, 155]. Прозвучавшие в период президентства Д. Трампа резонансные заявления лидеров Германии и Франции о том, что «Европа больше не может полагаться на США» [8], лишь подкрепили подозрения республиканцев.

В годы администраций У. Клинтона и Б. Обамы США стремились к налаживанию взаимодействия между НАТО и ЕС, полагая, что усилия на этом направлении принесут Вашингтону дивиденды с точки зрения влияния на европейскую оборонную интеграцию. Американская поддержка носила выборочный характер и распространялась лишь на такие проекты Евросоюза, которые сулили отдачу в укреплении военного потенциала НАТО. США придерживаются этой линии с

президентства У. Клинтона, когда перед ними впервые возникла подобная дилемма в связи с разработкой в ЕС концепции «европейской идентичности в сфере обороны и безопасности». Администрация Б. Обамы в позитивном ключе оценивала повышение активности ЕС в военно-политических вопросах, рассматривая взаимодействие с Брюсселем как полезное дополнение к сотрудничеству, которое осуществляется с европейскими союзниками в рамках НАТО.

В «эпоху Трампа» в американском подходе превалировало восприятие Евросоюза как фрондёрствующего оппонента, экономического соперника и иждивенца в сфере обороны. Ещё в период президентской кампании 2016 года Д. Трамп не скрывал своей враждебности к самой идее европейской интеграции и к ЕС, в которых он видел инструмент политики Германии и Франции, направленный против американских интересов. В его президентство Евросоюз получил предупреждение из Вашингтона о недопустимости направления средств в европейские проекты при несоблюдении союзниками своих финансовых обязательств перед НАТО.

Администрация Дж. Байдена выразила поддержку наращиванию оборонного сотрудничества в рамках ЕС, рассчитывая на рост европейских заказов на поставки американской военной техники [9]. Этот подход продиктован стремлением возложить на союзников большее бремя по поддержке Украины и подготовке к ведению боевых действий против России на начальном этапе потенциального конфликта в Европе.

Формирование администрацией Дж. Байдена американской позиции в отношении оборонной интеграции в ЕС происходило под влиянием конкретных условий текущей ситуации. *Во-первых*, Вашингтон вынужден учитывать изменения в глобальном балансе сил, которые отвлекают всё больше американских средств и ресурсов в Индо-Тихоокеанский регион. США заинтересованы в максимальном наращивании военного потенциала союзников в Европе, даже если это происходит под эгидой ЕС. *Во-вторых*, падение авторитета Германии и Франции и тяготение большинства стран Восточной Европы к тесному взаимодействию с Вашингтоном ведут к усилению американского влияния на политику ЕС в сфере безопасности. *В-третьих*, нынешняя мотивация и масштабы объединения усилий европейских стран в оборонной сфере не создают рисков для главенствующего положения США в системе евроатлантической безопасности. Степень интеграции ЕС в сфере обороны является невысокой, значительно отставая даже от тех скромных параметров, которые были ранее согласованы.

26 апреля 2023 года Минобороны США и ЕОА подписали соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает взаимное информирование и двусторонние консультации по ряду вопросов военно-технического характера. В соответствии с этой договорённостью американская сторона получает право принимать участие в заседаниях руководящего совета ЕОА, а европейские представители – в заседаниях специализированных органов американского военного ведомства при получении приглашения [10]. Из соглашения следует, что американские

компании могут присоединиться к проектам ЕОА, но со своим финансированием и при согласии всех участвующих в них европейских стран. Соглашение не устраняет барьеры в трансатлантическом сотрудничестве, которые связаны с различиями в регулирующих нормах США и ЕС, касающихся прав интеллектуальной собственности и экспортного контроля.

Увеличение объёмов совместных закупок военной техники и разработка масштабных оборонных программ в ЕС, если это будет становиться всё более распространённой практикой, неизбежно поставит на каком-то этапе вопрос о совместном военно-стратегическом планировании в рамках Евросоюза, против чего всегда возражал Вашингтон. США настаивают на том, чтобы европейская интеграция в сфере обороны не создавала барьеры для американских компаний на европейском рынке вооружений. Они добиваются того, чтобы страны НАТО, не входящие в ЕС, могли участвовать в европейских программах и проектах на недискриминационной основе.

Концепция «европейского оборонного альянса» может получить американскую поддержку, если она будет встроена в военную структуру атлантического альянса. Однако подобное развитие событий в значительной мере выхолостит сам замысел проекта в глазах тех, кто, как Франция, рассматривают «европейскую армию» в качестве инструмента проецирования силы и влияния *исключительно Евросоюза*. США всегда противодействовали инициативам, которые могли привести к появлению конкурента НАТО. Американским интересам не отвечает создание европейского альянса, неподконтрольного Вашингтону. К тому же оборонный союз ЕС в силу политических и военно-технических ограничений едва ли мог бы помочь США в проведении операций против Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Вашингтону сподручнее привязать европейских союзников к своей политике в ИТР через формализацию военных связей НАТО с Японией, Южной Кореей, Австралией, что он и делал на саммитах альянса в 2022–2024 годах.

Белый дом публично не формулировал свою позицию в отношении концепции «Европейского оборонного союза», о которой заявляли глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен и некоторые другие европейские деятели. Для реализации этого замысла пока не существует предпосылок. Зависимость европейских государств от США слишком велика, чтобы они могли создать наперекор американской воле полноформатный военный блок отдельно от НАТО. Европейские компании не будут инвестировать в производство военной продукции без твёрдых гарантий получения госзаказов *в течение длительного времени*, а такие гарантии нынешние правительства в странах ЕС предоставить не могут. По мнению атлантистов, финансирование этих заказов могло бы осуществляться из замороженных на Западе российских активов. Однако по этому вопросу существуют разногласия в НАТО и ЕС. США, Великобритания, страны Балтии поддерживают эту меру, тогда как Франция, Германия, Бельгия и ряд других стран придерживаются противоположного взгляда, опасаясь глобальных негативных последствий для финансовой репутации ЕС в мире.

Противоборство Запада с Россией, в котором центральным фронтом является Украина, привело к сглаживанию трансатлантических противоречий. Западные политологи характеризуют нынешнюю ситуацию как «драматическое возрождение верховенства атлантического альянса в сфере европейской обороны и безопасности» [Maurer H., Whitman R., Wright N., 2023: 233]. На деле это означает сужение возможностей ЕС принимать самостоятельные решения по развитию оборонной интеграции. Выбор правительства О. Шольца в пользу приобретения американских многофункциональных истребителей F-35, а не «Рафалей» или «Еврофайтеров», что предлагал Париж, как и намерение закупить у США самолёты морского патрулирования «П-8 Посейдон» (*P-8 Poseidon*) вместо разработки европейского аналога показывают, что для Германии укрепление военно-технического сотрудничества с американским союзником важнее, чем «стратегическая автономность Европы». Да и сама Франция предпочитает затушёвывать свои разногласия с Вашингтоном даже в тех случаях, когда американские действия идут вразрез с французскими интересами, как это было с соглашением АУКУС (*AUKUS*).

Явным преувеличением является предположение некоторых европейских экспертов о том, что центр тяжести трансатлантического сотрудничества в военно-политической сфере будет постепенно смещаться в сторону ЕС. Сегодня рассуждения европеистов, в частности итальянских политологов Н. Фасолы и С. Лукарелли, выглядят утопией, поскольку они предполагают, что реализация концепции «стратегической автономности» ЕС может в долгосрочной перспективе привести к достижению военно-стратегической самодостаточности Европы [Fasola N., Lucarelli S., 2022: 65]. *Большинство европейских правящих элит воспринимают в штыки идею стратегического суверенитета ЕС, опасаясь политических трений с США, ослабления американской поддержки и возрастания нагрузки в сфере безопасности на ограниченные ресурсы своих стран.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляды администрации Дж. Байдена на оборонное сотрудничество в Евросоюзе во многом отличаются от тех, что господствовали в период расцвета «американской однополярности» 1990–2010-х годов. *Во-первых*, коренным образом изменились международные условия: США сталкиваются с возрастающими вызовами своей гегемонии, с разрушением однополярного миропорядка. *Во-вторых*, развитие европейской интеграции в её современной политической модальности, отрицающей превращение ЕС в «супергосударство», исключает возможность формирования Евросоюза как параллельного центра наравне с НАТО и тем более как альтернативы американоцентричности западного сообщества безопасности.

США, с одной стороны, приветствуют наращивание военного потенциала союзников, рассчитывая переложить на них основную тяжесть противоборства с Россией в Европе и высвобождая ресурсы для сдерживания Китая в Индо-Тихоокеанском макрорегионе. С другой стороны, Вашингтон настаивает

расширение полномочий Еврокомиссии в сфере военно-промышленной политики, учитывая, что ЕК устанавливает нормы, создающие преференции для европейских производителей оборонной продукции, и формирует условия, которые лишают потенциальных заказчиков в Европе мотивации приобретать американскую военную технику при наличии её аналогов в ЕС, что создаёт предпосылки для трений в атлантическом альянсе. Эти разногласия затрагивают не только отношения в НАТО, но и в самом ЕС, так как восточноевропейские страны отдают предпочтение закупкам американской военной техники, а не программам по разработке и производству вооружений, которые осуществляются европейскими партнёрами.

В глазах Вашингтона значимость сотрудничества с ЕС возросла благодаря активной роли Брюсселя в оказании помощи Украине – от поставок оружия и логистики до экономической и финансовой поддержки. *Прошедший период проведения СВО показал, что в Европе сложился лагерь политических сил, которые рассматривают поддержку Украины в противоборстве с Россией как мощный драйвер ускорения европейской военно-политической интеграции. США заинтересованы в том, чтобы закрепить антироссийскую направленность интеграционных усилий ЕС в сфере обороны.* Однако, как показывают дискуссии в ЕС, далеко не все в Европе готовы принять идею перевода европейской экономики на военные рельсы.

Другим драйвером европейской интеграции является растущая зависимость ЕС от политических процессов в США, непримиримая борьба между трампами и их политическими противниками подрывает доверие к американским внешним обязательствам. Президентство Д. Трампа оставило глубокий след в политическом сознании неолиберальных элит Европы. Большинство европейских лидеров тревожит перспектива, что Д. Трамп в случае переизбрания может достичь соглашения с Москвой по урегулированию на Украине, которое не будет соответствовать ожиданиям ЕС. Европейские эксперты призывают к разработке самостоятельной оборонной политики ЕС в качестве страховочного варианта на этот случай. Они отмечают, что высокая вероятность избрания американского президента с неоизоляционистскими воззрениями повышает притягательную силу концепции «стратегической автономности Европы». По мнению Брюсселя, политическая поляризация в США, где значительная часть избирателей разделяет протекционистский подход и антиглобалистские взгляды лидера американских консервативных кругов, создаёт риски для ЕС. Неуверенность европейских союзников в надёжности американских обязательств по безопасности становится одной из главных движущих сил оборонной интеграции в ЕС.

ИСТОЧНИКИ

1. Wax, E. Trump vowed he'd 'never' help Europe if it's attacked, top EU official says. *Politico*. January 10, 2024. Available at: <https://www.politico.eu/article/donald-trump-vow-never-help-europe-attack-thierry-breton> (accessed 20.04.2024).

2. Gold, M. Trump Says He Gave NATO Allies Warning: Pay in or He'd Urge Russian Aggression. *New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/02/10/us/politics/trump-nato-russia.html> (accessed 03.03.2024).

3. Joint Declaration on EU-NATO Cooperation, 10 January 2023. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/01/10/eu-nato-joint-declaration-10-january-2023> (accessed 23.02.2023).

4. A Strategic Compass for Security and Defence. *Council of the European Union*. Brussels, 21 March 2022. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf> (accessed 02.04.2024).

5. Ursula von der Leyen. Keynote speech at the EDA Annual Conference 2023: Powering up European Defence. 30 November, 2023. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_6207 (accessed 12.02.2024).

6. European Commission. Joint communication: Defence investment gaps analysis and way forward. 23 May, 2022. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/4bcf9a69-ed82-4a74-836f-b85bb16725f6_en?file-name=join_2022_24_2_en_act_part1_v3.pdf (accessed 24.01.2024).

7. European Defence Agency. Defence data 2022: Key findings and analysis. 29 November 2023. <https://eda.europa.eu/publications-and-data/defence-data> (accessed 22.02.2024).

8. Henley, J. Angela Merkel: EU cannot completely rely on US and Britain anymore. *The Guardian*. 2017, May 28. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/may/28/merkel-says-eu-cannot-completely-rely-on-us-and-britain-any-more-g7-talks> (accessed 01.02.2024).

9. Herszenhorn, D. Biden's team wants EU allies to get real on 'strategic autonomy'. *Politico*. November 19, 2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/joe-biden-us-eu-strategic-autonomy-brussels-g20> (accessed 11.08.2023).

10. EDA – U.S. Department of Defense Administrative Arrangement Signed. *European Defence Agency*. 26 April 2023. Available at: <https://eda.europa.eu/news-and-events/news/2023/04/26/new-pillar-for-cooperation-eda-u.s.-department-of-defense-administrative-arrangement-signed> (accessed 11.01. 2024).

REFERENCES

Fasola, N., Lucarelli, S. The EU-NATO Partnership. *Facing War: Rethinking Europe's Security and Defence*. Ed. by S. Giusti and G. Grevi. Milan: Ledizioni LediPublishing, 2022, 116 p.

Kupchan, Ch. The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. New York: Alfred A. Knopf, 2002. P. XVIII, 391.

Leymarie, Ph. Faut-il applaudir le réarmement allemand? *Le Monde Diplomatique*. Avril 2022. No. 817. P. 14–15.

Maurer, H., Whitman, R., Wright, N. The EU and the invasion of Ukraine: a collective responsibility to act? *International Affairs*. 2023. Vol. 99. № 1. P. 219–238.

Rieker, P., Giske, M. *European Actorness in a Shifting Geopolitical Order*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2023. P. XIX, 133.

Robison, R. NATO burden-sharing: A comprehensive framework for member evaluation. *Comparative Strategy*. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 299–315.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Oleg V. PRIKHODKO, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khelbny per., Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024 / Received 25.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.05.2024 / Revised 15.05.2024.

Статья принята к публикации 17.05.2024 / Accepted 17.05.2024.

УДК: 327.8

JEL: F51

DOI: 10.31857/S2686673024090028

EDN: ZVZBFZ

Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории

А.С. Дербенев

*Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ResearcherID: AFX-7104-2022 Scopus Author ID: 57955231600 РИНЦ ID: 764768

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0355-5100> e-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Резюме. Текущий этап политики США в отношении государств Аравийского полуострова протекает в исключительно сложной, складывавшейся десятилетиями обстановке, носит хронический характер и формируется под воздействием сил разного происхождения, которые порождаются внутренними и внешними импульсами. Аравийское направление внешней политики США сталкивается с целым рядом вызовов в сфере региональной безопасности, экономическими и нефтяными изменениями, которые самым серьёзным образом отражаются на мировой финансово-экономической конъюнктуре, диктуя странам Востока и Запада существенные последствия. Очевидно, что данная тенденция осложняется непростой демографической, экономической и политической ситуацией в регионе, включая продолжающиеся конфликты в Йемене и Сирии. Ухудшение отношений между странами Персидского залива и Соединёнными Штатами является сложной проблемой, в которой задействовано множество различных факторов. Продолжающийся конфликт в Йемене и втягивание в него США консервирует ситуацию незавершённости прежних позитивных для Вашингтона инициатив в данном регионе, что мешает американским внешнеполитическим стратегам находить рациональные решения по поводу нарастающих проблем, которые сулят новые вызовы и опасности.

Ключевые слова: США, Китай, Саудовская Аравия, Йемен, ССАГПЗ, Байден, Салливан.

Для цитирования: Дербенев А.С. Аравийская динамика запутанной дилеммы США: схватка за «кормовые» территории. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(9):20–30. DOI: 10.31857/S2686673024090028 EDN: ZVZBFZ

The Arab Dynamics of the Confusing U.S. Dilemma: the Struggle for Valuable Territories

Andrei S. Derbenev

*Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies
Russian Academy of Sciences.*

2/3, Khlebny, Moscow, 121069, Russian Federation.

ResearcherID: AFX-7104-2022 Scopus Author ID: 57955231600 РИНЦ ID: 764768

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0355-5100> e-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru

Abstract. The current stage of US policy towards the states of the Arabian Peninsula is unfolding in an extremely challenging situation that has been developing for decades. This situation is chronic and shaped by forces of various origins, generated by both internal and external impulses. The Arabian direction of US foreign policy is facing a number of challenges in the areas of regional security, economic shifts, and oil-related changes, all of which have a significant impact on the global financial and economic environment, imposing serious consequences on both Eastern and Western countries. Clearly, this trend is further complicated by the difficult demographic, economic and political situation in the region, including the ongoing conflicts in Yemen and Syria. The deterioration of relations between the Gulf States and the United States is a complex issue involving many different factors. The ongoing conflict in Yemen and the involvement of the United States in it perpetuate the situation of unresolved previous positive initiatives for Washington in this region, which hinders American foreign policy strategists from finding rational solutions to the growing problems that pose new challenges and dangers.

Keywords: USA, China, Saudi Arabia, Yemen, GCC, Biden, Sullivan.

For citation: Derbenev, A.S. The Arab Dynamics of the Confusing U.S. Dilemma: the Struggle for Valuable Territories. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(9):20–30. DOI: 10.31857/S2686673024090028 EDN: ZVZBFZ

ВВЕДЕНИЕ

Арабским странам на мировой политической карте выделен немалый сегмент. Произшедшие события на Арабском Востоке в ходе «арабской весны» привели к значительным изменениям в регионе и продолжают сказываться на международной обстановке в целом. Здесь переплелись жёсткие противоречия – политические, конфессиональные, экономические. Анализируя глубокие изменения, связанные с трансформацией мирового порядка, заслуженный профессор международных отношений в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия, А. Ачарья и почётный профессор международных отношений в Лондонской школе экономики Б. Бьюзен отмечают, что на текущем этапе наблюдается устойчивая тенденция отказа глобального международного сообщества (*Global International Society*) от сформировавшейся ранее парадигмы, где «ядру» во главе с глобальным гегемоном – Западом, лидером которого выступают США, подчиняются остальные регионы, так называемая «периферия». По мнению авторов, год от года наблюдается усиление самых разных региональных держав с присущим им культурным и политическим колоритом. «В то же время – продолжают они, – общий государственноцентризм глобального международного сообщества меняется в связи с возрастающей ролью и мощью широкого круга негосударственных субъектов как гражданских, так и нецивилизованных, а также в связи с неуклонным увеличением возможностей взаимодействия...» [Acharya A., Buzan B., 2019: 278–279].

ОБОСТРЕНИЕ ЙЕМЕНСКОГО КОНФЛИКТА

Монархии Аравийского полуострова на протяжении десятилетий прикладывали значительные усилия для укрепления сотрудничества с США, развивая с ними серьёзные экономические и политические связи. Однако в последние годы в их отношениях можно, с одной стороны, обнаружить спад и наметившийся рост напряжённости между ними – с другой. Одной из причин такого положения дел являются продолжающиеся конфликты в Йемене и Сирии.

Соединённые Штаты поддерживают Саудовскую Аравию в йеменском конфликте, предоставляя оружие и другие ресурсы, помогая Эр-Рияду бороться с повстанцами-хуситами. Однако в 2021 году было объявлено о прекращении поддержки США наступательных операций Саудовской Аравии в Йемене [1]. Эта помощь была недостаточной с точки зрения Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Кроме того, на Западе, в том числе в самих США, звучали призывы о том, что Вашингтону вообще не нужно вмешиваться в этот конфликт. Заместитель директора по науке ИСКРАН А.С. Евсеенко отмечает: «Непоследовательная позиция США затрудняет разрешение конфликта и наносит ущерб их попыткам выступить посредником между враждующими сторонами. На эту роль претендует Россия. Однако у неё нет рычагов влияния на ключевых внешних участников – Саудовскую Аравию и Объединённые Арабские Эмираты» [Евсеенко А.С., 2021].

Летом 2021 года шли ожесточённые бои за Мариб, расположенный примерно в 115 км (70 милях) к востоку от Саны, на краю больших пустынь Йемена, являющихся стратегическими воротами из центрального нагорья в южные и восточные провинции. Здесь также находятся нефтяные и газовые месторождения, в которых заинтересованы «акулы» международного бизнеса – «Эксон Мобил корпорейшн» (*Exxon Mobil Corporation*) и «Тоталь Эс-эй» (*Total SA*) [2].

Администрация Байдена объявила о крупной оружейной сделке с Саудовской Аравией, подчеркнув заинтересованность Вашингтона в укреплении оборонительных возможностей саудовской монархии. Некоторые официальные лица США, в том числе сенатор-республиканец Рэнд Пол (штат Кентукки) и независимый сенатор Берни Сандерс (штат Вермонт), заявили о том, что они будут препятствовать заключению этой сделки, однако им не хватило ресурсов противостоять значительной поддержке, которую оказывают в Вашингтоне Саудовской Аравии [3].

Чувствительным ударом по общественному контролю над ситуацией в Йемене явилось прекращение мандата группы экспертов Организации Объединённых Наций (ООН), которая занимались документированием нарушений прав человека в этой стране [4]. «Это серьёзный удар для всех жертв, которые пострадали в ходе вооружённого конфликта, который продолжается в Йемене уже более шести лет», – отметили в своём заявлении члены группы экспертов: г-н Камель Джендуби (Тунис), председатель, г-жа Мелисса Парк (Австралия), г-н Арди Имсейс (Канада), г-н Чарльз Гаррауэй (Соединённое Королевство) [4].

Некоторые представители официального Вашингтона взяли курс на изображение хуситов как марионеточной силы Ирана. 24 февраля 2022 года пресс-секретарь Государственного департамента США Нед Прайс заявил: «Вы видели, как мы ярко освещаем уровень поддержки, которую Иран и поддерживаемые Ираном группировки оказывают хуситам. Вы слышали, как мы говорили о дестабилизирующей роли, которую Иран и его марионетки играют по всему региону, в том числе и в Йемене, и это, безусловно, включает в себя поддержку Ираном движения хуситов в Йемене» [5].

Непростая событийная сторона прослеживающихся тенденций потребовала от советника президента США по национальной безопасности Джейка Салливана провести ряд серьёзных встреч. В мае 2023 года он обсуждал обстановку в регионе с наследным принцем Саудовской Аравии Мухаммедом ибн Сальманом, советником по национальной безопасности Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) Тахнуном бен Заидом аль-Нахайяном и советником по национальной безопасности Индии Аджитом Довалом [6].

Характеризуя современную действительность, Дж. Салливан заявил, что Йемен является приоритетом для Вашингтона. Он похвалил своих собеседников за работу над так называемой «дорожной картой», которая, учитывая колоссальный накал страстей, должна «положить конец войне». Дж. Салливан назвал возможные усиливающие факторы достижения мира: партнёрство, сдерживание, дипломатия, деэскалация, интеграция и ценности [7].

По мнению американского чиновника, решение данной проблемы также лежит в плоскости оперативных возможностей Ирана на данном направлении, который, как известно, занимает полярные американцам позиции в конфликте, поддерживая хуситов. Фактически это может свести на нет все импульсы в ходе попыток реформирования безопасности данного региона, а потому, по мнению Дж. Салливана, необходимы действия, которые будут гарантом того, что Иран не получит ядерное оружие [7].

В итоге столкновения амбиций в йеменском конфликте США сочли нужным для себя направить в октябре 2023 года в регион около 1200 американских солдат, а также «тысячи других» военнослужащих, которые концентрировались на авианосных ударных группах Военно-морских сил США (ВМС США). Им в помощь также были предоставлены хорошо обученные и вооружённые подразделения морской пехоты общей численностью 2000 человек [8].

Разъясняя порыв амбиций решить йеменский конфликт силовыми методами, пресс-секретарь Министерства обороны, бригадный генерал Пэт Райдер 23 октября 2023 года заявил, что США готовы предпринять все необходимые меры для защиты американских интересов за рубежом. Комментируя трагичность йеменского кризиса и, как представляют американцы, враждебность настроенных внутри Йемена сил, П. Райдер особенно подчеркнул, что цель США не заключается в том, чтобы конфликт расширялся, однако Министерство обороны будет делать всё от него зависящее, чтобы «защитить наши силы» [8].

Администрация Дж. Байдена, оценив характер текущей обстановки, ведёт активную собственную игру в самой гуще разворачивающихся событий, поскольку именно Белый дом принял решение нанести авиаудары по Сане – столице Йемена. Оппоненты Дж. Байдена внутри США, видя усиление фронтального давления в регионе, решили использовать ситуацию в своих интересах. Коалиция Палаты представителей направила американскому президенту письмо с негативной оценкой действий администрации, существенно обостряющих крупнейшую конфронтацию на море в регионе Аравийского полуострова, страны которого и без того переживают самый сложный период своей современной истории [9].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что американская армия меняет свою тактику ведения боевых действий, сделав выводы из войн во Вьетнаме, Ираке и Афганистане. Её суть заключается в том, чтобы не рисковать жизнями своих солдат на суше, а вести боевые действия с воздуха, максимально используя авиацию и современные типы вооружений, которыми располагают ВМС США.

В таких условиях специальный посланник США по Йемену Тимоти Лендеркинг счёл нужным для себя заявить на видеоконференции 8 февраля 2024 года, что на текущий момент наблюдается эскалация продолжающейся войны. Этим фактом непременно решили воспользоваться в предвыборном штабе Дж. Байдена (видимо, рассчитывая заработать предвыборные очки в свою пользу), представители которого заявили, что «прекращение огня является моральным и электоральным императивом» [10].

Гражданская война в Йемене значительно усилила внутреннюю гонку вооружений. По оценкам Обзора стрелкового оружия (*Small Arms Survey, SAS*), в 2018 году у гражданских лиц было 15 млн единиц огнестрельного оружия. Это более чем вдвое превышает соответствующее число в 2001 году и на 5 млн больше чем в конце 2010 года [11; 12].

По оценкам ООН за 2018 год, количество оружия, принадлежащего жителям, достигло 40–60 млн [13]. Лёгкий доступ к оружию позволил различным силам вступить в боевые действия. На гонку вооружений влияние оказали ряд факторов, а именно смена власти в Йемене и внешняя поддержка сторон, участвующих в конфликте. Причины этого многогранны: материальная поддержка со стороны Ирана, сотрудничество с экс-президентом Али Абдаллой Салехом, хорошо укомплектованные чёрные рынки [Cooper T., 2018].

Глобализация привела к усложнению мирового производства оружия за счёт торговли и вывода производства на внешние рынки [14], что позволяет странам мира производить оружие и становиться центром производственной конкуренции [Czerska A.M.W., 2015].

Соперничество между Саудовской Аравией и Ираном считается одним из самых продолжительных в современной истории Ближнего Востока, а вражда между обеими странами является устойчивой чертой ближневосточной геополитики. События, кризисы и конфликты в регионе с 1971 по 2015 год ознаменовали начало конфликта и соперничества за гегемонию в регионе Персидского залива между

Саудовской Аравией и Ираном, поскольку каждая страна пыталась использовать эти кризисы и конфликты в своих интересах. Успех иранской революции и падение шахского режима в 1979 году ознаменовали начало перехода Ирана от стремления к гегемонии совместно с Саудовской Аравией и Соединёнными Штатами к попыткам доминировать в регионе в одностороннем порядке.

Параллельно о себе заявил Китай, который стал предпринимать активные действия, ведущие к закреплению своих позиций в регионе Залива. Учитывая продолжающиеся войны в Сирии и Йемене, фрагментацию регионального политического пространства, китайские политики предприняли попытку примирить Саудовскую Аравию с Ираном. Китай проявил значительный интерес к нормализации отношений Ирана и Саудовской Аравии. «Переговоры между двумя крупными игроками на Ближнем Востоке велись в тайне и при посредничестве Китая» [15]. Отношения между Ираном и Саудовской Аравией колеблются между воинственностью и сотрудничеством. Соперничество между Саудовской Аравией и Ираном за влияние в регионе считается одним из самых продолжительных в современной истории Ближнего Востока. Факторы, способствующие современному положению дел, разнообразны и включают экспансионистскую политику Ирана, его постоянные попытки вмешательства во внутренние дела Йемена и других государств Аравийского полуострова, обостряя борьбу за региональное лидерство. «Соглашения Авраама» 2020 года закрепили дипломатические отношения между Израилем и Бахрейном, Объединёнными Арабскими Эмиратами, Марокко и Суданом. Кроме того, велись серьёзные переговоры о нормализации отношений между Саудовской Аравией и Израилем.

Конфликт между Израилем и Исламским движением сопротивления, ХАМАС (حَرَكَةُ الْمَقَاوِمَةِ الْإِسْلَامِيَّةِ، حَمَّاس) остановил эти переговоры. ХАМАС при поддержке общего врага Саудовской Аравии, Ирана, идеально выбрал момент для своей атаки, чтобы подорвать пакт о нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией.

Пекин стремится удовлетворить собственные амбиции в данной ситуации, официальные китайские лица ясно выразили своё предпочтение налаживая добрососедских отношений между Ираном и Саудовской Аравией, с которыми у Китая серьёзные торговые отношения и от стабильных поставок энергоресурсов из указанных стран в значительной мере зависит энергобезопасность Восточной Азии. Китай не связывает себя обязательствами по защите морских вод и проливов в регионе Аравийского полуострова, по крайней мере, на данный момент, эта забота ложится фронтальным давлением на страны данного региона, требуя от них приложения значительных усилий, а также чёткого видения перспектив и опорных точек при исключительно сложной текущей обстановке.

25 марта 2024 года Управление портов Саудовской Аравии объявило о запуске нового судоходного маршрута, который соединит центр нефтяной промышленности королевства Дамман (порт короля Абдул Азиза) с портами в Шанхае, Сямыне, заливом Дачан и Циндао в Китае [16].

Таким образом, Саудовская Аравия стремится существенно нарастить своё торгово-экономическое взаимодействие с Китаем на долгосрочную перспективу. Ближний Восток в мировоззрении Пекина из исключительно поставщика энергоносителей превращается в жизненно важное звено в обширной транспортной и торговой сети, которую китайские власти стремятся построить.

НЕФТЯНОЙ ВЕКТОР

Поставки энергоресурсов из стран Залива существенно воздействуют на настроения потребителей, поскольку это во многом влияет на доступность нефти и газа всем заинтересованным лицам как на Востоке, так и на Западе. Не все, даже самые богатые государства мира могут позволить себе приобретение нужных объёмов нефти по относительно высоким текущим ценам. 3 апреля 2024 года администрация Дж. Байдена по причине роста нефтяных цен приняла решение отказаться от закупок нефти в стратегические резервы [17].

Действительно, наблюдающиеся изменения в политике Эр-Рияда, усилившиеся при администрации Дж. Байдена, представляют собой серьёзную трансформацию стратегии КСА на мировом нефтяном рынке с 1980-х годов. Судя по текущим тенденциям, у исполнительной власти США остаётся не так много инструментов для сдерживания колебаний стоимости нефти. Подтверждением этого факта является продажа нефти из стратегических нефтяных резервных хранилищ и вынужденный отказ от их пополнения.

Ещё один фактор, подрывающий отношения Саудовской Аравии с США, заключается в сокращении нефтедобычи Саудовской Аравией. Королевство стремится видеть себя в категории стран с растущим благосостоянием, потому политиком Эр-Рияда своими действиями удерживает цены на нефть на высоком уровне, способствуя «росту инфляции во всём мире» [18]. Эти наблюдения не беспочвенны, поскольку соответствующими службами регистрируется рост расходов американских потребителей по итогу февраля 2024 года. Рост в годовом измерении составил 2,5%; в январе этот показатель был меньше на 0,1% [19]. Такие данные приводит и Министерство торговли США.

Учитывая, что из-за конфликта на Украине потоки российской нефти были переориентированы из Европы и США в Азию, в то время как экспорт из Саудовской Аравии и её соседей был перенаправлен в Европу, последняя находится в турбулентном потоке растущей зависимости от колебаний ценовой конъюнктуры, и европейцы вынуждены подчиняться навязанным тенденциям политики расширенного формата Организации стран – экспортёров нефти, ОПЕК+ (*The Organization of the Petroleum Exporting Countries, OPEC*). Таким образом, сокращение добычи нефти Саудовской Аравией не позволяет странам Запада экономить значительные средства, которые они могли бы направить на финансирование своих социальных, экономических и военных программ. Всё это не способствует увеличению темпов экономического роста и улучшению макроэкономических показателей Запада. Очевидно, что регион Персидского

залива будет и дальше привлекать повышенный интерес исследователей и специалистов в области международных отношений благодаря своему геополитическому значению, так как является связующим звеном между Востоком и Западом, включая в себя важнейшие международные судоходные артерии, а именно Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, Оманский залив и Красное море, безопасная транспортировка грузов по которым является крайне важным аспектом функционирования международной торговли. Ормузский пролив является ключевым звеном в торговых потоках в Персидский залив и из него, а это свидетельствует о том, что контроль над ним означает закрепление позиций в Заливе, а значит, и над поставками нефти, которые являются основой прогресса развитых стран. Саудовская Аравия находится в уникальном положении. Нефтяные богатства страны дали ей огромное влияние и независимость. Кроме того, Эр-Рияд ежегодно закупает у США военной и оборонной продукции на 100 млрд долл. [20]. Тем не менее Саудовская Аравия в последние годы приобретает немало китайского оружия, в частности, то, которое Вашингтон не готов продавать своему союзнику в Персидском заливе, например, беспилотники [21].

Тем не менее в саудовско-американских отношениях есть серьёзные планы по улучшению экономических связей. В сентябре 2023 года на саммите Большой двадцатки (G20) в столице Индии было объявлено о подготовке договорённости по созданию экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*India – Middle East – Europe Economic Corridor, IMEC*) [22]. США, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Германия, Франция и Италия подписали меморандум о взаимопонимании по данному вопросу, подтвердив свои обязательства поддерживать этот проект. Возможность реализации экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа крайне выгодна для стран Запада. Эта инициатива, в случае её реализации, может способствовать не только экономическому росту в регионе и за его пределами, но также стать альтернативой доставке товаров через Красное море или вокруг мыса Доброй Надежды, прежде всего в Европу. Реализация коридора была приостановлена из-за войны между Израилем и ХАМАС. Тем не менее это ещё одна долгосрочная выгода, которая может быть получена благодаря израильско-саудовской сделке. США могли бы воспользоваться этим моментом, выступив в качестве посредника в сделке, которая использует потенциал Саудовской Аравии и других монархий Залива как стабилизирующей силы на Ближнем Востоке. Такое соглашение не только отвечало бы интересам Вашингтона, но и ознаменовало бы начало новой главы мира для региона в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видимая слабость и низкая мобилизованность внешнеполитических механизмов США привели к тому, что некогда быстрое развитие отношений с некоторыми государствами Аравийского полуострова по рассматриваемым выше проблемам замедлилось, заставляя их топтаться на месте в жёстких условиях современной рыночной игры, разворачивающейся на огромных просторах мирового

бизнеса. Политики Вашингтона предпринимают попытки не брать на себя обременительных обязательств по контролю за безопасностью в регионе Залива, возможно, чтобы сосредоточить больше усилий в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В свою очередь, Эр-Рияд, обладая значительной долей самого главного отныне природного «актива» – нефтяного богатства, крайне заинтересован в установлении контроля за безопасностью в указанном регионе.

Отсутствие стабильности в регионе превращает перспективы восстановления мирной жизни в Йемене в мираж, всё происходящее консервирует исключительно тяжёлые перспективы по всем векторам развития ситуации, способствуя продвижению западного влияния в очагах раздора йеменского конфликта. Стабилизация Ближнего Востока имеет смысл с экономической точки зрения: Саудовская Аравия нуждается в иностранных инвесторах, чтобы диверсифицировать свою экономику, зависящую от нефти.

В связи с тем, что использование США инструментов геополитики в качестве точки опоры своей ближневосточной стратегии не приносят желаемых ими результатов, в настоящий момент вашингтонские внешнеполитические стратеги предпринимают шаги для усиления экономических связей для укрепления своих позиций на Ближнем Востоке и Азии, речь идёт об инициативе экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа, однако текущая быстро меняющаяся региональная динамика угрожает поставить под угрозу потенциально полезную инициативу.

ИСТОЧНИКИ

1. Blanchard, C.M. Saudi Arabia: Background and U.S. Relations. *Congressional Research Service*, 02.10.2023. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RL33533.pdf> (accessed 29.03.2024).
2. Magdy, S. Costly and critical: The battle for a key Yemeni city. *Associated Press News*, 07.07.2021. Available at: <https://apnews.com/article/joe-biden-middle-east-yemen-business-43b7b4be00b33a7c2539d99a4f8a0e89> (accessed 29.03.2024).
3. Stone, M., Zengerle, P. Saudi gets first major arms deal under Biden with air-to-air missiles. *Reuters*, 04.11.2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/us-state-dept-okays-650-million-potential-air-to-air-missile-deal-saudi-arabia-2021-11-04/> (accessed 29.03.2024).
4. Statement by Group of Experts on Yemen on HRC rejection of resolution to renew their mandate. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), 08.10.2021. Available at: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/10/statement-group-experts-yemen-hrc-rejection-resolution-renew-their-mandate> (accessed 30.03.2024).
5. Department Press Briefing. *U.S. Department of State*, 24.01.2022. Available at: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-january-24-2022/> (accessed 30.03.2024).
6. Jake Sullivan meets Saudi Crown Prince Mohammed bin Salman in Jeddah. *The National*, 08.05.2023. Available at: <https://www.thenationalnews.com/gulf->

news/saudi-arabia/2023/05/08/jake-sullivan-meets-saudi-crown-prince-mohammed-bin-salman-in-jeddah/ (accessed 01.04.2024).

7. US commitment to Middle East is 'unshakeable', White House says. *The National*, 05.05.2023. Available at: <https://www.thenationalnews.com/gulf-news/saudi-arabia/2023/05/05/us-national-security-adviser-jake-sullivan-to-travel-to-saudi-arabia/> (accessed 01.04.2024).

8. Britzky, H. By the numbers: The US military buildup in the Middle East. *CNN*, 03.11.2023. Available at: <https://edition.cnn.com/2023/11/03/politics/us-military-buildup-middle-east-dg/index.html> (accessed 05.04.2024).

9. Congress Letter to President Biden, Houthis. Congress of the United States, 26.01.2024. Available at: <https://www.documentcloud.org/documents/24377843-congress-letter-to-president-biden> (accessed 05.04.2024).

10. Dear President Biden, we need a ceasefire now. Biden Campaign Staff for Ceasefire Now. *Medium*, 04.01.2024. Available at: <https://medium.com/@BidenHQforCeasefireNow/dear-president-biden-we-need-a-ceasefire-now-f48b732b2433> (accessed 05.04.2024).

11. Fault lines: Tracking armed violence in Yemen. *Small Arms Survey*, May 2010. Available at: <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/SAS-Yemen-AVA-IB1-ENG.pdf> (accessed 06.04.2024).

12. Karp, A. Estimating global civilian-held firearms numbers. *Small Arms Survey*, June 2018. Available at: <https://www.smallarmssurvey.org/sites/default/files/resources/SAS-BP-Civilian-Firearms-Numbers.pdf> (accessed 07.04.2024).

13. Alaraby, M., Müller, A. Countering illicit arms transfers in the MENA region: The case of Yemen and Libya. Friedrich-Ebert-Stiftung, October 2020. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/16657.pdf> (accessed 07.04.2024).

14. World Economic Outlook: A Survey by the Staff of the International Monetary Fund. International Monetary Fund, October 1997. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/FT/Weo/WEO1097/pdf/octweo01.pdf> (accessed 07.04.2024).

15. Когалов Ю. Иран и Саудовская Аравия договорились о нормализации отношений. Какова реакция стран региона. *Российская газета*, 12.03.2023. Available at: <https://rg.ru/2023/03/12/iran-i-saudovskaia-araviia-dogovorilis-o-normalizacii-otnoshenij-kakova-reakciia-stran-regiona.html> (accessed 07.04.2024).

16. Dammam port to see improved Asia connections with new GALEX shipping service. *Arab News*, 25.03.2024. Available at: <https://www.arabnews.com/node/2482481/business-economy> (accessed 07.04.2024).

17. Natter, A., Kassai, L. US Cancels Latest Oil Reserve Refill Plan Amid High Prices. *Bloomberg*, 03.04.2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-03/us-cancels-latest-oil-reserve-refill-plan-amid-high-prices> (accessed 07.04.2024).

18. Marlow, I. How US-Saudi Relations Are Strained by Oil and Distrust. *Bloomberg*, 03.04.2023. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-03/what-opec-oil-cuts-mean-for-us-saudi-arabia-relations> (accessed 07.04.2024).

19. Personal Income and Outlays, February 2024. *Bureau of Economic Analysis*, 29.03.2024. Available at: <https://www.bea.gov/sites/default/files/2024-03/pi0224.pdf> (accessed 07.04.2024).

20. U.S. Relations with Saudi Arabia. *U.S. Department of State*, 01.11.2023. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-saudi-arabia/> (accessed 07.04.2024).

21. Iddon, P. China emerges as an arms supplier of choice for many Middle East countries, say analysts. *Middle East Eye*, 22.07.2022. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/china-emerges-major-exporter-weapons-middle-east-north-africa> (accessed 07.04.2024).

22. Samaan, J-L. The India-Middle East Corridor: a Biden Road Initiative? *Atlantic Council*, 06.10.2023. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/the-india-middle-east-corridor-a-biden-road-initiative/> (accessed 07.04.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евсеенко А.С. 2021. Подходы США и РФ к разрешению конфликта в Йемене: сравнительный анализ. *США & Канада: экономика, политика, культура*. № 11. С. 54-64. DOI: 10.31857/S268667300017220-2.

REFERENCES

Acharya, A., Buzan, B. 2019. *The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.

Cooper, T. 2018. *Hot Skies over Yemen: Aerial Warfare over Southern Arabian Peninsula: Volume 2 – 1994–2017*. Warwick: Helion and Company. 76 p.

Czerska, A.M.W. 2015. *The Globalization of Defense Production and Distribution: Impacts on U.S. National Security*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University. 142 p.

Yevseyenko, A.S. 2021. Russian and U.S. Approaches for Yemen Conflict Resolving: Comparative Analysis. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. No. 51 (11). P. 54-64. DOI: 10.31857/S268667300017220-2. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕРБЕНЕВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Andrei S. DERBENEV, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3, Khlebnyy, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2023 / Received 8.07.2023.

Поступила после рецензирования 20.08.2023 / Revised 20.08.2023.

Статья принята к публикации 21.08.2023 / Accepted 21.08.2023.

УДК 327.8

DOI: 10.31857/S2686673024090036

EDN: ZVSLUP

«Антикитайский» нарратив Индо-Тихоокеанской стратегии Канады

М.В. Солянова

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Scopus Author ID: 58867258500. РИНЦ ID: 912469 ORCID: 0000-0002-4974-4508

e-mail: solyanova.maria@gmail.com; solyanova.maria@imemo.ru

Резюме: Индо-Тихоокеанский регион приобретает всё большее значение в процессе роста экономического, технологического и военного влияния КНР. Усиление позиций Китая в регионе встревожило многие западные страны, в том числе Канаду, которая обнародовала свою первую «Индо-Тихоокеанскую стратегию». Она направлена на укрепление своих позиций в регионе посредством развития экономических, политических и военных связей с региональными игроками, а также на продвижение канадских ценностей и принципов канадской государственности в ИТР. Многие исследователи стали рассматривать её как переориентацию политического подхода в сторону «сдерживания» КНР. В статье исследуется взаимосвязь между Индо-Тихоокеанской стратегией Канады и политикой «сдерживания» Китая, проводится анализ канадского подхода и его ключевых компонентов «антикитайского» нарратива.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанская стратегия, Канада, Китай, «антикитайский» нарратив, политика «сдерживания», региональная безопасность, экономическое развитие, демократические ценности.

Для цитирования: Солянова М.В. «Антикитайский» нарратив Индо-Тихоокеанской стратегии Канады. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(9):31–45. DOI: 10.31857/S2686673024090036 EDN: ZVSLUP

The Anti-China Narrative in Canada's Indo-Pacific Strategy

Maria V. Solyanova

*Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997*

Scopus Author ID: 58867258500 РИНЦ ID: 912469 ORCID: 0000-0002-4974-4508

e-mail: solyanova.maria@gmail.com; solyanova.maria@imemo.ru

Abstract. The Indo-Pacific region is becoming increasingly important as China grows in economic, technological and military influence. The growing influence of China in the region has raised concerns among Western countries, including Canada, which in late 2022 unveiled its first Indo-Pacific Strategy, aimed at strengthening its position in the region through developing economic, political, and military ties with regional players, as well as promoting the values and

principles of Canadian Statehood in the Indo-Pacific region. Some analysts see this as a shift in Canada's approach towards "containing" China. The article examines the relationship between Canada's Indo-Pacific strategy and China's policy of "containment", analyzing the Canadian approach and its key components of the "anti-China" narrative.

Keywords: Indo-Pacific strategy, Canada, China, "anti-Chinese" narrative, policy of "containment", regional security, economic development, democratic values.

For citation: Solyanova, M.V. The Anti-China Narrative in Canada's Indo-Pacific Strategy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(9): 31–45.

DOI: 10.31857/S2686673024090036 EDN: ZVSLUP

ВВЕДЕНИЕ

Теме глобального влияния КНР в экономической, стратегической и геополитической плоскостях, а также усиления китайских позиций в Индо-Тихоокеанском регионе посвящено много работ зарубежных [Mastro O.S., 2022] и российских авторов [Уянаев С.В., 2023; Графов Д.Б., 2022]. Китай стал рассматриваться как потенциальный соперник глобальных и региональных игроков, которые поочередно принимают стратегические документы собственного видения тенденций развития и управления в регионе [2; 17; 21]. Быстрый рост КНР и появление стратегий противодействия составляют ключевую основу динамики процессов в ИТР. Такое конкурентное состояние, усиление многополярности идей и мировоззрений имеет положительные характеристики для развивающихся стран в регионе. Когда в конце 2022 года Канада приняла Индо-Тихоокеанскую стратегию, она тоже стала одним из игроков, формирующих региональный порядок.

Многие эксперты рассматривают стратегию как ответную реакцию правительства на растущее экономическое и стратегическое значение региона [27], другие – как часть политики «сдерживания» Китая [16], целью которой является интеграция либеральных ценностей в Индо-Тихоокеанское пространство. Китай занимает важное место в документе в качестве «глобальной державы разрушительной силы» [5]. Обозначение Китая как державы, представляющей угрозу, содержится и в других стратегических документах. В докладе канадского МИДа за 2022–2023 годы говорится, что КНР, как авторитарная система, и действия китайского правительства (одностороннее продвижение китайских интересов, отстаивание претензий, иностранное вмешательство, политическое и экономическое давление на других участников международных отношений) являются вызовом для всей мировой системы, её стабильности и безопасности [18].

Стратегия стала правовой новацией на канадском политическом ландшафте. А использование «антикитайского» нарратива обусловлено рядом факторов.

ЧТО СТАЛО ПОВОДОМ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?

Во-первых, у Канады и её союзников вызывают серьёзную обеспокоенность действия Пекина в Южно-Китайском море, которые противоречат

международным нормам и могут стать угрозой региональной стабильности и свободе. Напряжённость у соседних государств и других региональных игроков вызывает, например, передача Пакистаном под китайское управление порта Гвадар в обмен на минимизацию стоимости транспортировки нефти в КНР. Некоторые эксперты утверждают, что порт будет использоваться в качестве китайской военно-морской базы [11] и станет угрозой региональному балансу сил.

Речь также идёт о территориальных спорах с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и Брунеем, в отношениях с которыми Китай проводит экспансивную территориальную политику: строительство искусственных островов и их милитаризация (строительство военной инфраструктуры, установка радарных систем и систем противоракетной обороны) [Cordesman A.H., Burke A.A., Molot M., 2019].

С точки зрения Канады, действия Пекина, его отказ выполнять решения международного арбитража и искажённое толкование норм морского права, в частности Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС), подрывают принципы международно-правовой системы, вызывают недоверие между странами и нестабильность в Индо-Тихоокеанском регионе. Поэтому сохранение открытости морского сообщения и свободного потока товаров становится стратегически важной задачей канадской региональной политики.

Во-вторых, рост китайской экономики и значительные инвестиционные проекты, особенно в сфере региональной инфраструктуры, увеличивают долговые обязательства и зависимость стран-реципиентов, вызывая тревогу по поводу долгосрочных последствий и потенциальной частичной потери их суверенитета.

Известная китайская трансконтинентальная инициатива «Один пояс, один путь» содержит глобальную стратегию инфраструктурного развития для экономического взаимодействия Китая со странами Азии, Европы и Африки посредством реализации программ кредитования и превращения в крупнейшего инвестиционного донора в сфере автомобильных и железнодорожных перевозок, морских портов и объектов энергетического сектора [Komakech R.A., Ombati T.O., 2023]. Опасения по поводу роста долговой зависимости не беспочвенны, так как некоторые условия китайского кредитования могут стать обременительными для получателей, которые могут столкнуться с невозможностью погасить свои долговые обязательства, а также с угрозой частичной или полной потери контроля над критическими активами в пользу КНР.

Так, в рамках программы обмена долговых обязательств на акционерный капитал, Шри-Ланка в 2017 году передала госкомпания КНР контроль над портом Хамбангота на 99 лет, что вызвало озабоченность по поводу китайского влияния на стратегические объекты и критически важную инфраструктуру в регионе. Строительство порта финансировалось Китаем, но проект оказался финансово обременительным для правительства Шри-Ланки [Roy-Chaudhury S., 2019]. Восточноафриканская страна Джибути в связи с трудностями по долговым обязательствам в 2018 году уступила контроль над контейнерным терминалом в Дорале китайской компании «Чайна Мёрчанс Порт Холдингс Кампани Лимитед» (*China Merchants Port*

Holdings Company Limited), обеспечив, таким образом, продление китайских инвестиционных проектов в стране [Сячин В.Г., Эпштейн В.А., 2021].

Опасения высказываются также по поводу транспарентности и экологической безопасности проектов, финансируемых КНР, их соответствия международным стандартам; появляются данные о коррупционной составляющей при заключении контрактов. Например, финансируемый КНР проект по строительству железной дороги Момбаса – Найроби подвергся обвинениям кенийских экономистов и политических деятелей в коррупции (завышенные расходы, недобросовестная практика закупок и непрозрачность контрактов) [22].

В-третьих, возрастающее стратегическое значение ИТР, которое обусловлено:

– экономическими интересами, то есть расширением торговых и инвестиционных возможностей. Индо-Тихоокеанский регион – один из важнейших центров мировой торговли, и развивающиеся рынки представляют значительный интерес для Канады, которая стремится диверсифицировать систему торгово-экономических связей и развивать двусторонние отношения для привлечения инвестиций;

– интересами в сфере безопасности, связанными с территориальными спорами, распространением ядерных технологий, терроризмом, пиратством и др. Представители канадского правительства неоднократно заявляли, что Канада считает необходимым установить на основе правил регионального порядка свободу судоходства и решать конфликты мирным путём.

ПОЛИТИКА «СДЕРЖИВАНИЯ» КНР

В военной сфере за последние три года Канада значительно расширила своё участие в региональных учениях, которые помогают укрепить отношения с её союзниками и партнёрами, а также вносят вклад в региональную безопасность и стабильность. Усиливая своё военно-морское присутствие в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе, Канада стремится реализовать принцип свободы судоходства. На практике же учения призваны послать сигнал Китаю о том, что другие страны инвестируют в регион и намерены продолжать операции для сдерживания КНР.

С 2021 по 2023 год Канада приняла участие в многосторонних и двусторонних учениях по безопасности на море, гуманитарной помощи, ликвидации последствий стихийных бедствий и поддержанию мира.

Целесообразно выделить несколько многосторонних военных учений, в которых Канада приняла непосредственное участие:

– *RIMPAC (Rim of the Pacific)*. Канада – постоянный участник этих учений с 1971 года. В 2022 году они проходили с 29 июня по 4 августа в районе Гавайских островов. Канада направила корабли «Ванкувер» (*Vancouver*) и «Виннипег» (*Winnipeg*), два самолёта CP-140 «Аврора» (*CP-140 Aurora*), два вертолёт

148 «Циклон» (*CH-148 Cyclone*), а также более 800 военнослужащих для участия в наземных учениях [15].

– *Sea Dragon* – международные противолодочные учения, которые проводятся в западной части Тихого океана для повышения военного потенциала в противодействии традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности в ИТР. Канада принимает участие в них с 2015 года. В 2023 году страна направила самолёт CP-140 «Аврора», а также приняла участие в командно-штабных учениях [30].

– *Mobility Guardian* – многонациональные учения по воздушной мобильности в ИТР, проходящие под руководством ВВС США, в которых Канада начала участвовать в 2022 году. В июле 2023 участие приняли Австралия, Канада, Франция, Япония, Новая Зеландия, Великобритания и США. Канада направила два тактических транспортных самолёта *CC-130J Hercules*, самолёт-заправщик класса «воздух-воздух» *CC-150T Polaris*, группы авиационной медицинской эвакуации, экспертные группы управления воздушным движением, а также 100 военнослужащих Королевских ВВС [28].

– *Talisman Sabre* – совместные австралийско-американские учения в ИТР с участием вооружённых сил Новой Зеландии, Японии, Великобритании, Республики Корея и других партнёров, в том числе Канады. Цель учений – повышение боеготовности и оперативной совместимости, отработка ведения совместных боевых действий, антикризисное реагирование и др. В 2023 году Канада направила корабль «Монреаль» (*Montreal*) и фрегат типа «Галифакс» (*Halifax*) [16].

– *Annual Exercise ANNUALEX* – военно-морские учения для предупреждения попыток изменить статус-кво в ИТР, укрепить сотрудничество для стабилизации регионального порядка. В 2023 году участие приняли четыре флота: Королевский ВМФ Австралии, Королевский ВМФ Канады, Морские силы самообороны Японии, ВМФ США. Основными задачами были усовершенствование тактики морской связи, операций по противодействию подводным лодкам, по ведению боевых действий в воздухе и т.д. [1].

– *Exercise Pitch Black* – многонациональные трёхнедельные учения, которые проводятся раз в два года, в 2022 году объединили военно-воздушные силы Австралии, Канады, США, Великобритании, Франции, Германии, Индонезии, Индии, Японии, Малайзии, Нидерландов, Новой Зеландии, Филиппин, Республики Корея, Сингапура, Таиланда, ОАЭ. Основная цель – тренировка ведения совместных боевых действий в воздухе для обеспечения готовности к реагированию на любые кризисы [14].

Канада также активно участвует в различных конференциях и симпозиумах, посвящённых укреплению безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, например, в ежегодной конференции военно-воздушных сил, в которой обычно принимают участие 15 главнокомандующих ВВС тихоокеанских стран. Ключевая тема – вклад военно-воздушных и космических сил в обеспечение безопасности в ИТР [13].

Индо-Тихоокеанский регион приобретает большое значение для оборонных интересов Канады, реализация которых включает:

- развёртывание большего количества военных кораблей; в 2023 году страна направила три военных корабля в ИТР для участия в военных учениях и взаимодействия с союзниками и партнёрами, что является значительным увеличением по сравнению с предыдущими годами;

- рассмотрение вопроса о создании постоянного присутствия в регионе, например, в Сингапуре, что предоставило бы Канаде возможности для расширения её взаимодействия с локальными и региональными партнёрами, а также оперативной поддержки оборонных операций;

- углубление сотрудничества с союзниками и партнёрами для решения важных для Канады вопросов, главным образом, для формирования основанного на правилах порядка и повышения безопасности на море, то есть противодействия угрозам со стороны КНР.

Обмен разведывательными данными с союзниками также представляет собой одну из приоритетных областей политики Канады по противодействию КНР и усилению своих позиций в ИТР. Ключевым инструментом является альянс «Пять глаз» (*Five Eyes*), созданный на основе соглашения ЮКУСА (*UKUSA*) 1946 года. Альянс включает США, Великобританию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию, которые сотрудничают в сфере разведки, обмениваются конфиденциальной информацией для обеспечения коллективной безопасности и противостоянию глобальным угрозам. Канада имеет возможность использовать ресурсы альянса, чтобы анализировать военную деятельность Китая и разрабатывать эффективные стратегии противодействия ей.

Д. Виньо, глава Канадской службы безопасности и разведки (*Canadian Security Intelligence Service, CSIS*) во время встречи с коллегами из США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии осенью 2023 года рассказал о заинтересованности китайских властей в «партнёрстве» с канадскими университетами для усиления военного потенциала Китая в сфере новых технологий, в частности, создания приложений двойного назначения [12].

Интересно, что вплоть до 2022 года канадские университеты сотрудничали с ведущим военным учреждением КНР, проводя совместные исследования как раз в области передовых технологий, которые могли способствовать развитию оборонного сектора Китая. В данных совместных исследованиях и разработках участвовали 50 ведущих университетов Канады, в том числе Университет Ватерлоо, Университет Британской Колумбии, Университет Торонто, Макгиллский университет [10]. Через две недели после обнародования этих данных федеральное правительство опубликовало заявление о том, что в целях национальной безопасности Канадский фонд инноваций и федеральные советы по грантам на исследования больше не будут финансировать исследования и разработки с участием иностранных университетов, институтов и лабораторий, связанных с военными, органами национальной обороны или госбезопасности [29].

А в январе 2024 года правительство утвердило новую Политику в отношении исследований в области чувствительных технологий и связанных с ними организаций (*Policy on Sensitive Technology Research and Affiliations of Concern*), содержащую перечень из 11 областей исследований в сфере чувствительных технологий, подпадающих под запрет, в частности цифровые, энергетические технологии, передовые технологии наблюдения, аэрокосмические, космические и спутниковые технологии, передовые технологии в сфере вооружений, в области искусственного интеллекта и больших данных и др. [24]. Канадские университеты, например, Университет Виктории или Университет Торонто уже приступили к внедрению новых правил.

В целом, важнейшими аспектами канадской стратегии безопасности в регионе являются укрепление взаимодействия с членами Четырёхстороннего диалога по безопасности – «четвёрки» (*Quadrilateral Security Dialogue, QUAD*) – США, Японией, Австралией и Индией, а также участие в региональных форумах, в том числе в Совещании министров обороны в формате «АСЕАН Плюс». При этом, несмотря на давление со стороны союзников, Канада пока не планирует вступать в «четвёрку». Наоборот, на встрече на высшем уровне в январе 2023 года в Японии премьер-министр Канады Дж. Трюдо выступил с предложением сформировать аналогичный институт четырёхстороннего сотрудничества с Японией, США и Южной Кореей для противодействия Китаю и России [3].

Для снижения влияния КНР в Индо-Тихоокеанском регионе помимо военного и оборонного направлений канадское правительство предпринимает шаги в сфере экономики. Экономическое направление как основополагающее для Канады, государства «среднего ранга», включает задачу по диверсификации экономических связей с региональными игроками – Индией, Вьетнамом и Индонезией. Растущая зависимость стран ИТР от китайского рынка усиливает позиции Китая, который, чтобы сохранить своё влияние, зачастую прибегает к ограничениям в торговле или туристической отрасли как эффективным инструментам принуждения [20].

Основой для расширения системы двусторонних и многосторонних торговых отношений является Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP*), которое снизило торговые барьеры и укрепило экономические связи между Канадой и 11 странами. Канадские эксперты настаивают также на изучении возможности присоединиться к Индо-Тихоокеанской рамочной программе (*Indo-Pacific Economic Framework, IPEF*) – торговому соглашению во главе с США, направленному на развитие и углубление экономического сотрудничества в регионе.

Канада оказывает всестороннюю поддержку региональным игрокам, чтобы снизить экономическую зависимость от КНР, ограничить китайское экономическое влияние и содействовать формированию новых экономических центров силы. В частности, она оказывает финансовую и техническую помощь малым и

средним предприятиям в ИТР, содействуя расширению их бизнеса и повышая конкурентоспособность на региональном и мировом рынках. А посредством специальных программ осуществляется финансирование торговых миссий, реализуются образовательные программы по развитию бизнеса, сокращаются барьеры для доступа к канадским рынкам. С этой же целью канадское правительство инвестирует в региональные инфраструктурные проекты, в том числе строительство дорог и портов, и реализует программы по внедрению возобновляемых источников энергии.

В качестве примеров активного экономического участия Канады в ИТР можно привести следующие:

- продолжающиеся с середины 2021 года переговоры с Индонезией по заключению Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнёрстве, которые сосредоточены вокруг снижения тарифных и нетарифных барьеров, расширения цепочек поставок, формирования прозрачной и предсказуемой бизнес-среды, либерализующих торговые отношения;

- финансирование проектов по поддержке малого и среднего бизнеса в провинции Чавинь во Вьетнаме, общий объём которого составляет 8,83 млн долл. Согласно данным за 2023 год, за поддержкой обратились около 30 тыс. жителей провинции, из которых 33% – женщины и 20% – этнические меньшинства [4].

Для региональных правительств открывающийся доступ к канадским рынкам и технологиям играет немаловажную роль, увеличивая темпы роста всего региона. И наоборот, доступ канадского бизнеса к растущим рынкам ИТР имеет важное значение для экономического развития отдельных провинций и Канады в целом.

Как показывают данные статистики в области инвестиций, Канада успешно развивает свои инвестиционные связи за счёт Сингапура, Индонезии и Индии, в то время как китайское инвестиционное направление заметно сужается. Так, инвестиции Китая в Канаду значительно снизились: с 124 млн кан. долл. (январь – сентябрь 2022 года) до 12,7 млн кан. долл. (январь – сентябрь 2023 года), уступив место Австралии, Японии, Южной Корее и Индии. [7].

Несмотря на это, следует отметить, что прямых рычагов воздействия у канадского правительства на экономические отношения с КНР мало. На практике область диверсификации региональных связей в основном лежит в сфере частного сектора и является свободным выбором предпринимателей. Конечно, инвестиционный и торговый потенциал Юго-Восточной Азии развивается, однако пока Китай остаётся технологичным, инфраструктурным гигантом, его рабочая сила имеет самый массовый характер по сравнению с другими региональными субъектами. И несмотря на публикацию рекомендаций предупредительной тональности о потенциальных опасностях и рисках экономических отношений с КНР [19], канадский бизнес продолжит развивать налаженные за годы торговые связи и сохранит присутствие на китайских рынках.

Но сказать, что бизнес-сообщество совсем не обеспокоено политической напряжённостью между странами, нельзя. В начале 2024 года было опубликовано

исследование, в котором участвовали 43% компаний, ведущих свою деятельность в Китае (представительство, совместное предприятие, завод, дочерняя компания и т.д.), 30% экспортёров товаров в Китай, 25% экспортёров услуг (образовательные, туристические, консалтинговые услуги) и 19% импортёров товаров из КНР [5]. Около 46% из них утверждали, что по политическим причинам китайские рынки теряют экономический приоритет по сравнению с 2021 годом, когда наблюдался некоторый всплеск торговых и коммерческих взаимосвязей после пандемии COVID-19. Канадские компании в поисках новых поставщиков и направлений экспорта стали переориентироваться на других региональных игроков: 48% респондентов сократили объём поставок из КНР и только 13% увеличили [9].

Отдельное направление политики Канады по противостоянию китайскому влиянию – *гуманитарные меры и меры в области прав человека*. Здесь в качестве важных пунктов можно выделить следующие:

- поддержка гражданского общества и правозащитных организаций, в рамках которой канадское правительство оказывает финансовую и техническую помощь (поддержка образовательных программ, информационно-просветительская работа и др.) различным институтам гражданского общества в регионе, чтобы они могли эффективно внедрять правозащитные ценности на национальном уровне;
- использование многосторонних площадок для обозначения позиции Канады по вопросам, связанным с нарушениями прав человека в ИТР, формирование и введение санкционных механизмов давления в отношении нарушителей;
- взаимодействие с региональными партнёрами по формированию и внедрению методов инклюзивного управления (гендерное равенство, соблюдение прав меньшинств, равный доступ к образованию и здравоохранению);
- поддержка в ликвидации последствий стихийных бедствий (помощь продуктами питания, водой, жильём и медикаментами);
- содействие мирному разрешению конфликтов и поддержанию региональной стабильности посредством посреднических и миротворческих усилий.

Например, на реализацию стратегии Канады по реагированию на кризис рохинджа было выделено более 288 млн долл., которые идут на поддержку пострадавшему населению в Мьянме и Бангладеш, беженцам и перемещённым лицам, содействие в формировании демократических институтов, привлечение к ответственности за нарушения прав человека [8].

С нарастанием кризиса в канадско-китайских отношениях Канада всё настойчивее выражает недовольство положением в сфере прав человека в КНР [Солянова М.В., 2021]. В марте 2021 года Канада присоединилась к США и другим союзникам, применив санкционный механизм к китайским чиновникам в связи с нарушениями прав человека в Синьцзяне. Канада открыто выступала также с критикой действий китайского правительства в Гонконге и в отношении мусульманских меньшинств.

Тем самым она демонстрирует Китаю, что не будет игнорировать действия, нарушающие принципы гуманитарного права, и намерена противостоять влиянию китайской авторитарной модели в ИТР.

Укреплению канадских позиций в отношениях с КНР могут способствовать новые моменты, содержащиеся в стратегии: стремление усилить безопасность в инвестиционной сфере, в области интеллектуальной собственности, научных исследований, а также противостоять иностранному вмешательству.

Важное новаторское направление – создание в МИД Канады центра по изучению политики Китая (*Centre for China Policy Research and Coherence*). Работа центра связана с изучением особенностей китайского менталитета, общественного сознания и приоритетов политики китайского правительства на региональном и глобальном уровнях. Таким образом, привлечение большего числа опытных экспертов и аналитиков в сфере китаистики будет формировать долгосрочное политическое мышление и дипломатический потенциал Канады в канадско-китайских отношениях.

Индо-Тихоокеанский регион характеризуется сложной разветвлённой сетью многосторонних взаимодействий (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Восточноазиатский саммит, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество), участие в которых остаётся одним из приоритетных направлений канадской региональной политики. Многостороннее сотрудничество в решении актуальных для Канады проблем позволяет ей внести вклад в процесс формирования региональных норм, продвижение характерных для неё ценностных ориентиров и создание стабильного, инклюзивного и безопасного региона. Усилия Канады сосредоточены главным образом на поддержке организаций гражданского общества, поощрении свободы СМИ и укреплении демократических институтов посредством предоставления финансирования местным гражданским институтам, поддержания проектов по развитию независимых медиаструктур и защите журналистов, а также образовательных программ в сфере избирательного процесса и государственного управления. Все эти задачи позволяют Канаде укреплять связи со странами, которые разделяют её ценности, тем самым ограничивая китайское влияние на них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя в целом подход канадского правительства остаётся по-прежнему дуалистическим, стратегия характеризуется новыми формулировками в отношении КНР. Они ставят Китай в один ряд с государствами, представляющими угрозу мировому порядку, а следовательно, и национальным интересам Канады. Это можно считать значительным изменением в подходе канадского истеблишмента, особенно на либеральном фланге. Ведь именно либеральное правительство Дж. Трюдо стремилось к расширению торговых связей и двусторонних отношений

с КНР, по сути, закрывая глаза на обвинения китайских властей в нарушениях в области прав человека внутри страны.

Кризис в отношениях отразился на стратегии и прямо или косвенно пронизывает документ. Однако какие реальные рычаги воздействия на КНР имеет Канада? Исходя из положений стратегии, политика «сдерживания» Китая в ИТР носит, прежде всего, экономический характер. Хотя Канада не входит даже в пятерку главных торговых партнёров КНР [26], она может использовать экономические механизмы давления, в том числе санкции и другие меры, например, ограничение доступа определённым китайским компаниям на канадский рынок или запрет на инвестиции. Что касается сферы защиты демократических ценностей и прав человека, то пока неясно, как далеко способно пойти канадское правительство в этой области в отношениях с Китаем, и что может сделать, чтобы оказать на него ощутимое влияние и заставить изменить свою политику внутри страны. По всей видимости, Канада будет усиливать свои дипломатические ресурсы, углубляя двусторонние и многосторонние отношения с союзниками, партнёрами, региональными игроками, формируя фронт единомышленников.

В сущности, Канада не имеет достаточного потенциала, чтобы самостоятельно противостоять влиянию КНР на региональном и тем более глобальном уровне. Достижение целей стратегии требует значительных инвестиций в стратегической сфере, так как противодействие включает проблему одностороннего изменения статус-кво Тайваня и территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море. У Канады нет ни необходимых ресурсов, ни достаточного финансирования для противостояния этим угрозам без взаимодействия с союзниками. Следовательно, канадское правительство будет вынуждено рассмотреть вопрос о присоединении, например, к таким институтам, как Индо-Тихоокеанское экономическое рамочное соглашение, ИТЭРС (*Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF*), АУКУС (*AUKUS*) и «четвёрка».

Обозначение Китая на стратегическом уровне как державы, подрывающей основы установленного порядка, представляет собой серьёзный шаг, требующий формирования соответствующей политической и дипломатической линии со стороны правительства. Любая попытка сделать шаг назад будет воспринята обществом как неспособность защитить национальные интересы Канады, что непременно скажется на результатах следующих федеральных выборов.

ИСТОЧНИКИ

1. Australia, Canada, Japan, U.S. Navies Partner in Multilateral Exercise in Philippine Sea. Commander, U.S. 7th Fleet. November 11, 2023. Available at: *UKUSA* (accessed 13.03.2024).

2. Australia's Foreign Policy White Paper, 2017. *Australian Government*. Available at: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/minisite/static/4ca0813c-585e-4fe1-86eb-de665e65001a/fpwhitepaper/foreign-policy-white-paper.html> (accessed 13.03.2024).

3. Canada seeking to set up four-way framework with Japan, South Korea and U.S. *The Japan Times*. March 20, 2023. Available at: <https://www.japan-times.co.jp/news/2023/03/20/national/canada-new-proposal/> (accessed 19.03.2024).
4. Canada supports Tra Vinh's small, medium-sized enterprises. VietnamPlus, *Vietnam News Agency (VNA)*. November 24, 2023. Available at: <https://link.gov.vn/rPheZEHb> (accessed 14.02.2024).
5. Canada-China Business Survey 2022/2023: Highlights. *Canada China Business Council*. January 25, 2024. Available at: <https://ccbc.com/wp-content/uploads/2024/01/2022-2023-CCBC-Canada-China-Business-Survey-Report-highlights.pdf> (accessed 21.03.2024).
6. Canada's Indo-Pacific Strategy, 2022. *Government of Canada*. Available at: <https://www.international.gc.ca/transparency-transparence/indo-pacific-indo-pacifique/> (accessed 15.02.2024).
7. Canada's Indo-Pacific Strategy: Taking Stock of Canada-Asia Foreign Direct Investment One Year Later. *Asia Pacific Foundation of Canada*. December 7, 2023. Available at: <https://www.asiapacific.ca/publication/canada-indo-pacific-strategy-first-anniversary-FDI> (accessed 13.03.2023).
8. Canada's strategy to respond to the Rohingya and Myanmar crises (2021 to 2024). *Government of Canada*. Available at: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_development-enjeux_developpement/response_conflict-reponse_conflicts/crisis-crisis/myanmar-phase2.aspx (accessed 16.02.2024).
9. Canadian businesses concerned over icy China relations, says survey. Business in Vancouver. *Business Intelligence for B.C.* January 31, 2024. Available at: <https://www.biv.com/news/asia-pacific/canadian-businesses-concerned-over-icy-china-relations-says-survey-8295242> (accessed 21.03.2024).
10. Canadian universities conducting joint research with Chinese military scientists. *The Globe and Mail*. January 30, 2023. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-chinese-military-scientists-canadian-universities/> (accessed 21.03.2023).
11. China may be looking at setting up a military base in Pakistan's Gwadar. *The Times of India*. May 12, 2023. Available at: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/pakistan/china-may-be-looking-at-setting-up-a-military-base-in-pakistans-gwadar/articleshow/100096885.cms?from=mdr> (accessed 28.02.2024).
12. CSIS chief opens up about China's interest in Canadian universities. *CBC News*. October 17, 2023. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/csis-director-five-eyes-research-1.6998874> (accessed 21.02.2024).
13. Departmental Results Report 2021-2022. National Defence. *Government of Canada*. Available at: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/corporate/reports-publications/departmental-results-report/2021-22-index/results-core-resp/ready-forces.html> (13.03.2024).
14. Exercise Pitch Black. *Royal Australian Air Force*. Available at: <https://www.air-force.gov.au/news-and-events/events/exercise-pitch-black> (accessed 13.03.2024).
15. Exercise RIMPAC 2022: Canadian Armed Forces participated in the world's premier joint and combined maritime exercise. National Defence / Canadian Armed

Forces. August 4, 2022. Available at: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/news/2022/08/exercise-rimpac-2022-canadian-armed-forces-participated-in-the-worlds-premier-joint-and-combined-maritime-exercise.html> (accessed 27.02.2024).

16. Exercise Talisman Sabre. Australian Army. Available at: <https://www.army.gov.au/our-work/exercises/exercise-talisman-sabre> (accessed 27.02.2024).

17. Free and Open Indo-Pacific, 2023. *Government of Japan*. Available at: https://www.japan.go.jp/kizuna/_userdata/pdf/2023/summer2023/new_plan_for_free_and_open_indo-pacific.pdf

18. Global Affairs Canada advisory on doing business with Xinjiang-related entities. *Government of Canada*. March 21, 2023. Available at: <https://www.international.gc.ca/global-affaires-affaires-mondiales/news-nouvelles/2021/2021-01-12-xinjiang-advisory-avis.aspx?lang=eng> (accessed 21.02.2024).

19. Global Affairs Canada: Departmental Results Report 2022-23. *Government of Canada*. 2023. Available at: <https://www.international.gc.ca/transparency-transparence/assets/pdfs/departmental-results-reports-rapport-resultats-ministeriels/2022-2023-en.pdf> (accessed 19.02.2024).

20. Harrel, P., Rosenberg, E. (2018). China's Use of Coercive Economic Measures. *Center for a New American Security*. June 11, 2018. Available at: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed 14.02.2024).

21. Indo-Pacific Strategy of the United States, 2022. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>

22. Jewel in the Crown of Corruption': The Troubles of Kenya's China-Funded Train. *The New York Times*. August 7, 2022. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/08/07/world/africa/kenya-election-train.html> (accessed 28.02.2024).

23. Paltiel, J. In the Indo-Pacific, Canada has core interests but weak clout. *Policy Options*. September 15, 2023. Available at: <https://policyoptions.irpp.org/magazines/september-2023/canada-indo-pacific-clout/> (accessed 15.02.2024).

24. Policy on Sensitive Technology Research and Affiliations of Concern. *Government of Canada*. Available at: <https://science.gc.ca/site/science/en/safeguarding-your-research/guidelines-and-tools-implement-research-security/policy-sensitive-technology-research-and-affiliations-concern> (accessed 21.03.2024).

25. Quad' Alliance Joins Together for Exercise Malabar 2023 in Australia. *U.S. Naval Institute*. August 11, 2023. Available at: <https://news.usni.org/2023/08/11/quad-alliance-joins-together-for-exercise-malabar-2023-in-australia> (accessed 27.02.2024).

26. Review of China's Foreign Trade in 2021. *General Administration of Customs of the People's Republic of China*. January 14, 2022. Available at: <http://english.customs.gov.cn/Statics/63ef2d4b-d9f8-411e-8424-34a08b11e3fd.html> (accessed 28.03.2024).

27. Rigby, V., Ahmed, A. Is there trouble ahead for Canada's Indo-Pacific strategy? *McGill University*. December 5, 2023. Available at: <https://www.mcgill.ca/maxbell-school/max-policy/indo-pacific-strategy> (accessed 10.02.2024).

28. Royal Canadian Air Force participates in multinational exercise in Indo-Pacific Region. National Defence. *Canadian Armed Forces*. June 30, 2023. Available at: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/news/2023/06/royal-canadian-air-force-participates-in-multinational-exercise-in-indo-pacific-region.html> (accessed 27.02.2024).

29. Statement from Minister Champagne, Minister Duclos and Minister Mendicino on protecting Canada's research. Innovation, Science and Economic Development Canada. *Government of Canada*. February 14, 2023. Available at: <https://www.canada.ca/en/innovation-science-economic-development/news/2023/02/statement-from-minister-champagne-minister-duclos-and-minister-mendicino-on-protecting-canadas-research.html> (accessed 21.03.2024).

30. 407 Squadron seeking another victory in Exercise Sea Dragon. National Defence. *Canadian Armed Forces*. March 15, 2023. Available at: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/news/2023/03/407-squadron-seeking-another-victory-in-exercise-sea-dragon.html> (accessed 27.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Графов Д.Б. Подходы США к сдерживанию Китая. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 3. С. 41–60. DOI: 10.31857/S2686673022030038.

Солянова М.В. Новейший этап политики Канады в отношении КНР: переход к противостоянию? *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 12. С. 44–60. DOI: 10.31857/S268667300017540-4.

Сячин В.Г., Эпштейн В.А. (2021). Китайские инвестиции в порты Джибути: цели и перспективы (часть 1). *Современные востоковедческие исследования*. Том 3, № 4. С. 610–618.

Уянаев С.В. Китай в Индо-Тихоокеанской политике США: цели и эволюция. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 7. С. 23–35. DOI: 10.31857/S2686673023070027.

REFERENCES

Cordesman, A.H., Burke, A.A., Molot, M. (2019). Military Build Up in South China Sea as Part of Overall Change in China's Strategic Posture. *China and the U.S.: Cooperation, Competition and/or Conflict an Experimental Assessment*, pp. 309–335. Center for Strategic and International Studies (CSIS). Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep22586.29> (accessed 20.02.2024).

Grafov, D. Podkhody SShA k sderzhivaniuu Kitaia [The U.S. Approaches to Deter China] (in Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022. No. 3. С. 41–60. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300019535-8-1/> DOI: 10.31857/S2686673022030038.

Komakech, R.A., Ombati, T.O. (2023). Belt and Road Initiative in Developing Countries: Lessons from Five Selected Countries in Africa. *Sustainability* 2023, 15, 12334. DOI: <https://doi.org/10.3390/su151612334>.

Mastro, O.S. (2022). Deterrence in the Indo-Pacific. *Asia Policy*, 17(4), 8–18. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27254588> (accessed 29.02.2024).

Roy-Chaudhury, S. (2019). China, the Belt and Road Initiative, and the Hambantota Port Project. *St Antony's International Review*, 15(1), 153–164. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27027759> (accessed 15.05.2024).

Solyanova, M. Noveishii etap politiki Kanady v otnoshenii KNR: perekhod k protivostoiianiiu? [The Latest Stage of Canada's Policy Towards China: Transition to Confrontation?] (In Russ.) *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021. No. 12. P. 44-60. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300017540-4-1/> DOI: 10.31857/S268667300017540-4.

Syachin, V.G., Epshtejn, V.A. (2021). Chinese investment in Djibouti's ports: objectives and prospects (part 1) [Kitaiskie investitsii v porty Dzhibuti: tseli i perspektivy (chast` 1)] (In Russ.). *Modern Oriental Studies*. Vol. 3, № 4. P. 610-618.

Uyanaev, S. Kitai v Indo-Tikhookeanskoi politike SShA: tseli i evoliutsiia [China in American Indo-Pacific Policy: Goals and Evolution] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. No. 7. C. 23-35 Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300029742-6-1/> DOI: 10.31857/S2686673023070027.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СОЛЯНОВА Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Российская Федерация, 117997
Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Maria V. SOLYANOVA, Candidate of Sciences (Political), Researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

23, Profsoyuznaya St., Moscow 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.07.2024 / Revised 15.07.2024.

Статья принята к публикации 17.07.2024 / Accepted 17.07.2024.

УДК: 327.51

DOI: 10.31857/S2686673024090041

EDN: ZVOGLF

После Афганистана: военная политика США на Ближнем и Среднем Востоке

В.И. Батюк

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ResearcherID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 РИНЦ ID: 74138

ORCID: 0000-0003-1838-8616 e-mail: ctas@inbox.ru

Резюме: В условиях сокращения американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке в последние годы официальный Вашингтон сталкивается с ослаблением своего политического влияния в регионе. Одновременно всё более активную роль там играют такие противники США, как Иран, Китай и Россия. В сложившейся ситуации американское военно-политическое руководство делает ставку, с одной стороны, на развитие партнёрских и союзнических связей со странами Ближнего и Среднего Востока, а с другой – на развитие новейших средств вооружённой борьбы, включая беспилотные воздушные, морские и наземные аппараты.

Ключевые слова: военное присутствие, стратегические противники, экономические связи, беспилотники

Для цитирования: Батюк В.И. После Афганистана: военная политика США на Ближнем и Среднем Востоке. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54 (9): 46–61. DOI: 10.31857/S2686673024090041 EDN: ZVOGLF

After Afghanistan: U.S. Military Policy in the Middle East

Vladimir I. Batyuk

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences (ISKRAN).*

2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

ResearcherID: O-9977-2015 Scopus Author ID: 54883750900 РИНЦ ID: 74138

ORCID: 0000-0003-1838-8616 e-mail: ctas@inbox.ru

Abstract: In the context of the reduction of the American military presence in the Middle East in recent years, official Washington is facing a weakening of its political influence in the region. At the same time, U.S. adversaries such as Iran, China, and Russia are playing an increasingly active role there. Under the current conditions, the American military and political leadership is betting, on the one hand, on the development of partnerships and alliances with Middle Eastern countries, and on the other, on the advancement of the latest means of armed conflict, including unmanned aerial, naval, and ground vehicles.

Keywords: military presence, strategic adversaries, economic ties, drones

For citation: Batyuk, V.I. After Afghanistan: U.S. Military Policy in the Middle East. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54 (9): 46-61.

DOI: 10.31857/S2686673024090041 EDN: ZVOGLF

ВВЕДЕНИЕ

Стремительный крах проамериканского режима в Афганистане после вывода из страны американских войск в августе 2021 года сорвал планы Вашингтона по сохранению своего влияния и косвенного присутствия в этой средневосточной стране. А ведь ещё весной 2021 года высокопоставленные военные не скрывали своей уверенности в том, что Национальные силы обороны и безопасности Афганистана смогут (при американской финансовой поддержке) удержать ситуацию в стране под контролем [1].

Афганское фиаско заставило Вашингтон серьёзно пересмотреть подходы к ключевым аспектам американской ближневосточной стратегии. В своей программной речи по Афганистану 16 августа 2021 года президент Дж. Байден заявил: «И наши истинные стратегические конкуренты – Китай и Россия – больше всего хотят, чтобы Соединённые Штаты продолжали бесконечно направлять миллиарды долларов, а также ресурсы и внимание на стабилизацию Афганистана. <...> Я не буду повторять ошибки, которые мы совершили в прошлом – ошибки, заключающиеся в том, что мы остаёмся и сражаемся в конфликте, который не отвечает национальным интересам Соединённых Штатов, в попытке переделать страну с помощью бесконечного развёртывания американских войск. Это те ошибки, которые мы не можем продолжать повторять, потому что у нас есть важные жизненные интересы в мире, которые мы не можем позволить себе игнорировать» [2].

Эта речь 46-го президента США означала тотальное отрицание тех основ, на которых зиждилась американская стратегия национальной безопасности с момента окончания холодной войны, когда Соединённые Штаты ощутили себя мировым гегемоном. Идея о том, что Вашингтон должен нести всему миру свободу и демократию (если надо, то и на штыках американской морской пехоты) стала определяющей для военно-политической стратегии США после 1991 года. В той или иной форме «нациестроительством» занимались все постбиполярные американские президенты – предшественники Дж. Байдена.

Заявление президента Дж. Байдена с полным основанием указывает на то, что Америка больше не будет приобщать другие страны и народы к свободе и демократии силой оружия, поскольку у Соединённых Штатов другие проблемы на международной арене – необходимость противостоять «истинным стратегическим конкурентам» (прежде всего Китаю и России).

Этот сдвиг в американской национальной стратегии, безусловно, сказался на ближневосточной политике США. Уход Соединённых Штатов из Афганистана

серьёзно подорвал позиции Вашингтона в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной и Южной Азии.

Более того, с проблемами столкнулись американские правящие круги, пытаясь выстроить взаимоотношения со странами, которые не являются военными союзниками США, но важны для американской национальной стратегии. Афганистан имел статус «союзника США за пределами НАТО» – и это были не пустые слова. На территории страны были размещены американские войска, американцы оказывали большую экономическую и военно-техническую помощь Кабулу. Однако это не спасло афганский режим от моментального краха после вывода американских войск.

Перед теми американскими союзниками и партнёрами, не имеющими договоров о военном союзе с Соединёнными Штатами, накладывающими на Вашингтон обязательства по оказанию военной помощи, встал вопрос: не бросят ли их американцы в трудный час, как это произошло с афганцами? И это обстоятельство, безусловно, весьма осложнит (и уже осложняет) взаимоотношения американских правящих кругов с целым рядом государств Ближнего и Среднего Востока.

Не следует недооценивать и последствий афганского краха для *идеологии* американской внешней политики. Фактический отказ (устаи Д. Байдена) от политики продвижения демократии в мире ставит под вопрос претензии Вашингтона на лидерство в сообществе демократических государств [Mounk, Y., 2021].

Таким образом, военно-политическое поражение США в Афганистане имеет и будет иметь далекоидущие последствия и для американской военной стратегии на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах планеты.

Негативные последствия вывода американских войск из Афганистана могли бы быть хотя бы отчасти компенсированы за счёт создания американских баз на территории стран Центральной Азии (ЦА) – но этого не случилось (хотя дипломатический зондаж относительно такой возможности официальный Вашингтон проводил). В Соединённых Штатах сделали однозначный вывод о росте влияния России и Китая в Центральноазиатском субрегионе – за счёт США. Очень ярко это обстоятельство проявилось в январе 2022 года во время известных событий в Казахстане, когда главную помощь правительству страны в наведении порядка оказала ОДКБ во главе с Россией. Какое-либо американское участие в этих событиях было незаметно.

Большое значение имеет и то обстоятельство, что за последние 30 лет США так и не сумели стать значимым экономическим партнёром для стран ЦА (где основными торговыми партнёрами остаются ЕС, Китай и Россия). Отсутствие экономического фундамента во взаимоотношениях между Соединёнными Штатами и странами региона, безусловно, будет серьёзным препятствием для расширения американского влияния в ЦА.

Вывод американских войск из Афганистана имел негативные последствия для американской политики и в других субрегионах Ближнего и Среднего Во-

стока, не граничащих непосредственно с этой страной. Яркое свидетельство тому – откровенное пренебрежение, которое ближневосточные лидеры (прежде всего наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Сальман Аль Сауд) демонстрируют по отношению к президенту Дж. Байдену и возглавляемой им стране.

Между тем Вашингтон не может позволить себе «забыть» о существовании Ближнего Востока – слишком важен этот огромный регион для Соединённых Штатов в силу весомых политических, военных, экономических и идеологических причин. По американским оценкам, серьёзную угрозу американской безопасности представляют активно действующие в Ближневосточном регионе Иран, экстремистские организации, а также Россия и Китай, пытающиеся расширить своё присутствие на Ближнем Востоке.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Дж. БАЙДЕНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Несмотря на вывод американских войск из Афганистана и сокращение численности американских военных в Ираке, Ближний Восток остаётся в центре внимания американских правящих кругов. Экономический и морально-политический потенциал данного региона, а также его уникальное географическое положение – всё это не позволяет Вашингтону «забыть» о существовании Ближнего и Среднего Востока.

В Стратегии национальной безопасности США, утверждённой Дж. Байденом в октябре 2022 года (СНБ-2022), указывается: «За последние два десятилетия внешняя политика США была сосредоточена преимущественно на угрозах, исходящих со стороны Ближнего Востока и Северной Африки. Мы слишком часто прибегали к политике, ориентированной на военные действия, подкреплённой нереалистичной верой в силу и смену режима для достижения устойчивых результатов, не сумев должным образом учесть альтернативные издержки, связанные с конкурирующими глобальными приоритетами, или непреднамеренные последствия. Пришло время отказаться от грандиозных замыслов в пользу более практических шагов, которые могут продвинуть интересы США и помочь региональным партнёрам заложить основы большей стабильности, процветания и новых возможностей для народов Ближнего Востока и для американского народа. Соединённые Штаты определили новые рамки политики США в регионе, основанной на беспрецедентном сравнительном преимуществе Америки в создании партнёрств, коалиций и альянсов для усиления сдерживания» [3: 42].

Очевидно, что администрация Дж. Байдена стремилась покончить с эпохой бесконечных войн, которые на протяжении первых двух десятилетий XXI века Соединённые Штаты вели прежде всего в Ближневосточном регионе, и, соответственно, снизить уровень американского военного присутствия на Ближнем Востоке. Это положение СНБ-2022 выглядит совершенно логичным в условиях

обострения российско-американского и американо-китайского соперничества в мире. Но при этом, как следует из данного документа, Вашингтон не собирается ограничивать своё влияние в регионе.

Решение этой непростой задачи – сократить военное присутствие, сохранив при этом американское лидерство – возложено на Центральное командование вооружённых сил США (ЦЕНТКОМ). Именно ему поручено обеспечение военной безопасности и интересов Соединённых Штатов на Ближнем Востоке.

Командующий ЦЕНТКОМом генерал М. Курилла, выступая 7 марта 2024 года перед комитетом по делам вооружённых сил Палаты представителей Конгресса США, указал на тройной вызов безопасности, с которым США сталкиваются в Ближневосточном регионе: военно-политическая угроза со стороны Ирана, деятельность террористических и экстремистских организаций, а также укрепление позиций Китая и России на Ближнем и Среднем Востоке [4: 1].

ИРАН – ГЛАВНЫЙ ВЫЗОВ АМЕРИКАНСКИМ ИНТЕРЕСАМ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Среди всех вызовов и угроз именно Иран, по оценке официального Вашингтона, представляется главной проблемой для американской политики на Ближнем Востоке. В утверждённой 27 октября 2022 года Национальной оборонной стратегии США утверждается, что Иран «создаёт и экспортирует большое количество ракетной техники, беспилотные авиационные системы и передовую морскую технику, которые угрожают свободному потоку энергетических ресурсов и международной торговле. Иран ещё больше подрывает стабильность на Ближнем Востоке, поддерживая террористические группы и вооружённых комбатантов, используя собственные военизированные формирования, участвуя в военных провокациях и проводя вредоносные кибер- и информационные операции» [5: 5].

В свою очередь, генерал М. Курилла заявил, что «Иран продолжает использовать свою ядерную программу для международного шантажа. В прошлом году Иран продолжал производить и создавать запасы высокообогащённого урана, значительно превышающие уровень, необходимый для гражданских целей, в надежде добиться экономических уступок от международного сообщества. <...> Если Иран примет решение, он может обогатить уран в количестве, достаточном для трёх ядерных устройств, в течение нескольких недель. Обладающий ядерным оружием Иран преобразил бы регион в одночасье и навсегда, вероятно, разжигая региональную гонку ядерных вооружений и создавая зонтик безопасности для своих гегемонистских амбиций. Иран также способен к применению военной силы на расстоянии с помощью баллистических ракет, беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и других передовых видов обычного вооружения. За последние 12 месяцев Иран продолжал расширять свой арсенал высокоточных систем вооружения, включая баллистические и крылатые ракеты с дальностью действия до 2000 км и беспилотные летательные аппараты одно-

стороннего действия с дальностью до 3000 км. Эти возможности позволяют Ирану наносить удары по каждой стране в зоне ответственности Центрального командования и поражать ключевых союзников США даже в Европе. <...> Современное оружие Ирана постоянно использовалось его доверенными лицами в Ливане, Ираке, Сирии и Йемене в течение последних пяти месяцев, и они продолжают свои незаконные поставки, нарушая санкции ООН ежедневно. Наконец, варварское нападение ХАМАСа на Израиль было бы невозможно без многолетней иранской материальной поддержки и подготовки кадров» [4: 5].

Как известно, с конца 1970-х годов Иран находится под очень жёсткими санкциями со стороны США и их союзников. За эти годы было немало экспертных оценок и заявлений официальных лиц об «уничтоженной» иранской экономике. Однако, как следует из текста Национальной оборонной стратегии и из оценок Центрального командования, эта «уничтоженная» экономика, оказывается, может производить такие высокотехнологические изделия, как баллистические ракеты и беспилотные летательные и плавающие аппараты. Как полагают в Министерстве обороны США, современные иранские беспилотники – это уже не коммерческие аппараты, переделанные на скорую руку в кустарных условиях для решения военных задач. Теперь это продвинутые в техническом отношении платформы с увеличенной скоростью, дальностью, точностью, системами защиты от радиоэлектронной борьбы и повышенной грузоподъемностью.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: УГРОЗА СО СТОРОНЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Террористические организации продолжают активную деятельность на Ближнем Востоке. По оценкам американских военных, в регионе действуют такие ведущие международные террористические группы, как Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)* и «Аль-Каида»* [4: 9-12].

Серьёзную озабоченность у Центрального командования вызывает ИГИЛ*. В борьбе с этой террористической организацией (в рамках операции «Непоколебимая решимость») американцы делают ставку на продолжающееся, хотя и достаточно ограниченное, военное присутствие в Ираке и Сирии, на иракские силы безопасности и оппозиционные силы в Сирии (так называемые «Сирийские демократические силы»), находящиеся на содержании Вашингтона [4: 9].

На протяжении 2021–2024 годов в американской стратегии борьбы с экстремистами в зоне ответственности ЦЕНТКОМа произошли серьёзные перемены. Если в 2021 году в центре внимания Центрального командования была поддержка проамериканского режима президента Афганистана А. Гани в его борьбе с «Талибаном»* [6: 8-9], то в докладе генерала М. Куриллы перед комитетом

* Здесь и далее звёздочкой (*) обозначены террористические организации, запрещённые в Российской Федерации.

по делам вооружённых сил Палаты представителей в марте 2024 года талибы были представлены как союзники США в борьбе против действующего на территории Афганистана подразделения ИГИЛ* «ИГИЛ-Хорасан»*.

Правда, по словам генерала, этот новый американский союзник не спешит выполнять все пожелания Вашингтона: «В 2023 году "Талибан"* нацелился на некоторых ключевых лидеров "Вилаят Хорасан"*, но не продемонстрировал ни способности, ни намерения поддерживать адекватное контртеррористическое давление. Фактически, это отсутствие постоянного давления позволило ИГИЛ* восстановить и укрепить свои сети, создав множество новых террористических ячеек, которые направляют и вдохновляют террористические нападения. Кроме того, движение "Талибан"* не проявило особого интереса к оказанию контртеррористического давления на "Техрик-и-Талибан Пакистан"* (ТТП*), представляющее значительную угрозу стабильности в приграничных районах Пакистана. Мы не ожидаем, что эта динамика изменится» [4: 11].

По данным Центрального командования, «Аль-Каида»*, хотя и ослабленная, всё ещё действует в Афганистане и Йемене. «Аль-Каида на Индийском субконтиненте»* (АКИС*) управляет тренировочными лагерями, конспиративными квартирами и религиозными школами в Афганистане. «Аль-Каида на Аравийском полуострове»* (АКАП*) начала контрнаступление против правительственных войск Йеменской Республики в сентябре 2023 года, вероятно, чтобы восстановить доступ к исторически благоприятным районам в южных областях [4: 12].

В начале 2024 года возникла угроза полного вывода американских войск из Ирака и Сирии, о чём подробнее будет сказано ниже. По мнению генерала М. Куришлы, необходимо предотвратить преждевременный уход ВС США из этих стран: «Если Иран и Россия преуспеют в своей цели вытеснить нас до того, как силы наших партнёров смогут действовать независимо, по моей оценке, ИГИЛ* восстановит способность захватывать территории в течение двух лет. Постоянное присутствие Глобальной [антиигиловской – В.Б.] коалиции не только помогает нашим партнёрам в их борьбе с ИГИЛ*, но и предотвращает восстановление территориального контроля и гарантирует, что у группировки нет безопасного убежища в Ираке или Сирии для планирования глобальных атак» [4: 15].

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЮ

Говоря о китайской угрозе американским позициям на Ближнем Востоке, американские правящие круги указывают, в первую очередь, на торгово-экономические связи Китая со странами региона. Дело не только в том, что КНР в настоящее время импортирует более половины своей сырой нефти и более трети природного газа из тех стран, которые входят в зону ответственности

ЦЕНТКОМа [7: 11]. Понятно, что заменить такие объёмы ничем, и поэтому никакой американский нажим на ближневосточные страны не приведёт к разрыву торгово-экономических связей между ними и Пекином. Экономические связи между Китаем и Ближним Востоком не ограничиваются, однако, только торговлей. КНР является крупнейшим инвестором в страны Ближнего и Среднего Востока.

Особую озабоченность у руководства Центрального командования вызывает то, что в последние годы КНР серьёзно нарастила свои поставки вооружений в регион, подорвав тем самым былую американскую монополию в этой сфере [4: 17]. Американские военные также обратили внимание на развёртывание оперативной группы сопровождения ВМС НОАК, действовавшей в Аденском заливе и использовавшей Джибути в качестве центра обеспечения. По завершении своей миссии оперативная группа сопровождения посетила порты Кувейта, Катара, ОАЭ и Пакистана, что вызвало озабоченность у командования ЦЕНТКОМа [4: 17].

Пекин всё активнее использует возможности своей дипломатии. Сильнейшим ударом по американским позициям в регионе стала достигнутая в марте 2023 года договорённость между Саудовской Аравией и Ираном о восстановлении дипломатических отношений (договорённость была достигнута при посредничестве КНР). Представитель Белого дома Дж. Кирби заявил, что, хотя саудовцы информировали американскую сторону об этих переговорах, США не были напрямую вовлечены в этот процесс (читай: американцы не сумели эти переговоры сорвать).

Дж. Кирби был вынужден ограничиться кислым комментарием о том, что данное соглашение стало результатом «эффективного сдерживания» Ирана. «Мы поддерживаем любые усилия по деэскалации напряжённости в регионе. Мы думаем, что это в наших интересах, и это то, над чем мы работали с помощью нашего собственного эффективного сочетания сдерживания и дипломатии», – попытался превратить поражение в победу представитель Белого дома [8].

Не случайно, комментируя это соглашение Тегерана и Эр-Рияда, генерал М. Курилла с чисто военной прямоотой обвинил Пекин в том, что Китай не желает использовать своё влияние в регионе в американских интересах, поскольку КНР-де «мало что сделала для обуздания дестабилизирующего поведения Ирана после широко разрекламированного сближения, которое она осуществила при посредничестве Тегерана и Эр-Рияда в марте 2023 года. <...> Вместо этого Пекин лишь помогает Тегерану уклоняться от санкций и ускоряет дестабилизацию региона» [4: 18].

Ещё одним свидетельством успехов китайской дипломатии (в данном случае экономической) на Ближнем и Среднем Востоке стала китайская инициатива «Пояс и путь». Из 21 страны, находящейся в зоне ответственности ЦЕНТКОМа, 19 заключили с Пекином соглашения в рамках данной инициативы [7: 12].

Пытаясь перехватить инициативу у Китая в экономической сфере, администрация Дж. Байдена выдвинула в ходе саммита Группы двадцати (G20) в сентябре 2023 года инициативу о создании нового экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа. 9 сентября лидеры Соединённых Штатов, Индии, Саудовской Аравии, Объединённых Арабских Эмиратов, Франции, ФРГ, Италии и ЕС объявили о подписании Меморандума о взаимопонимании стран-участниц относительно создания этого экономического коридора [9].

В условиях снижения американского присутствия в Ближневосточном регионе американское военно-политическое руководство делает ставку на расширение партнёрских связей на Ближнем и Среднем Востоке. По словам генерала М. Куриллы, если Китай и Россия строят свои отношения со странами региона на деловой основе, для ЦЕНТКОМа партнёрские отношения между США и странами Ближневосточного региона должны быть основаны на «ценностях» и «приверженности» региону. В то время как Китай, по словам М. Куриллы, рассматривает страны региона как возможных заказчиков, Соединённые Штаты «ищут партнёров и союзников» [7: 16].

Проблема в том, что многие ближневосточные страны предпочитают проводить многостороннюю внешнюю политику, поддерживая связи как с США и их союзниками, так и с их геополитическими противниками – Ираном, КНР и РФ. Например, такие ближневосточные страны, как Бахрейн, Саудовская Аравия и ОАЭ, являются партнёрами США по Международной коалиции по безопасности на море (*International Maritime Security Construct*) и в то же время эти же страны (а также Египет, Катар и Кувейт) в последние годы стали партнёрами по диалогу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). А в 2024 году Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран вступили в БРИКС. Генерал М. Курилла полагает: «Мы рискуем ухудшить наши стратегические отношения со странами региона и уступить своё преобладающее влияние Пекину, если не сможем эффективно помочь нашим партнёрам в удовлетворении их потребностей в области безопасности» [4: 19].

Наряду с Китаем американское военно-политическое руководство рассматривает в качестве серьёзного вызова своим интересам в Ближневосточном регионе и Россию. Особую озабоченность у Центрального командования вызывает российское военное присутствие в Сирии и в странах Центральной Азии, а также российское военно-техническое сотрудничество с Ираном [4: 20].

Так, ситуация на Украине, по оценке генерала М. Куриллы, привела к расширению этого сотрудничества, когда Иран якобы поставляет России тысячи беспилотных летательных аппаратов и баллистические ракеты, а РФ и ИРИ договорились о поставках Ирану истребителей Су-35, ударных вертолётов и учебно-тренировочных самолётов [4: 21].

Следует отметить, что в оценках ЦЕНТКОМа ситуации в Центральной Азии в последнее время стало больше оптимизма. Так, генерал М. Курилла утверждал в марте 2024 года: «Наши партнёры в Центральной Азии стали свидетелями

неспровоцированных вторжений России на Украину и в Грузию и последующих действий её вооружённых сил, что вызвало сомнения в её благонадёжности как партнёра в области безопасности. <...> В результате у ЦЕНТКОМа появилась уникальная возможность укреплять и расширять наши партнёрские отношения с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном» [4: 21]. Правда, надежды Вашингтона на возможность переброски хотя бы части выведенных из Афганистана американских военных на территорию центрально-азиатских стран не оправдались, но, как говорится, надежда умирает последней.

СТРАТЕГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМАНДОВАНИЯ В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Всем вызовам американским интересам на Ближнем и Среднем Востоке Соединённые Штаты вынуждены противостоять в условиях снижения постоянного американского военного присутствия в регионе. Так, численность американских военнослужащих там сократилось в 2022 году на 85% по сравнению с пиковыми значениями 2008 года [8: 18].

Вот почему руководство ЦЕНТКОМа придаёт огромное значение новейшим военным технологиям. Генерал М. Курилла указал на сформированные в рамках ЦЕНТКОМа оперативные тактические группы – 59, 99 и 39.

Опергруппа 59 отвечает за применение инновационных технологий на море, используя беспилотные подводные и надводные суда. Они оснащены датчиками, которые собирают огромные объёмы данных. Эти данные, обрабатываемые с помощью искусственного интеллекта, помогают составить более чёткое представление об операционной обстановке на море. Цель опергруппы 59 – формирование интегрированной сети беспилотных аппаратов и искусственного интеллекта для обеспечения безопасности морей и усиления защиты глобальной торговли.

Опергруппа 59 активно сотрудничает с такими ближневосточными партнёрами США, как Бахрейн, Иордания и Саудовская Аравия. Опергруппа имеет свои базы в Бахрейне и Иордании. Кроме того, проводятся совместные морские учения с этими странами, в ходе которых отрабатывается применение беспилотных морских систем.

Опергруппа 99 отвечает за воздушное пространство в зоне ответственности ЦЕНТКОМа. Она решает свои задачи с помощью беспилотных летательных аппаратов, работающих совместно для наблюдения, обнаружения и сбора данных, которые поступают в оперативный центр.

Также существует опергруппа 39, которая использует парк беспилотных наземных транспортных средств в паре с пилотируемыми наземными транспортными средствами. Эта группа также изучает новые технологии для поражения иранских беспилотников, включая технологии направленной энергии [4: 29-30].

ОБОСТРЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ОКТЯБРЕ 2023 ГОДА И ПОЛИТИКА США

В ЦЕНТКОМе считают серьёзным успехом поддержание партнёрских отношений как с арабскими странами, так и с Израилем. Следует отметить, что, по мнению многих американских экспертов, традиционный подход США к Ближневосточному региону, при котором страны Ближнего и Среднего Востока жёстко делятся на «врагов» и «друзей», ограничивает возможности американской дипломатии, в результате чего инициатива переходит в руки Москвы и Пекина. Как полагает американский исследователь П. Пиллар, «для расширения американского влияния Соединённым Штатам следует подражать русским (а теперь и китайцам) в ведении бизнеса со всеми, а не рассматривать Ближний Восток как жёстко разделённый на друзей и врагов. Другой урок заключается в том, что, хотя у Соединённых Штатов есть веские причины сохранить своё присутствие в регионе, это присутствие не обязательно должно принимать сильно милитаризованные формы, что привело к огромным потерям ресурсов и к разочарованию широкой общественности в продолжении активной политики на Ближнем Востоке» [Pillar, P., 2022].

Прогноз П. Пиллара о том, что жёсткое деление региональных акторов на союзников и врагов создаст дополнительные трудности для американской ближневосточной политики, полностью оправдался после 7 октября 2023 года, когда движение ХАМАС совершило нападение на районы Израиля, граничащие с сектором Газа. Официальный Вашингтон безоговорочно поддержал Израиль в этом конфликте, ссылаясь на «американские ценности». Более того, президент Дж. Байден заявил о выделении дополнительной военной и гуманитарной помощи своему ближневосточному союзнику [10]. Переброска двух авианосных ударных групп ВМС США в Восточное Средиземноморье также была воспринята во всём мире как прямая военная поддержка Израиля.

Реакция арабского мира на столь одностороннюю позицию США не заставила себя ждать. *Во-первых*, американские военные базы на Ближнем Востоке подверглись неоднократным нападениям с применением ракетной техники и беспилотников – только в октябре 2023 года двенадцать таких инцидентов было в Ираке и четыре в Сирии, в ноябре нападения на американские военные объекты продолжились. В этих условиях Министерство обороны направило батарею противовоздушной обороны из Форт-Блисса (штат Техас); батарею ракет ПВО «Пэтриот» (*Patriot*) из Форт-Силла (штат Оклахома); батарею «Пэтриот» и «Авенджер» (*Avenger*) из Форт-Либерти (штат Северная Каролина) в зону ответственности Центрального командования (всего 900 военнослужащих) [11]. Кроме того, на Ближний Восток в зону ответственности Центрального командования была переброшена эскадрилья истребителей-бомбардировщиков F-16 из 119-й

экспедиционной истребительной эскадрильи Национальной гвардии ВВС штата Нью-Джерси [12].

Во-вторых, обострились политические разногласия между США и даже теми арабскими странами, которые прежде демонстрировали готовность к сотрудничеству с Вашингтоном. Так, сильнейший удар был нанесён по заключённым в сентябре 2020 года «Соглашениям Авраама» – договорённостям между ОАЭ и Бахрейном, с одной стороны, и Израилем – с другой (при американском посредничестве), о нормализации отношений между этими ближневосточными странами.

Ещё одним проявлением растущих противоречий между США и арабским и исламским миром стала предложенная группой арабских стран в октябре 2023 года резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о прекращении огня в зоне конфликта между Израилем и ХАМАСом в секторе Газа. Документ поддержали все арабские и исламские страны, но, разумеется, не только они – всего 120 государств проголосовали «за», включая Россию.

Израиль и Соединённые Штаты, проголосовавшие «против», оказались в изоляции – их поддержали лишь Австрия, Хорватия, Чехия, Гватемала, Венгрия, Маршалловы острова, Микронезия, Науру, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай, Тонга. Даже некоторые союзники США по НАТО (Франция, Испания, Португалия) поддержали резолюцию о прекращении огня, остальные американские союзники, включая и англосаксонские государства, предпочли воздержаться [13]. И это далеко не единственный пример политической изоляции Соединённых Штатов и в Ближневосточном регионе, и в мире в целом. Например, отказ главы Палестинской автономии М. Аббаса, короля Иордании Абдаллы II и президента Египта ас-Сиси от встречи с президентом США Дж. Байденом 18 октября 2023 года в Аммане стал выражением протеста против бомбардировок Израилем сектора Газа.

Таким образом, обострение ближневосточного конфликта в октябре 2023 года не привело к укреплению военно-политических позиций США на Ближнем Востоке: односторонняя ориентация на Израиль создаёт сильнейшие препятствия для диалога со странами региона. Более того, возникли вполне реальные перспективы вовлечения американских вооружённых сил в ближневосточный конфликт. В конце октября – начале ноября 2023 года произошли ожесточённые столкновения между американскими войсками, расквартированными в Сирии, и регулярными вооружёнными силами Сирийской Арабской Республики. Эскалация этого вооружённого противостояния может иметь самые непредсказуемые последствия.

С 7 октября 2023 года, когда началась военная эскалация на Ближнем Востоке, и до начала января 2024 года шиитские бойцы совершили свыше 110 нападений на американские базы в Ираке и Сирии [14]. 28 января в результате нападения проиранских боевиков на американскую базу «Башня-22» (*Tower 22*) трое американских военных погибли и 34 – получили ранения [15]. Нельзя исключать, что в результате этого инцидента и ему подобных боестолкновений могут начаться военные действия меж-

ду американскими вооружёнными силами, развёрнутыми в регионе, и иранскими военными. В начале 2024 года, однако, Вашингтон и его союзники предпочитали вести против Ирана прокси-войну, нанося удары по позициям проиранских группировок в Сирии и Ираке, а также по позициям хуситов [16].

До сих пор попытки официального Вашингтона изменить неблагоприятные для него тенденции на Ближнем Востоке за счёт увеличения американского военного присутствия в регионе не принесли ожидаемых результатов. Как уже упоминалось, переброска двух авианосных ударных группировок в Восточное Средиземноморье после событий 7 октября 2023 года не привела к укреплению американских позиций в арабском мире. Переброска авианосной группы во главе с авианосцем «Дуайт Эйзенхауэр» в район Баб-эль-Мандебского пролива в рамках операции «Страж процветания» (*Prosperity Guardian*) также не дала ожидаемых результатов: йеменские повстанцы-хуситы продолжили блокаду коммерческого судоходства в Красном море и Аденском заливе – блокаду, которая наносит огромный ущерб мировой экономике, особенно экономике стратегического союзника США – Израиля [Lagrone, S., 2023], несмотря на бомбоштурмовые удары американцев и их союзников по позициям хуситов.

Попытки американских войск, расквартированных в Ираке (их численность на данный момент составляет 2,5 тыс. военнослужащих), активизировать свои действия против проиранских боевиков привели к тому, что после убийства американцами Казима аль-Джавари, лидера военизированной шиитской группировки «Силы народной мобилизации» в начале января 2024 года премьер-министр правительства Ирака Мохаммед аль-Судани заявил о том, что американские войска должны быть полностью выведены из страны [17].

Американская сторона была вынуждена согласиться на переговоры о выводе своих войск из Ирака [18]. Но если этот вывод действительно состоится, то, как полагает спецпредставитель президента РФ по Сирии А.Л. Лаврентьев, за выводом войск США из Ирака, несомненно, последует вывод войск из Сирии, так как поддерживать логистику и содержать воинский контингент в Сирии, не имея возможности использовать иракскую территорию, будет невозможно [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальный Вашингтон вынужден проводить свою ближневосточную политику в условиях ослабления американских позиций в регионе. На Востоке ценят силу, а администрация Дж. Байдена до сих пор демонстрировала слабость, начиная с катастрофического по своим последствиям вывода американских войск из Афганистана и заканчивая неспособностью убедить нефтедобывающие монархии Персидского залива увеличить производство нефти. Безоговорочная поддержка Израиля в октябре 2023 года не прибавила авторитета Соединённым Штатам в глазах региональных акторов.

В результате ослабление американских позиций в регионе (и, соответственно, усиление позиций Ирана, Китая и России) стало в последние годы устойчивым трендом. Серьёзной неудачей американской дипломатии стало решение, принятое в августе 2023 года, о вступлении в БРИКС ряда влиятельных арабских стран, которые долгое время рассматривались в Вашингтоне как партнёры и союзники – Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии. Одновременно в БРИКС вступил и такой архивраг Соединённых Штатов, как Иран.

Вряд ли военно-политическое руководство США сумеет переломить столь неблагоприятные для Вашингтона тенденции в Ближневосточном регионе за счёт беспилотных летательных и плавающих аппаратов – в конце концов, противники Америки в регионе (Иран, КНР, РФ) располагают схожими технологиями. Видимо, в обозримом будущем военно-политические позиции Соединённых Штатов на Ближнем и Среднем Востоке будут слабеть.

ИСТОЧНИКИ

1. Shear, M., Sanger, D., Cooper, H., Schmitt, E., Barnes, J., Jakes, L. 2021. Miscue After Miscue, U.S. Exit Plan Unravels. *The New York Times*. August 21, 2021. P. 1. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/08/21/us/politics/biden-taliban-afghanistan-kabul.html> (accessed 03.06.2021).

2. Remarks by President Biden on Afghanistan. August 16, 2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (accessed 20.08.2021).

3. National Security Strategy. October 2022. *White House*, Washington, D.C., 2022.

4. March 7, 2024. Statement for the Record. General Michael “Erik” Kurilla. Commander, US Central Command before the House Armed Services Committee on the Posture of US Central Command. Two Visions for the Future of the Central Region.

5. National Defense Strategy of the United States of America. Including 2022 Nuclear Posture Review and 2022 Missile Defense Review. Washington, D.C. Department of Defense. October 27, 2022.

6. Posture Statement of General Kenneth F. McKenzie, Jr., Commander, United States Central Command Before the Senate Armed Services Committee. April 2, 2021.

7. March 13, 2023. Statement for the Record General Michael “Erik” Kurilla Commander, US Central Command Before the House Armed Services Committee on the Posture of US Central Command.

8. Saudis kept U.S. informed on talks with Iran - White House. *Reuters*. March 10, 2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudis-kept-us-informed-talks-with-iran-white-house-2023-03-10/> (accessed 15.03.2023).

9. Fact Sheet: World Leaders Launch a Landmark India - Middle East - Europe Economic Corridor. September 9, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/fact->

sheet-world-leaders-launch-a-landmark-india-middle-east-europe-economic-corridor/ (accessed 20.09.2023).

10. Remarks by President Biden on the United States' Response to Hamas's Terrorist Attacks Against Israel and Russia's Ongoing Brutal War Against Ukraine. The White House. October 20, 2023. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-on-the-united-states-response-to-hamass-terrorist-attacks-against-israel-and-russias-ongoing-brutal-war-against-ukraine/> (accessed 20.11.2023).

11. Garamone, J. U.S. Military Continues Focus on Supporting Israel, Ukraine. *DOD News*. October 26, 2023. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3570670/us-military-continues-focus-on-supporting-israel-ukraine/> (accessed 27.11.2023).

12. Lopez, T. F-16s Head to Middle East to Help Protect U.S. Troops. *DOD News*. October 24, 2023. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3567672/f-16s-head-to-middle-east-to-help-protect-us-troops/> (accessed 27.11.2023).

13. Уварчев Л. Генассамблея ООН приняла резолюцию по сектору Газа и Израилю. *Коммерсантъ*. 27.10.2023. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6309598> (accessed 27.11.2023).

14. На северо-востоке Сирии три базы США подверглись ракетным ударам. *TACC*. 02.01.2024. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19667403> (accessed 15.01.2024).

15. Martin, P., Martin, E. Biden Faces Pressure to Confront Iran After US Troops Killed. *Bloomberg*. January 29, 2024. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-28/biden-faces-pressure-to-confront-iran-after-us-troops-killed?srnd=premium-europe> (accessed 20.02.2024).

16. Lieberman, O., Britzky, H. US and UK strike Houthi targets in Yemen one day after US strikes in Iraq and Syria. *CNN*. February 3, 2024. Available at: <https://edition.cnn.com/2024/02/03/politics/strikes-us-uk-houthi-yemen/index.html> (accessed 20.02.2024).

17. Rasheed, A., Stewart, P. Iraq prepares to close down US-led coalition's mission – PM. *Reuters*. January 5, 2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iraq-prepares-close-down-us-led-coalitions-mission-pm-statement-2024-01-05/> (accessed 15.01.2024).

18. Azhari, T., Stewart, P. Exclusive: US, Iraq to initiate talks on end of US-led military coalition. *Reuters*. January 25, 2024. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-iraq-initiate-talks-end-us-led-military-coalition-2024-01-24/> (accessed 20.02.2024).

19. Лаврентьев заявил, что США выведут войска из Сирии после Ирака. *РИА Новости*. 26.01.2024. Available at: <https://ria.ru/20240126/siriya-1923557470.html> (accessed 20.02.2024).

REFERENCES

Lagrone, S. 'Operation Prosperity Guardian' Set to Protect Ships in the Red Sea, Carrier IKE in Gulf of Aden. *US Naval Institute*. December 18, 2023. Available at: <https://news.usni.org/2023/12/18/operation-prosperity-guardian-set-to-protect-ships-in-the-red-sea-carrier-ike-in-gulf-of-aden> (accessed 15.01.2024).

Mounk, Y. So Much for a 'Foreign Policy for the Middle Class'. *The Atlantic*. August 17, 2021. Available at: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/08/afghanistan-foreign-policy-for-the-middle-class/619778/> (accessed 20.08.2021).

Pillar, P. Are the Geopolitics of the Middle East Changing? *The National Interest*. December 21, 2022. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/paul-pillar/are-geopolitics-middle-east-changing-206049> (accessed 15.01.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

БАТЮК Владимир Игоревич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Vladimir I. BATYUK, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024

Статья поступила после рецензирования 15.07.2024 / Revised 15.07.2024.

Статья принята к публикации 17.07.2024 / Accepted 17.07.2024.

УДК 327.51
DOI: 10.31857/S2686673024090058
EDN: ZVMYUS

США против России: кибернатиск на Восток

Я.В. Селянин

*Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).*

Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3802-0563> e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Резюме. До начала специальной военной операции на Украине глава Киберкомандования США в июне 2022 года заявил о проведении его ведомством наступательных киберопераций против России. В случае осуществления личным составом американских Вооружённых сил таких действий в других средах – на суше, на море или в воздушном пространстве – их можно было бы трактовать как агрессию против суверенного государства. Министерство обороны США начало активно развивать это направление с 2018 года. Пока американские официальные лица и экспертное сообщество спекулируют на тему правового обоснования законности данных действий, Вашингтон отработывает методику их проведения на Украине и готовится применить этот опыт против России на других направлениях.

Ключевые слова: США, Россия, Украина, Средняя Азия, Киберкомандование США, киберпространство, наступательные кибероперации, постоянное взаимодействие, наступательная оборона, кибероперации переднего края.

Для цитирования: Селянин Я.В. США против России: кибернатиск на Восток.

США & Канада: экономика, политика, культура. 2024; 54(9): 62–77.

DOI: 10.31857/S2686673024090058 EDN: ZVMYUS

U.S. vs. Russia: Cyber «Drang nach Osten»

Yaroslav V. Selyanin

*Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3802-0563> e-mail: yaroslav.selyanin@yandex.ru

Abstract: In June 2022, the commander of U.S. Cyber Command, Paul Nakasone, disclosed that his soldiers had conducted offensive cyberattacks against Russia before the Special military operation in Ukraine began. These so-called “hunt forward” operations are part of USCYBERCOM’s doctrine of persistent engagement. This doctrine involves the personnel of the Cyber Nation Mission Forces deploying to partner countries to work with their cyber defenders in their most critical networks and computer systems. Their mission is to search for and degrade enemy activities, while also researching their tools and tactics in cyberspace. This doctrine is one of Nakasone’s key innovations in Cyber Command’s course of action.

Previously, U.S. cyber operations required authorization from the U.S. President. This restriction made actions like persistent engagement and hunt forward operations nearly

impossible, as they require extensive activities within other countries' networks even before a cyberattack is prepared. It is impractical to expect the President to approve every such request. Nakasone changed this by removing the requirement for presidential authorization. Today, this allows Cyber Command to conduct such operations – both defensive and offensive – much more broadly, and they are taking full advantage of this opportunity.

The problem lies in the sphere of international law – both in the field of the law of war (*jus in bello*) and the right to war (*jus ad bellum*). U.S. politicians often claim that cyber operations can achieve strategic goals without crossing the threshold of armed conflict. In any other domain actions with similar effects could provoke war but not in cyberspace. This feature is its main advantage and the reason the U.S. sabotages other countries' initiatives (particularly Russian) to establish a legal regime for state use of cyberspace. However, there is no consensus among U.S. specialists about the legal basis that legitimizes such operations against another country, both internationally and domestically. Yet, this ambiguity seems to work in the U.S. favor. In fact, U.S. soldiers have attacked another country's (Russian) territory and this has not led to a direct war between Russia and the U.S.

U.S. officials consider the hunt forward operation experience in Ukraine as both successful and useful for refining U.S. strategies in cyberspace, including the National Cybersecurity Strategy and the DoD Cyber Strategy. They plan to use such tools more broadly against Russia. Currently, the U.S. is actively working in the Post-Soviet area against Russia to disrupt Russia's national interests. Among other things, Washington is attempting to coerce Central Asian states into alignment with U.S. interests. Hunt forward operations are an obvious tool of the United States, which Russia will most likely have to counteract there.

Keywords: USA, Russia, Ukraine, Central Asia, U.S. Cyber Command, cyberspace, offensive cyber operations, persistent engagement, defend forward, hunt forward operations.

For citation: Selyanin, Y.V. U.S. vs. Russia: Cyber «Drang nach Osten». *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(9):62–77.

DOI: 10.31857/S2686673024090058 EDN: ZVMYUS

ВВЕДЕНИЕ

Глава Киберкомандования США и по совместительству директор Агентства национальной безопасности Пол Накасоне в июне 2022 года заявил журналистам «Скайньюс», что американские военные проводили операции наступательного и оборонительного характера в киберпространстве в поддержку Украины. Хотя эти действия Вашингтон начал ещё до начала специальной военной операции (СВО), Накасоне позиционировал их как «ответ на российское вторжение» [1]. Заявление прозвучало на полях конференции по вопросам конфликтов в киберпространстве «СайКон» (*CyCon*), проводимой таллинским Центром передового опыта в области коллективной киберобороны Североатлантического альянса. Неудивительно, что в своём докладе американский генерал оценил международное сотрудничество в этой сфере как стратегическое преимущество, ведь именно в его рамках эти операции и были проведены.

Заявление Накасоне ставит несколько вопросов. *Во-первых*, как такие действия согласуются с нормами международного права? *Во-вторых*, как американская

сторона расценивает результаты и полученный опыт? *В-третьих*, на каком ещё направлении можно ожидать аналогичных действий со стороны Вашингтона?

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОБОРОНА ПОСТОЯННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИБЕРКОМАНДОВАНИЯ США

Глава Киберкомандования хорошо знал, о чём рассказывал журналистам. Ведь «операции в поддержку Украины» были кибероперациями переднего края, КПК (*hunt forward operations, HFO*), – составной частью доктрины постоянного взаимодействия (*persistent engagement*). Она была одним из ключевых элементов программы, которую Накасоне представил конгрессменам в марте 2018 года, когда его утверждали на должность главы ведомства. Позднее доктрина постоянного взаимодействия дополнилась концепцией наступательной обороны (*defend forward*). Суть обоих терминов состоит в том, что подразделения кибервойск США – в данном случае речь идёт о киберсилах миссий национального значения, КМНЗ (*Cyber Nation Mission Force, CNMF*), не дожидаясь кибератаки со стороны противника, начинают действовать за пределами американских сетей, проникают в его сети и «изучают» его подходы и инструменты обороны и проведения кибератак.

Выступая перед конгрессменами, П. Накасоне представлял им идеи, родившиеся на основе практического опыта функционирования и действий подразделений КМНЗ, которые он непосредственно возглавлял до назначения на пост главы Киберкомандования. Важность решаемых КМНЗ задач настолько высока, что в декабре 2022 года они получили особый статус (*sub-unified command*) в структуре Киберкомандования [2], что дало им большую свободу действий, в том числе при проведении государственных закупок.

По-видимому, во время командования КМНЗ П. Накасоне сильно досаждала сложность и забюрократизированность процедуры получения разрешения на проведение операций в киберпространстве. Последнее и сейчас остаётся для высшего военно-политического руководства чем-то малопонятным, а тогда, в 2018 году, понимания было ещё меньше. Поэтому во избежание опасных недоразумений президентская директива № 20 «Политика США по проведению киберопераций» (*PPD-20*) времён Б. Обамы требовала одобрения президента для проведения наступательных и оборонительных операций в киберпространстве (*Offensive Cyber Effects Operations* и *Defensive Cyber Effects Operations*) за пределами сетей США [3]. Забегая вперёд, отметим, что это настолько сковывало деятельность КМНЗ, что к началу 2019 года, спустя лишь несколько месяцев после снятия этого требования в рамках существенного расширения полномочий Киберкомандования и изменений в законодательстве, Киберкомандование провело операций больше, чем за предыдущие десять лет [4].

Старая процедура фактически делала невозможным внедрение новой концепции о постоянном взаимодействии кибервойск США с киберсилами, как это

тогда называлось, соперников. Ими считались Россия, Китай, Северная Корея и Иран. Требовались изменения нормативно-правовой базы, которые были проведены в 2018 году.

Во-первых, изначально засекреченная, но раскрытая Эдвардом Сноуденом, президентская директива № 20 была заменена закрытым президентским меморандумом в области национальной безопасности № 13 (NSPM-13) [5], который унаследовал название предшествующего документа, поскольку также описывает процесс одобрения руководством США наступательных и оборонительных киберопераций, в том числе за пределами сетей США. *Во-вторых*, был принят закон «Об ассигнованиях на национальную оборону» на 2019 фин. год (NDAA-2019), одно из положений которого квалифицировало «тайную военную деятельность или операции в киберпространстве» (*clandestine military activity or operation in cyberspace*) как обычную военную деятельность. Для решения об её осуществлении достаточно полномочий министра обороны [6]. Утверждение плана операции у президента больше не требуется. По словам военных, это позволило им осуществлять некоторые действия, необходимые «для подготовки операции», включая «подготовку среды» [7] (то есть части неамериканского сегмента киберпространства, где предполагается проведение операции киберсилами США). Тогда же Минобороны США получило широкие полномочия «предпринимать уместные и пропорциональные действия в киберпространстве иностранных государств для срыва и сдерживания <...> активной, систематической и проводимой в данный момент времени вредоносной кампании против правительства и населения США» уже упомянутыми Россией, Китаем, Северной Кореей или Ираном. Перечень таких действий включал кибер- и информационные операции.

Приятые меры дали Киберкомандованию свободу действий. К моменту начала специальной военной операции (СВО) России на Украине американские специалисты уже активно действовали в рамках концепции наступательной обороны. Кроме работы с территории США передовые оперативные группы КМНЗ выезжали на территории государств-партнёров для совместной работы со специалистами принимающей стороны, конечно, по её приглашению и просьбе помочь с защитой своего киберпространства. Эти «выезды в поле» и получили название киберопераций переднего края.

По официальным данным Киберкомандования, к ноябрю 2022 года КМНЗ провели более 20 таких операций в «16 различных странах, включая Украину, Эстонию и Литву». Из них 11 было проведено в девяти странах для «защиты выборов от иностранного влияния и вмешательства» в одном только 2020 году [8]. В сентябре 2023 года Киберкомандование объявило, что КПК в общей сложности проводились уже 50 раз более чем в 23 странах [9].

Интересно, что в ноябре 2022 года в официальном разъяснении о том, что КПК представляют собой, указано, что это «строго оборонительные кибероперации» [8]. Однако, *во-первых*, в упомянутом интервью генерала Накасоне говорится о проведении передовой оперативной группой на Украине

оборонительных, наступательных и информационных операций. *Во-вторых*, в Обзоре ключевых шагов по защите нации в 2022 году, опубликованном Киберкомандованием в январе 2023 года, указано, что проводящие КПК «КМНЗ – это объединённые киберсилы Вооружённых сил США, задача которых – защищать нацию в киберпространстве посредством наступательных, оборонительных и информационных операций». На Украине «КМНЗ развернули самую большую в истории передовую оперативную группу для проведения киберопераций», состоявшую из личного состава Военно-морских сил и Корпуса морской пехоты США [10].

При этом не стоит путать кибероперации переднего края и деятельность экспедиционных групп кибер- и электромагнитных операций 11-го кибербатальона 780-й бригады военной разведки из состава киберкомандования сухопутных войск ВС США. В преддверии начала СВО, в 2022 году, такая группа была направлена в Европу и обеспечивала работу регионального штаба сухопутных войск США по направлению радиоэлектронной борьбы, информационных операций, оборонительных и наступательных киберопераций [11].

Глава Киберкомандования США признался в участии американских вооружённых сил в проведении наступательных киберопераций против России на Украине, но не раскрыл точные сроки их проведения и суть. В интервью каналу «Скайenius» П. Накасоне заявил, что его подчинённые прибыли на Украину в декабре 2021 года, пробыли там «почти 90 дней» и, как остальной личный состав МО США, были выведены с её территории в феврале – до начала СВО [1]. Если взглянуть на календарь, то в случае прибытия на Украину 1 декабря 2021 года и убытия в первый день СВО 24 февраля 2022 года, получится, что личный состав КМНЗ пробыл бы на Украине 86 дней. Срок близкий к заявленному. Хотя в ноябре 2022 года Киберкомандование уточнило, что его специалисты находились на территории Украины с декабря 2021 года по март 2022 года, а после покидания последней продолжили оказывать ей поддержку [12].

Можно констатировать, что США являются стороной киберсоставляющей конфликта на Украине. 6 июня 2022 года об этом заявил и спецпредставитель Президента России по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности А.В. Крутских. Отвечая на вопрос газеты «Коммерсант», он подчеркнул, что США «развязали киберагрессию против России и её союзников. Используют в качестве тарана "режим Зеленского" и созданную им "ИТ-армию" для совершения компьютерных атак против нашей страны. Нападения с использованием ИКТ на объекты критической инфраструктуры в России постоянно увеличиваются» [13].

С учётом информации о заблаговременной подготовке со стороны ВСУ к атаке на ДНР и ЛНР, возникает вопрос: не было ли у представителей кибервойск США, находившихся на Украине, задачи по непосредственному участию в обеспечении этого нападения?

В любом случае, несмотря на спешное покидание территории Украины личным составом КМНЗ в связи с началом СВО (если верить расходящимся друг с другом официальным данным), их деятельность признана в США успешной. Практику проведения киберопераций переднего края, включая действия наступательного характера, США будут расширять.

Согласно принятой в марте 2023 года Стратегии национальной кибербезопасности, США намерены использовать весь спектр доступных им средств для дезорганизации и разгрома противника, угрожающего интересам их национальной безопасности: дипломатические, информационные, военные (включая кинетические и киберсредства), финансовые, разведывательные и правоохранительные. Конкуренты превратились в противников. Главная угроза – Китай, затем – Россия. Упомянуты Иран и КНДР, преступные группировки. Цель состоит в том, чтобы сделать проведение кампаний с использованием киберпространства против национальной и общественной безопасности США невозможным, а за «неподобающее поведение» в интернете Вашингтон (в компании с другими странами) намерен наказывать провинившихся. Кроме мер, например, дипломатического и экономического характера, предусмотрены ответные кибероперации (*counter-cyber operations*) [14].

Стратегия говорит о планах предоставлять партнёрам помощь в реагировании на инциденты, поскольку это способствует достижению целей внешней политики и кибербезопасности США [14]. По-видимому, это положение включает в себя деятельность передовых оперативных групп КМНЗ в рамках проведения киберопераций переднего края. Они действительно продвигают цели внешней политики и кибербезопасности США, поскольку дают личному составу передовых кибергрупп Министерства обороны доступ к инфраструктуре других стран. Полученная информация в дальнейшем может облегчить Вашингтону проведение в ней уже собственных операций.

В сентябре 2023 года была принята свежая редакция Киберстратегии Министерства обороны США. Комментируя её содержание, представители ведомства констатировали, что использование киберпространства в ходе СВО сильно отличается от предположений американских специалистов о его использовании, которые делались до начала конфликта. *Во-первых*, США ожидали гораздо большей интенсивности действий в киберпространстве, а этого не случилось. *Во-вторых*, они пришли к мысли, что одного только киберпотенциала недостаточно для сдерживания противника, и поэтому его необходимо использовать совместно с иными инструментами. Вывод довольно неожиданный для военных США, много говоривших о важности совместного использования различных инструментов и придумавших термин «многосферные боевые действия» (*multi-domain battle*). Кроме того, заместитель помощника министра обороны по киберполитике М. Эоянг указала на то, что проведение операций в киберпространстве требует длительной заблаговременной подготовки: нужно проникнуть в сети и системы противника, закрепиться там и изучить их, проработать варианты воздействия на

них. А одним из уроков назвала эффективность использования облачных хранилищ, позволивших киевскому режиму перемещать данные за пределы территории страны при сохранении доступа к ним [15].

Одновременно США предостерегают другие страны от допуска иностранных государств в свои сети и фактически сами же обозначают риски для своих партнёров при проведении кибервойсками США операций типа КПК. Например, глава Министерства внутренней безопасности А. Майоркас предостережёт страны Латинской Америки от сотрудничества с Китаем в сфере телекоммуникаций. По его мнению, китайское оборудование и технологии могут быть использованы китайскими хакерами для проведения кибератак. В качестве примера он привёл приписываемую КНР атаку на Малайзию после того, как страна решила рассмотреть «возможность отказаться от железнодорожного проекта, поддерживаемого Китаем» [16]. Двойные стандарты со стороны США уже мало кого удивляют. Тем не менее будет не лишним напомнить, что это предостережение прозвучало от представителя страны, чьи спецслужбы, например, собирали информацию по программе ПРИЗМ (*PRISM*), раскрытой Сноуденом. Более того, специалисты утверждают, что действия США в отношении «Хуawei» были обусловлены в том числе тем, что с расширением использования в мире китайского телекоммуникационного оборудования и смартфонов целые сегменты киберпространства в наиболее интересующих американские спецслужбы странах выпадают из их поля зрения [17].

В случае же проведения киберопераций переднего края американские военнослужащие получают доступ к наиболее важным сетям (уже не столь важно, на чьём оборудовании они построены) других стран в режиме наибольшего благоприятствования. Специалисты принимающей стороны сами вводят гостей в курс дела. Понятно, что это даёт гораздо более полное представление о сетях, чем тайное проникновение и изучение их максимально аккуратным образом, чтобы избежать обнаружения несанкционированного доступа извне.

Стоит также отметить следующее. На фоне опыта СВО представители сухопутных войск США заговорили о формировании новой триады по аналогии с ядерной. Речь о взаимодействии космических, кибер- и сил специальных операций для проведения мероприятий, которые нельзя было бы расценить в качестве повода для начала боевых действий, то есть не превышая порога начала вооружённого конфликта. Эксперименты по проведению совместных действий этих трёх видов вооружённых сил будут продолжены для того, чтобы выработать модели их использования. Как заявил глава командования сил специальных операций СВ генерал-лейтенант Дж. Брага, указанная триада имеет три основных направления применения. *Во-первых*, заблаговременная подготовка сред ведения боевых действий. *Во-вторых*, обеспечение доступа в сети противника через «человеческое измерение, киберпространство или космические системы». *В-третьих*, разгром сетей противника [18]. Если отбросить свойственное американскому менталитету заблаговременное преувеличение своих успехов, можно

констатировать, что в США активно ведётся поиск наиболее эффективных подходов к применению кибервойск с учётом полученного практического опыта.

ИМЕЮТ ЛИ ПРАВО?

Правовой аспект проведения американских наступательных киберопераций можно разделить на две составные части: соответствие национальному и международному законодательству. К слову, причина возмущения американцев упомянутой программой ПРИЗМ была не в том, что спецслужбы в принципе осуществляли массированную слежку. В конце концов, на то АНБ и занимается радиотехнической разведкой, чтобы перехватывать информацию, передаваемую по сетям электросвязи. Основой кампании в американской прессе против действий Агентства было то, что оно превысило полномочия согласно национальному законодательству США и следило за гражданами своей страны без соответствующего решения суда.

По заявлениям американских официальных лиц, наступательные операции США в киберпространстве вполне законны и не противоречат намерениям США избегать прямого столкновения с Россией. Например, глава Киберкомандования утверждает, что, *во-первых*, его ведомство находится «под гражданским контролем над военными», *во-вторых*, они действовали в рамках права вооружённого конфликта (*within the law of armed conflict*), *в-третьих*, это вообще вопрос политического решения руководства страны. Пресс-секретарь Белого дома К. Жан-Пьер на соответствующий вопрос ответила предельно ясно: с точки зрения США – не противоречит [19]. А посол США по особым поручениям в области киберпространства и цифровой политики Н. Фик заявил, что наступательные действия в киберпространстве – это «инструмент национальной мощи, так же как и любой другой военный разведывательный, экономический, дипломатический, информационный. Необходим надёжный демократический надзор за соблюдением принципа верховенства закона. Но это законные операции, которые точно могут продвигать наши национальные интересы, и они являются одним из многих инструментов, имеющихся в распоряжении нашего политического руководства» [20].

При этом лишь П. Накасоне вспомнил про международное право, хотя и он сказал фактически только о соблюдении права войны (*jus in bello*), регулирующего ведение боевых действий безотносительно того, было ли у государства право их начинать. О том же, как ведение наступательных киберопераций действующими военнослужащими США против иностранного государства (России) соотносится с правом на ведение войны (*jus ad bellum*) не сказал и он, фактически переложив ответственность на политическое руководство.

Вместе с тем вопрос правовой стороны дела начал обсуждаться сразу же после публичного представления кандидатом в командующие Киберкомандования П. Накасоне концепции постоянного взаимодействия.

В апреле 2018 года, до того, как в августе того же года был принят закон «Об ассигнованиях на национальную оборону» (*National Defense Authorization Act*), издание «Сайберскуп» (*Cyberscoop*) писало, что деятельность Киберкомандования, как боевого командования, подпадает под действие раздела 10 «Вооружённые силы» Свода законов США, а потому «может действовать только в пределах объявленной зоны военных действий», а это вступает в противоречие с глобальным характером интернета. А вот разведсообщество (включая возглавляемое тем же П. Накасоне АНБ) регулируется разделом 50 «Война и национальная оборона», «который позволяет им осуществлять шпионаж практически в любой зарубежной стране», что лучше подходит к киберпространству. В то время вопрос о применимости к нему раздела 10 был открытым. Кибератаки, проводимые вооружёнными силами, попадали в «своего рода юридическую "серую зону"», поскольку не было понимания, как они соотносятся с международным правом [21].

Существовал юридический спор о том, к какому разделу – 10 или 50 – лучше отнести деятельность Киберкомандования и проводимые им операции. Так, в том же 2018 году на портале «Лофээ» (*Lawfare*) была опубликована короткая заметка под названием «Вопросы, относящиеся к разделам 10 и 50, в случае воздействия операций в компьютерных сетях на третьи страны». Автор указал, что разведывательные действия через киберпространство, то есть тайные операции подпадают под раздел 50 и должны соответствовать только Конституции и иным законам США. В случае же вывода их под раздел 10, операции теряют «такую защиту» от применения международного права. «Действуя в рамках раздела 10, Киберкомандование столкнулось бы с целым набором проблем в области международного права», в том числе в случае наступления негативных «последствий для серверов в третьих странах без (получения Соединёнными Штатами. – Я.С.) разрешения этих стран» на проведение киберопераций [22].

В ответной статье было разъяснено, что Киберкомандование при проведении военных киберопераций не может действовать в рамках раздела 50, поскольку к нему относится только разведывательная деятельность (*intelligence operations*) в киберпространстве, при которой «сохранение секретности – обязательное условие». Это относится к задачам, например АНБ. «Военные» (*military*) и «наступательные» (*offensive*) кибероперации по определению вызывают последствия вроде повреждения или уничтожения данных, размещённых в сети или в процессе их передачи [23], что входит в задачи Киберкомандования. То есть оно никак не может действовать в рамках раздела 50, только – в рамках раздела 10, что и было затем прямо прописано в упомянутом законе. Американские теоретики (в том числе из состава специально созданной в соответствии с положением упомянутого закона Комиссия по киберпространству (*Cyberspace Solarium Commission*) позже попытались обосновать, почему наступательные кибероперации якобы частично являются оборонительными. Утверждалось, что «действия военных киберсил США, которые на оперативном уровне можно было бы определить как наступательные (то есть получение доступа и перемещение внутри и сквозь неамериканское

киберпространство), несмотря на это, подразумеваются служащими оборонным стратегическим целям – укреплению обороноспособности и устойчивости США в киберпространстве» [24]. Киберкомандование в рамках концепции наступательной обороны занимается не только подрывом боеспособности противника. Совместно с Минфином, Министерством внутренней безопасности, ФБР и АНБ оно собирает данные о вредоносных программах противника, затем частично публикуемых в открытом доступе [24]. Но проблема в том, что грань между сбором информации и подрывом боеспособности может быть очень тонка. Внесение неопределённости в данном случае может быть попыткой затруднить выдвижение обвинений против американских военных.

Вместе с тем сегодня даже в США озвучивается точка зрения, что соответствие киберопераций переднего края праву вооружённого конфликта (*conventions of armed conflict*, т.е. *jus in bello*), по-видимому, является вопросом «спорным и неурегулированным» [25].

Причём США сделали всё возможное, чтобы такие действия остались в «серой зоне». Они придерживаются позиции, что специальных норм международного права для регулирования деятельности в киберпространстве не требуется, достаточно уже существующих. Ещё в 2017 году Научный совет Министерства обороны США опубликовал доклад рабочей группы по киберсдерживанию, где говорилось, что «преимущества наступательных киберсредств велики и продолжают расти, проверка соблюдения режима контроля над (кибер-. – Я.С.) вооружениями невозможна, а атрибуция сильно затруднена» из-за технических особенностей этой среды. Давалась рекомендация обеспечить готовность осуществлять киберсдерживание собственными средствами, по возможности определив правила поведения в этой среде, которых сами будут придерживаться [26].

Конечно, США имеют право на свою точку зрения. Однако из-за их позиции не удалось выработать даже международно признанную терминологию в этой сфере. В силу сложности проведения атрибуции атак и в более спокойные времена было крайне сложно доказать причастность к ним конкретного государства. Ведь даже в случае атаки на иранскую ядерную программу специалисты в области информационной безопасности официально не указывают прямо на США и Израиль, хотя её результат наиболее всего соответствовал интересам именно этих двух стран, и косвенные улики указывали на их причастность. Сегодня же в условиях, когда со стороны Вашингтона приводится аргументация «у нас есть доказательства, но мы вам их не покажем, потому что они секретные», собрать доказательную базу так, чтобы неопровержимо продемонстрировать причастность США к атакам, например, в рамках тех же киберопераций переднего края, представляется практически невыполнимой задачей. В результате ситуация сводится к тому, что действует право сильного.

Поэтому, *во-первых*, в Стратегии национальной кибербезопасности 2023 года сказано, что поддержка союзников и партнёров «будет продвигать реализацию целей внешней политики и кибербезопасности США», и предписано разработать

политику для определения, в каких случаях предоставление такой помощи будет соответствовать национальным интересам [14]. Аналогичный механизм прорабатывается в ЕС.

Во-вторых, Киберстратегия Министерства обороны США, опубликованная в 2023 году, предусматривает использование киберопераций таким образом, чтобы это не могло стать причиной вооружённого конфликта. Этому способствует и опыт конфликта на Украине, показавший, что «проактивность в сфере кибербезопасности по своей сути не приводит к эскалации» [27].

Н. Фик заявил о том, что Госдепартамент прорабатывает официальный механизм содействия иностранным государствам в области киберпространства, цифровых и новых технологий [20].

В борьбе против России со стороны США участвуют не только государственные структуры. «Западные страны и компании предоставили Украине свои средства киберобороны. Со стороны Киберкомандования это выразилось в развёртывании передовых оперативных групп для проведения киберопераций переднего края (отдельно подчёркивается, что “до вторжения”). Со стороны ЕС были задействованы группы быстрого реагирования в киберпространстве. ФБР и Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры США (*Cybersecurity and Infrastructure Security Agency, CISA*) предоставляют Украине разведданные. "Майкрософт" (*Microsoft*) бесплатно обеспечивает перенос данных украинских госструктур в более безопасные места» [28].

В экспертной среде также ведётся обсуждение того, какое кибероружие США и НАТО могли бы с минимальными рисками передавать третьим странам, рассматривая в качестве получателей в первую очередь Украину и Грузию, и о том, как оценить вероятность и масштаб допустимого ущерба, который может быть нанесён России их применением данными государствами. Заявленная цель такой передачи – не в сдерживании РФ от действий в киберпространстве, а «в усилении арсенала асимметричных вооружений» у партнёров США. В случае кризиса наличие таких договорённостей ускорило бы передачу этим странам кибероружия такого действия, которое было бы адекватно интересам передающих стран. Рассматривается возможность использования площадок для коллективной помощи странам по запросу (в качестве примера приводится *Sovereign Cyber Effects Provided Voluntarily by Allies* блока НАТО, *SCEPVA*), но таким образом, чтобы другие не узнали о том, кто и как помог, во избежание раскрытия реальных возможностей участников такой площадки. Вместе с тем единства по этому вопросу в альянсе нет. Некоторые страны – участницы НАТО опасаются, что действия США по проведению наступательных киберопераций могут превратить таких «помощников» в сторону конфликта [28].

Тем не менее на Западе активно обсуждается тема выработки механизма для предоставления помощи в киберпространстве [29]. Так, на саммите НАТО в Вильнюсе в 2023 году был запущен проект «Виртуальные силы и средства поддержки при киберинцидентах» (*Virtual Cyber Incident Support Capability*) «для поддержки

национальных усилий по смягчению последствий в ответ на вредоносную киберактивность со значительными последствиями». В Стратегии национальной кибербезопасности 2023 года этот механизм приведён в качестве примера того, что должны делать США [29].

ЗОНЫ РИСКА

Отработав указанные выше механизмы на Украине, США и страны НАТО могут зайти уже с отработанной методикой действий в другие страны. Например, в бывшие советские республики, включая среднеазиатские, которые стали пользоваться повышенным вниманием со стороны США. Почему вероятность согласия этих стран принять «по своей просьбе» такие группы велика? Потому что на территории некоторых из этих стран (Азербайджан, Армения, Казахстан, Таджикистан, Узбекистане) уже расположены американские военные биологические лаборатории, чья деятельность носит явно антироссийский характер, включая исследования по усилению функций опасных патогенов [30].

19 сентября 2023 года в Нью-Йорке президент США Дж. Байден встретился с президентами Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Подробности о встрече мало, однако она входит в длинный перечень действий по отрыву этих стран от России. В случае успеха Вашингтона на этом направлении в киберпространстве данных стран вероятно появление передовых оперативных групп американского Киберкомандования для проведения киберопераций переднего края.

Это может значительно улучшить для США условия для действий в киберпространстве против России, Китая и других стран – от шпионажа до деструктивных кибератак – посредством использования «сети своих союзников и партнёров», наличие которой, согласно Киберстратегии Минобороны, представляет для Вашингтона «стратегическое преимущество» [31]. *Во-первых*, это может облегчить им проведение операций «под ложным флагом» против России и Китая. В случае если союзники и партнёры США, перечисленные выше, предоставят доступ к общим с РФ информационным системам (тем более, что среди них есть открыто взявшие антироссийский курс), это существенно затруднит обеспечение их информационной безопасности, поскольку, как минимум, перестанет работать принцип «безопасность через неясность» (*security by obscurity*). Интересно, что в Киберстратегии Министерства обороны США 2023 года подчёркивается аналогичная опасность для их собственных сетей в случае компрометации сетей союзников и партнёров [31]. *Во-вторых*, знание американской стороной сетей «союзников» может быть использовано для провокаций против последних посредством имитации атаки якобы со стороны России или Китая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Украина стала полигоном, на котором Киберкомандование США отработывает проведение в киберпространстве операций наступательного характера в условиях боевых действий против государства, также имеющего высокий потенциал в этой сфере – России. Кибероперации переднего края, предусматривающие выезд специалистов ВС США на территорию страны-партнёра для обнаружения активности киберподразделений третьих стран, изучения их подходов к обороне и нападению, а также выявления их инструментария, начали проводиться ещё до начала специальной военной операции. Затем личный состав был выведен за территорию Украины, но продолжил «оказывать ей содействие». Кроме государственных структур, то же делают и частные американские ИКТ-компании, такие как «Майкрософт».

Вопрос законности проведения наступательных киберопераций против другого государства, с которым США формально не находятся в состоянии войны, является открытым даже среди американских специалистов. Тем не менее представители военного и политического руководства США открыто признают осуществление таких действий против России. При этом они пользуются правовой неопределённостью, сохранённой усилиями Вашингтона, и правом сильного, обеспеченным долгое время развиваемым киберпотенциалом, а обоснование законности или «забалтывание» незаконности этих действий оставляют своим экспертам и дипломатам.

Россия объявлена Соединёнными Штатами одним из главных противников, в том числе в киберпространстве, поэтому очевидно, что их кибернатиск на Восток будет продолжаться. Особое беспокойство вызывает постсоветское направление, включая среднеазиатское. Вашингтон последовательно работает над отрывом этих государств от России. С учётом наличия у них общих с Россией информационных систем, Вашингтон может рассматривать их в качестве места очередной зарубежной командировки передовых оперативных групп Киберкомандования США. Руководство этих стран может оказаться неспособным противостоять давлению США, если те «настойчиво предложат» им стать ещё одним (после Украины) полигоном для проведения наступательных киберопераций против России, как это случилось в случае появления в некоторых из них биологических лабораторий, работающих по американским военным программам.

ИСТОЧНИКИ

1. Martin, A. U.S. military hackers conducting offensive operations in support of Ukraine, says head of Cyber Command. *Sky News*. 2022. June 01. Available at: <https://news.sky.com/story/us-military-hackers-conducting-offensive-operations-in-support-of-ukraine-says-head-of-cyber-command-12625139> (accessed 25.12.2023).

2. Pomerleau, M. Cyber National Mission Force declared sub-unified command. *DefenseScoop*. 2022. December 19. Available at:

<https://defensescoop.com/2022/12/19/cyber-national-mission-force-declared-sub-unified-command/> (accessed 19.12.2023).

3. Presidential Policy Directive/PPD-20. *Federation of American Scientists*. 2012. October 16. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/ppd/ppd-20.pdf> (accessed 10.11.2023).

4. Pomerleau, M. New authorities mean lots of new missions at Cyber Command. *C4ISRNET*. 2019. May 08. Available at: <https://www.c4isrnet.com/dod/cybercom/2019/05/08/new-authorities-mean-lots-of-new-missions-at-cyber-command/> (accessed 27.10.2023).

5. National Security Presidential Memoranda [NSPMs]. *Federation of American Scientists*. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nspm/> (accessed 10.11.2023).

6. John, S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019. *GovInfo*. 2018. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-115publ232/pdf/PLAW-115publ232.pdf> (accessed 11.11.2023).

7. Pomerleau, M. Defense officials taking advantage of new cyber authorities. *C4ISRNET*. 2018. November 27. Available at: <https://www.c4isrnet.com/dod/cybercom/2018/11/27/defense-officials-taking-advantage-of-new-cyber-authorities/> (accessed 27.10.2023).

8. CYBER 101: Hunt Forward Operations. *U.S. Cyber Command*. 2022. November 15. Available at: <https://www.cybercom.mil/Media/News/Article/3218642/cyber-101-hunt-forward-operations/> (accessed 27.10.2023).

9. "Building Resilience": U.S. returns from second defensive Hunt Operation in Lithuania. *U.S. Cyber Command*. 2023. September 12. Available at: <https://www.cybercom.mil/Media/News/Article/3522801/building-resilience-us-returns-from-second-defensive-hunt-operation-in-lithuania/> (accessed 27.10.2023).

10. Kass, D.H. U.S. Cyber Command Year in Review 2022 Shows Major Steps to Defend Nation from Cyber Adversaries. *MSSP Alert*. 2023. January 06. Available at: <https://www.msspalert.com/news/u-s-cyber-command-year-in-review-2022-shows-major-steps-to-defend-nation-from-cyber-adversaries> (accessed 27.10.2023).

11. Pomerleau, M. Army's tactical cyber and electronic warfare unit gets new commander. *DefenseScoop*. 2023. June 30. Available at: <https://defensescoop.com/2023/06/30/armys-tactical-cyber-and-electronic-warfare-unit-gets-new-commander/> (accessed 27.10.2023).

12. Before the Invasion: Hunt Forward Operations in Ukraine. *U.S. Cyber Command*. 2022. November 28. Available at: <https://www.cybercom.mil/Media/News/Article/3229136/before-the-invasion-hunt-forward-operations-in-ukraine/> (accessed 27.10.2023).

13. Ответ специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, директора Департамента международной информационной безопасности МИД России А.В. Крутских на вопрос газеты «Коммерсант». *Министерство*

иностранных дел Российской Федерации. 2022. 6 июня. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1816353/ (accessed 30.10.2023).

14. National Cybersecurity Strategy 2023. *The White House*. 2023. March 1. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf> (accessed 26.12.2023).

15. Pomerleau, M. Russia-Ukraine conflict forces DOD to revise assumptions about cyber's impact in war. *DefenseScoop*. 2023. September 18. Available at: <https://defensescoop.com/2023/09/18/russia-ukraine-conflict-forces-dod-to-revise-assumptions-about-cybers-impact-in-war/> (accessed 25.12.2023).

16. Vasquez, C. Mayorkas warns Latin American leaders of Beijing's technology influence. *CyberScoop*. 2023. September 28. Available at: <https://cyberscoop.com/mayorkas-latin-america-china/> (accessed 30.10.2023).

17. Гладков, А. Твой телефон – ключ доступа к тебе. Про российские мобильные ОС @MobileDeveloper. Канал Максима Горшенина на YouTube. 2023. May 06. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=DwZGInVBKvU> (accessed 10.11.2023).

18. Pomerleau, M. New triad is evolving deterrence for joint force. *DefenseScoop*. 2023. October 11. Available at: <https://defensescoop.com/2023/10/11/new-triad-is-evolving-deterrence-for-joint-force/> (accessed 30.10.2023).

19. Martin, A. Ukraine war: US cyber chief on Kyiv's advantage over Russia. *Sky News*. 2022. June 8. Available at: <https://news.sky.com/story/ukraine-war-us-cyber-chief-on-kyivs-advantage-over-russia-12628869> (accessed 25.12.2023).

20. US Leadership in Tech Diplomacy: A Conversation with Ambassador Nathaniel C. Fick. *Hudson Institute*. 2023. June 21. Available at: <https://www.hudson.org/events/us-leadership-tech-diplomacy-conversation-ambassador-nathaniel-c-fick> (accessed 02.11.2023).

21. Bing, C. Command and control: A fight for the future of government hacking. *CyberScoop*. 2018. April 11. Available at: <https://cyberscoop.com/us-cyber-command-nsa-government-hacking-operations-fight/> (accessed 03.11.2023).

22. Chesney, R. Title 10 and Title 50 Issues When Computer Network Operations Impact Third Countries. *The Lawfare Institute*. 2018. April 12. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/title-10-and-title-50-issues-when-computer-network-operations-impact-third-countries> (accessed 02.11.2023).

23. Lonergan, E.D. Cyberspace Is Neither Just an Intelligence Contest, nor a Domain of Military Conflict; SolarWinds Shows Us Why It's Both. *The Lawfare Institute*. 2021. May 12. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/cyberspace-neither-just-intelligence-contest-nor-domain-military-conflict-solarwinds-shows-us-why> (accessed 02.11.2023).

24. Borghard, E.D., Lonergan, S.W. U.S. Cyber Command's Malware Inoculation: Linking Offense and Defense in Cyberspace. *Council on Foreign Relations*. 2020. April 22.

Available at: <https://www.cfr.org/blog/us-cyber-commands-malware-inoculation-linking-offense-and-defense-cyberspace> (accessed 02.11.2023).

25. Elgan, M. What cybersecurity teams can learn from the US Cyber Command's «hunt forward». *SecurityIntelligence*. 2022. July 15. Available at: <https://securityintelligence.com/articles/what-cybersecurity-teams-learn-us-cyber-command-hunt-forward/> (accessed 02.11.2023).

26. Final Report of the Defense Science Board (DSB) Task Force on Cyber Deterrence. *Federation of American Scientists*. 2017. February. Available at: <https://irp.fas.org/agency/dod/dsb/cyber-deter.pdf> (accessed 16.11.2023).

27. Vičić, J., Winger, G.H. What the Defense Department's Cyber Strategy Says About Cyber Conflict. *The Lawfare Institute*. 2023. October 19. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/what-the-defense-department-s-cyber-strategy-says-about-cyber-conflict> (accessed 03.11.2023).

28. Weber, V. The Benefits and Risks of Extending Weapons Deliveries to the Cyber Domain. *The Lawfare Institute*. 2022. December 02. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/benefits-and-risks-extending-weapons-deliveries-cyber-domain> (accessed 03.11.2023).

29. Lostri, E. What Will Mechanisms for Cybersecurity Aid Look Like? *The Lawfare Institute*. 2023. September 12. Available at: <https://www.lawfaremedia.org/article/what-will-mechanisms-for-cybersecurity-aid-look-like> (accessed 03.11.2023).

30. В Минобороны рассказали о работе США над патогенами в Средней Азии и Закавказье. *Лента.ру*. 2023. 10 марта. Available at: https://lenta.ru/news/2023/03/10/usa_labs/ (accessed 25.12.2023).

31. 2023 DOD Cyber Strategy Summary. *U.S. Department of Defense*. 2023. September 12. Available at: https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/1/2023_DOD_Cyber_Strategy_Summary.PDF (accessed 26.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕЛЯНИН Ярослав Владиславович, научный сотрудник Центра североамериканских исследований Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Yaroslav V. SELYANIN, Research Fellow, Center for North American Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

23, Profsoyuznaya St., 117997 Moscow, Russian Federation.

Российская Федерация, Москва
117997, Профсоюзная ул., д. 23.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024 / Received 11.04.2024.

Поступила после рецензирования 30.04.2024 / Revised 30.04.2024.

Статья принята к публикации 5.05.2024 / Accepted 5.05.2024.

УДК: 323

DOI: 10.31857/S2686673024090065

EDN: ZVAZZO

Здравоохранение США: силуэт в президентской кампании 2024

Н.А. Шведова

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Scopus Author ID: 57208550232 РИНЦ ID: 479195

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Резюме. Избирательные циклы, особенно президентские, редко в США проходят камерно и без объективного своеобразия, соответствующего общеполитической обстановке в стране, и в мире в целом. На рубеже XX–XXI веков они всегда особенные и всегда с недюжинными элементами шоу и определённого драматизма. Научная добросовестность требует заметить: промежуточные выборы 2022 года также назывались в СМИ «крайне необычными» [Шведова Н.А., 2023: 42–55], что соответствует реальности, характер и абрис которой во множестве своих ипостасей изменяется с течением времени. «Здесь и сейчас» обязательно отличаются от «там» и «вчера». Меняется электорат, преобразуются проблемы и задачи, краски жизни, по меньшей мере, приобретают иные оттенки и акценты, изменяя общие черты. Относительно постоянна забота политической системы – поддержание жизнеспособности и устойчивости государственного устройства и социальной стабильности.

Темы здравоохранения представляются *не только остро актуальными, но и привлекательными с точки зрения избирательного шоу*. Сочетание проблем со здоровьем с заинтересованностью разных групп с решающим голосованием способны возникнуть в нужных штатах и оказать достаточное влияние на ход событий на выборах.

Ключевые слова: здравоохранение США, закон «О защите пациентов и доступном здравоохранении» (2010), «Медикэр», «Медикейд», планы медицинского страхования, решение «Доббс против Женской организации здравоохранения Джексона», дело «Роу против Уэйда».

Для цитирования: Шведова Н.А. Здравоохранение США: силуэт в президентской кампании-2024. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(9):78–92. DOI: 10.31857/S2686673024090065 EDN: ZVAZZO

The U.S. Health Care: A Silhouette in the 2024 Presidential Campaign

Nadezda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57208550232 РИНЦ ID: 479195

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6639-6392> e-mail: n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. Election cycles, especially presidential ones, are rarely held in the United States in a discreet manner and without a unique character that reflects the general political situation in the country and the world as a whole. At the turn of the 20th–21st centuries, they have always been special, always featuring extraordinary elements of spectacle and a certain drama. Scientific integrity requires noting that the 2022 midterm elections were also called “extremely unusual” in the media, which corresponds to reality, the nature and outline of which, in its many forms, change over time: “here and now” is necessarily different from “there” and “yesterday”. The electorate is changing, problems and tasks are evolving, and the colors of life, at the very least, are acquiring different shades and accents, altering general characteristics. The political system's relatively constant concern is maintaining the viability and stability of the state structure and social order.

Health care topics seem not only urgently relevant, but also attractive from the perspective of electoral spectacle. The combination of health concerns and key interest groups can emerge in critical states and significantly impact the course of the election.

Keywords: The Patient Protection and Affordable Care Act of 2010 (ACA), Obamacare, Medicare, Medicaid, health insurance plans, *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization*, *Roe v. Wade*.

For citation: Shvedova, N.A. The U.S. Health Care: A Silhouette in the 2024 Presidential Campaign. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(9):78–92.

DOI: 10.31857/S2686673024090065

EDN: ZVAZZO

ВВЕДЕНИЕ: В ОЖИДАНИИ СМЕНЫ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВАХТЫ

Американскую общественность и избирателей США, когда речь заходит о здравоохранении, больше всего волнует тема расходов на охрану здоровья. С определённой степенью условности, проблемы расходов на здравоохранение можно подразделить на следующие направления:

- 1) национальные расходы на здравоохранение;
- 2) личные затраты потребителей (из карманов пациентов);
- 3) федеральные траты на охрану здоровья (в основном на программы медицинского страхования «Медикэр» (*Medicare*) и медицинского вспомоществования «Медикейд» (*Medicaid*);
- 4) издержки штатов на медицинскую сферу (в основном на программу медицинского вспомоществования «Медикейд»);
- 5) расходы работодателей на планы медицинского страхования по месту работы;
- 6) актуальная проблема затрат – повышение «стоимости» доллара на здравоохранение.

Наличие медицинской страховки (полиса), тем более «хорошей» (предусматривающей максимально полный список покрываемых страховкой медицинских услуг), означает **доступность** медицинской помощи (то есть медицинских услуг, здравоохранения). Именно «доступность», не случайно, занимает второе место по значимости для избирателей, едва уступив самой крупной проблеме из

всех – инфляции. Доступность на 16 процентных пунктов опередила *расходы на лекарства*, проблему, которая гораздо чаще фигурирует в новостях и в центре дебатов о политике здравоохранения [2].

Доступность – тема, которая больше всего находит отклик у избирателей, волнует большинство американцев, потому что в настоящее время много людей борются с медицинскими счетами и медицинскими долгами. Эксперты показывают долю личных расходов в общих расходах на здравоохранение как не претерпевшую «сильного» изменения. От 25 до 50% всех американцев сообщают о реальных проблемах с оплатой своих медицинских счетов в зависимости от серьёзности их состояния здоровья. Понятно, что важность расходов из собственных средств имеет значение для выборов, поскольку тема животрепещущая и непосредственно находит путь к сердцам избирателей. А в целом, значимость *доступности влияет на роль здравоохранения на выборах*.

Новые данные о том, как общественность оценивает различные аспекты проблемы затрат на здравоохранение, содержатся в работе одного из ведущих экспертов по вопросам национальной политики здравоохранения Дрю Альтмана (Drew Altman) – президента и главного исполнительного директора KFF, независимого источника исследований политики здравоохранения, опросов общественного мнения в США, который пришёл к выводам: 48% избирателей «проголосовали за снижение расходов населения из собственных средств» и по 18% – за сохранение платёжеспособности «Медикэр» и за повышение стоимости доллара на здравоохранение [3]. Характерно, что между республиканцами и демократами не было реальных различий. Беспокойство по поводу расходов из собственных средств универсально и важно для обеих правящих партий. Для избирателей здравоохранение – это в основном экономический вопрос, одно из измерений их экономической состоятельности и реальных возможностей. Хотя острую проблему прерывания беременности (аборт), безусловно, относят и к сфере здравоохранения, которая, скорее всего, повлияет на избирателей на выборах в ноябре текущего года.

Американские избиратели, беспокоясь о расходах на здравоохранение, хотят знать позицию по этим проблемам претендентов на самый высокий пост от обеих представителей партий – Демократической и Республиканской. Отмечается, что для 80% взрослых опрошенных «очень важно» знать позицию кандидатов на пост президента об их планах по решению проблемы расходов на медицинскую помощь.

Президент Дж. Байден стремится использовать недовольство по вопросу, связанное с репродуктивными правами (*ограничение абортов*), что, по замыслу демократических технологов, должно повысить явку избирателей. Бывший президент Д. Трамп опять вернулся к вопросу об отмене «Обамакэр» (*Obamacare*). Речь идёт о законе «О защите пациентов и доступном здравоохранении» 2010 года (*The Patient Protection and Affordable Care Act of 2010 – ACA*) (далее – закон «О доступном здравоохранении»), широко известный как «Обамакэр». Б. Обама и

сторонники его законодательной инициативы сумели «обыграть» термин в позитивном смысле, делая акцент на «заботу и охрану» здоровья американцев.

С точки зрения здравоохранения американским избирателям интересны и другие темы, относящиеся к охране здоровья. Хотя опросы и показывают, что здравоохранение возглавляет список основных расходов, о которых беспокоятся американцы, – «больше, чем бензин, еда и арендная плата». Неожиданные медицинские счета и другие расходы на здравоохранение – «головная боль» почти трёх из четырёх взрослых опрошенных. При этом большинство представителей обеих партий также выражают озабоченность по этому поводу. Американские эксперты подчёркивают серьёзность проблемы расходов в связи с накопившимися долгами: около 100 млн американцев обременены огромными медицинскими долгами из-за серьёзных заболеваний [2]. В средствах массовой информации справедливо подчёркивают значимость этих тем и на уровне выборов в штатах, где предстоит избрание на разные должности федеральной и региональной власти.

ЮБИЛЕЙ «ОБАМАКЭР»

В марте 2024 года исполнилось 14 лет с момента принятия закона «О доступном здравоохранении», который был подписан президентом-демократом Б. Обамой 23 марта 2010, а вступил в силу в 2014 году.

Юбилейные даты – всегда повод для привлечения внимания общественности к значимым проблемам, а в ситуации избирательной президентской кампании, тема здравоохранения более чем востребована. На разных площадках состоялись встречи, дискуссии, обсуждения и дебаты по широкому спектру вопросов, связанных конкретно и концептуально с «юбилеем», который не переставал испытывать к себе «болезненное» внимание с момента своего рождения.

Министр здравоохранения и социального обеспечения Ксавье Бесерра присоединился к Джули Ровнер – автору справочника «*Политика в области здравоохранения и политика от А до Я*», высоко оцененного критиками из «Новости здравоохранения Фонда семьи Кайзера» (KFF Health News), ранее известных как Kaiser Health News (KHN) и представляющих собой национальную редакцию новостей, которая выпускает подробные журналистские материалы о проблемах здравоохранения и является одной из основных операционных программ KFF – независимого источника исследований политики здравоохранения, опросов общественного мнения и журналистики для обсуждения достижений и современных проблем здравоохранения под обобщающим названием «Что такое здоровье?» [4]. Конгресс США на пути к ожидаемому завершению рассмотрения законопроектов о расходах на 2024 фин. год, включая и финансирование Министерства здравоохранения и социального обеспечения (United States Department of Health and Human Services, HHS), без многих ограничений в области репродуктивного или гендерного здоровья, на которых настаивали республиканцы.

В марте 2024 года администрация Дж. Байдена издала распоряжение об улучшении исследований в области здоровья женщин в рамках федерального правительства. Оно состоит из нескольких компонентов, включая положения, направленные на расширение исследований заболеваний, связанных с женщинами в постменопаузе и предусмотрено увеличение числа женщин, участвующих в клинических испытаниях.

Программы, включенные в соответствии с законом «О доступном здравоохранении» в расширение покрытия программой медицинского вспомоществования «Медикейд» (*Medicaid*) и налоговые льготы, помогают многим работающим взрослым в получении страхового обеспечения. 42% участников программы «Медикейд» – это занятые на рынке труда, в то время как многие из оставшихся не работают из-за инвалидности или родительских обязанностей; 25% участников рынка страховок – владельцы малого бизнеса или самозанятые. Эта категория американцев при отмене действия закона «О доступном здравоохранении» неизбежно испытает на себе неблагоприятные последствия. По данным экспертов, 20 млн человек могут потерять страховку, что увеличит долю незастрахованных на целых 65% [5].

Данный закон» гарантирует покрытие основных медицинских льгот, включая уход по беременности и родам, услуги в области психического здоровья и профилактическую помощь. Он устанавливает ограничения на размер взимаемой с людей платы в зависимости от состояния их здоровья, пола и возраста.

Помимо участников программы медицинского вспомоществования «Медикейд» и бирж медицинских полисов (*marketplace*), все американцы, имеющие медицинскую страховку, могут воспользоваться многочисленными мерами защиты потребителей в соответствии с положениями закона «О доступном здравоохранении». Так, в нём предписано, что планы медицинского страхования должны тратить от 80 до 85% премиальных долларов на здравоохранение, защищая потребителей от заключения невыгодной сделки. Положение о разрешении до 26 лет молодым людям пользоваться семейной медицинской страховкой – весьма популярное, и оказалось чрезвычайно эффективным: в период с 2010 по 2022 годы на 56% снизился уровень незастрахованных среди американцев в возрастной когорте от 19 до 25 лет [5].

Неудивительно, что попытки отменить закон «О доступном здравоохранении» провалились, а его ключевые положения продолжают пользоваться ощутимой поддержкой населения США. Большинство американцев считают «очень важным» соблюдение следующих предписаний законодательства:

- о запрете на отказ в страховании и повышение платы для людей с предысторией заболеваний и беременным женщинам;
- о ликвидации годовых и пожизненных ограничений;
- о требовании к планам предоставлять бесплатную профилактическую помощь;

- о разрешении молодым людям оставаться в страховых планах своих родителей;
- о субсидировании страхового покрытия для людей с низкими и умеренными доходами.

Очевиден неподдельный интерес к проблемам здравоохранения широких кругов американского электората, что придает им остро политический характер. Попытки отменить «Обамакэр» означали бы для многих миллионов американцев лишение доступа к медицинской помощи из-за отсутствия страхового полиса. Это социальная цена, а политическая – поражение на выборах той партии, которая не сумела «почувствовать и включить в свою избирательную программу» главные запросы в обществе.

ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

По данным Центров по медицинским услугам по программам «Медикэр» и «Медикейд», ЦУММ (*The Centers for Medicare & Medicaid Services (CMS)*), расходы страны на здравоохранение в 2022 году составляли 4,5 трлн долл. США, то есть выше 17% ВВП. Однако американские специалисты подчёркивают, что «темпы роста снова ускорятся». В 2023 году по результатам проведённого опроса среди работодателей был зафиксирован рост страховых взносов, причём более резкий по сравнению с предыдущим годом. Отмечается также, что в «расходах на здравоохранение всегда были взлёты и падения, несмотря на различные усилия по их сдерживанию, и рост затрат никогда не задерживается надолго». Однако проблема заключается в том, что «стоимость здравоохранения в США – это многомерная проблема» [2].

Некоторые проблемы здравоохранения особенно чувствительны для американцев, поскольку оказываются частью их повседневной жизни. Речь идёт о доступности, особенно для людей, которые больны и нуждаются в большом количестве медицинских услуг, то есть о личных расходах потребителей, а также о расходах федерального и штатного правительства в основном на программы «Медикэр» и «Медикейд», которые охватывают масштабные слои населения (национальные расходы на здравоохранение – тема ежегодного отчёта Центров по медицинским услугам программам «Медикэр» и «Медикейд»).

В 2023 году число американцев, испытывающих трудности своих семей в оплате медицинских счетов, выросло до 33% среди тех, у кого хорошее или слабое здоровье. О проблемах с оплатой своих медицинских счетов сообщают 51% группы пациентов и американцев без медицинского полиса.

Эксперты и представители правящих кругов вполне логично обеспокоены серьёзной проблемой затрат на здравоохранение – ростом национальных расходов. Логика критических комментариев такова: поскольку затраты будут расти в среднем на 5,4% в год до 2031 года, опережая прогнозируемый средний рост номинального ВВП в 4,6% в год, то это чревато уровнем расходов на здравоохране-

ние почти в 20% ВВП (19,6%) к 2031 году [2]. Это значит, в свою очередь, что 20 425 долл. расходов будет приходиться на душу населения к этому времени. И хотя эти расходы на охрану здоровья создают рабочие места и поддерживают многие сферы медицинской экономики, но «соответствующей социально достаточной» отдачи от результатов в области здравоохранения по сравнению с другими богатыми странами (которые тратят гораздо меньше в доле ВВП), не ожидается. Более того, расходы на здравоохранение вытесняют траты на другие приоритеты, оказывая давление на федеральный бюджет и зарплату штатов. На самом деле, по мнению американских исследователей, эта цифра ниже, чем была показана в предыдущих правительственных прогнозах [2].

НЕЗАСТРАХОВАННЫЕ

В США достаточно активно развиваются обсуждения и дебаты о путях и средствах расширения охвата медицинским страхованием, об эффективных его структурах, о пользе и влиянии инвестиций в общественное просвещение на результаты реформирования здравоохранения. Американские аналитики отмечают наличие разногласий между демократами и республиканцами, что нормально в межпартийном соперничестве. Так, тема «всеобщего охвата» или здравоохранение как «право» близка сторонникам либеральных взглядов, а «выбор» или «конкуренция» – американцам более консервативных взглядов. Однако известно, что в рамках одной партии также существуют разные рецепты. Левое крыло Демократической партии в своих решениях проблемы склонно прибегать к помощи универсального медицинского плана с одним плательщиком, а не постепенного расширения охвата, основанного на существующих программах и частном страховании.

В результате предпринятых мер защиты во время пандемии (постоянное зачисление в программу медицинского вспомоществования «Медикейд» и расширенные субсидии на рынке страховки) число незастрахованных в 2022 году сократилось и составляло 25,6 млн человек, что на 3,3 млн меньше по сравнению с 2019 годом. Это имеющиеся последние федеральные данные (для сравнения: 35 млн американцев признаются живущими за чертой бедности) [6]. Большинство незастрахованных американцев – члены малоимущих семей, бюджет которых создаётся, как правило, лишь одним работающим.

Менее 10% населения в настоящее время не застраховано, что расценивается как весьма позитивное достижение. Однако не всё так однозначно, поскольку оплатить свои медицинские счета не могут многие американцы, полагаясь на свой медицинский полис. С точки зрения избирательного процесса незастрахованные «никогда не пользовались большим политическим влиянием, даже когда их было гораздо больше». Меньшая численность незастрахованного населения будет иметь ещё меньшее влияние и привлекать ещё меньше внимания со стороны политиков и национальной повестки дня.

Число незастрахованных неизбежно вырастет в результате сворачивания программы «Медикейд». Но увеличенные субсидии, в соответствии с законом «О доступном здравоохранении», проживут до конца 2025 года, когда истечёт срок их действия. Благодаря этому сохранится уровень страховым покрытием. Между тем 85% незастрахованных людей испытывают трудности с оплатой своих медицинских счетов, а 62% – с задолженностью по медицинским услугам. Значительная часть незастрахованных, до 60%, имеют право на участие в текущих программах, но либо не знают об этом, либо не могут получить доступ к страховому покрытию, либо думают, что оно им не по карману.

У администрации Байдена есть предложение покрыть расходы незастрахованных в рамках программы медицинского вспомоществования «Медикейд». Однако за исключением нескольких штатов, обсуждающих расширение программы «Медикейд», остальные незастрахованные в основном находятся вне поля зрения. С течением времени расовые и этнические различия в охвате сохраняются [6].

ФАКТОРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ СТРАХОВОМУ МЕДИЦИНСКОМУ ПОКРЫТИЮ

Дороговизна страховки – основная причина отсутствия страхового покрытия. В 2022 году 64% незастрахованных взрослых американцев назвали слишком высокую стоимость страхового покрытия. К перечню иных факторов относятся также отсутствие доступа к страхованию на рабочем месте. В штатах, которые отказались от расширения программы медицинского вспомоществования «Медикейд», малоимущие американцы по-прежнему не имеют права на получение финансовой помощи для покрытия страховки.

Отсутствие документов у иммигрантов, без которых нет права на получение страхового покрытия, финансируемого из федерального бюджета, включая страховку «Медикейд», – ещё одно препятствие на пути приобретения медицинского полиса.

ПОЗИЦИИ ГЛАВНЫХ ПРЕТЕНДЕНТОВ НА ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОСТ

Инициативы Д. Трампа в сфере здравоохранения включают такие направления, как поддержка предложения республиканцев в Конгрессе США о замене закона «О доступном здравоохранении». Они предусматривали ослабленную защиту от ранее существовавших заболеваний, снижение премиальной помощи, ликвидацию расширения программы медицинского вспомоществования «Медикейд» с ограничением всего федерального финансирования по ней. Меры не были поддержаны, а попросту оказались «провальными» из-за полученного одобрения сохранения положений закона не только со стороны демократов, но и республиканцев, чьи избиратели «дышали в спину» законодателям, настаивая

на доступе к здравоохранению с помощью действия механизмов медицинских программ, в частности «Медикейд».

Будучи президентом, Д. Трамп способствовал иску об отмене закона в полном объёме и расширил доступность краткосрочных страховых планов, которые имеют более низкие страховые взносы, но могут исключать покрытие ранее существовавших медицинских условий и льгот, которые требуются в соответствии с этим законом. На его счету прекращение выплат субсидий страховщикам по принципу совместного несения расходов. Страховщики в значительной степени компенсировали прекращённые федеральные выплаты за счёт увеличения премий, что повлекло увеличение федеральных страховых субсидий. Президент-республиканец подписал отмену штрафа за индивидуальный мандат, что было в законе, расширил правила взимания государственных сборов, ограничивающих законный въезд людей, которые могут получать определённые безличностные государственные пособия, включая «Медикейд». Была выпущена прокламация президента, разрешающая отказывать во въезде новым иммигрантам без подтверждения медицинской страховки или способности оплачивать медицинские расходы.

Д. Трамп наложил запрет на выделение федеральных фондов для программ планирования семьи клиникам, обеспечивающим медицинские услуги по прерыванию беременности (аборты) или направляющим на аборт. Зато при его администрации работодатели получили разрешение исключать покрытие контрацептивами по религиозным или моральным соображениям. В послужной список Д. Трампа следует включить также отмену положения о борьбе с дискриминацией для пациенток ЛГБТК* и тех, кто прервал беременность, восстановление и расширение «Политики Мехико» (блокирует федеральную международную помощь организациям, осуществляющим или продвигающим прерывание беременности). И наконец, он поддержал отмену решения дела «Роу против Уэйда».

Позиция президента-демократа Дж. Байдена простирается практически в противоположном направлении по сравнению с здравоохранительным курсом Д. Трампа. Прежде всего он – сторонник решения Верховного суда по делу «Роу против Уэйда» (1973 год), которое в течение столетия обеспечивало на федеральном уровне легитимность репродуктивных прав американкам – право на аборт. Дж. Байден отстаивает отмену действия администрации Д. Трампа в отношении финансирования планирования семьи, охвата контрацептивами, правил борьбы с дискриминацией для пациентов из числа ЛГБТК* и «Политики Мехико». Он выступает за *снижение возраста* для получения права на получение «Медикэр» до 60 лет и увеличение федерального финансирования «Медикейд» штатам во время экономического кризиса. Им было предложено ограничение

* Здесь и далее звёздочкой (*) обозначено движение ЛГБТ (ЛГБТК), которое признано экстремистской организацией и запрещено в России.

расходов на лекарства по программе медицинского страхования «Медикэр» из собственных средств получателей, разрешить потребителям импортировать лекарства и отменить налоговые льготы на расходы на рекламу лекарств.

Тем временем закон «О доступном здравоохранении» пользуется популярностью. Опрос (KFF) показал, что больше взрослых хотят расширения программы, чем ее сокращения. Рекордные 21,3 миллиона человек подписались на страховку в 2024 году, около 5 миллионов из них – новые клиенты. Самыми быстрыми темпами росла регистрация в штатах, где преобладают республиканцы: по данным Центров «Медикэр» и «Медикейд» (*Centers for Medicare & Medicaid Services, CMS*), по сравнению с предыдущим годом она увеличилась на 80% в Западной Вирджинии, почти на 76% в Луизиане и на 62% в Огайо [7]. Общественная поддержка «Обамакэр» и рекордное число участников программы сделали политически опасным для республиканцев добиваться отмены закона, особенно без надежной альтернативы. Это не помешало Д. Трампу поднимать эту тему в ходе предвыборной кампании.

Дж. Байден опирается на закон «О доступном здравоохранении», увеличивая премиальную помощь и создавая общественный план, подобный программе медицинского страхования «Медикэр», который был бы доступен любому и автоматически охватывал людей с низкими доходами в штатах, где не расширили программу медицинского вспомоществования «Медикейд». Он за отмену 5-летнего периода ожидания «Медикейд» и программу медицинского страхования детей для законно проживающих иммигрантов, а также за разрешение нелегальным иммигрантам покупать страховку на торговой площадке АСА, но без права на получение субсидий [1]. Таким образом, центральный элемент плана Дж. Байдена – предоставление федеральному правительству полномочий вести переговоры о ценах на лекарства для «Медикэр» и других государственных и частных покупателей с ограничением уровня цен, который платят другие страны с высоким уровнем дохода. Подобное влияние позиция по здравоохранению может иметь и в контексте предвыборных гонках в Конгресс США.

О ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В США идут дискуссии о поляризации общества, что имеет реальную почву. Если исходить из представления о «поляризации» как о форме проявления социальных различий, то есть облик одних слоёв подвергается изменениям ускоренно по отношению к облику других, которые сохраняют относительную устойчивость, что усиливает расхождения, то возникает закономерный вопрос: может ли (и в каком обществе) существовать единый интерес, формирующий облик и устраивающий поголовно всех членов общества в мирное время, если речь не идёт о справедливой защите отечества от внешней угрозы? В любом обществе, США – не исключение, всегда существуют и центростремительные, и центробежные, па-

раллельные и пересекающиеся интересы, за которыми объективно есть определенные силы, отформатированные или нет в политические субъекты.

Институт выборов – инструмент политической системы, функция которого заключается в определении как температуры подогрева и кипения в обществе, так и корректировки настроений, чаяний и интересов путем смены победителей-субъектов политического процесса на выборах.

Таким образом, измеритель расслоения (поляризации) общества через результаты избирательных циклов реально демонстрирует относительную степень этой поляризации и радикализации при условии достаточно свободном и честном волеизъявлении электората. Иными словами, речь идёт о демократических типах государственных режимов.

О чём свидетельствует нынешний избирательный президентский цикл 2024 года?

Здравоохранение среди приоритетных тем избирательного цикла. В частности, закон «О доступном здравоохранении», судьба которого показательна, с точки зрения работы института «выборов». Он был принят в 2010 году и к настоящему времени пережил уже четыре администрации, а также неоднократное *штормовое наступление со стороны Республиканской партии, опять в центре партийных «баталий» в избирательной кампании*. Это свидетельствует о приливно-отливном характере движений в политических процессах, которые интегрируются в американской демократической политической системе, сохраняя ее живучесть. Процесс длится пока решение вопроса в обществе не исчерпает себя до согласованного уровня-максимума, достигаемого на компромиссной основе, о чем свидетельствуют реальные принимаемые шаги по конкретному важному общенационального значения политического курса.

Проблема прерывания беременности как политическая проблема – ветеран, возраст которой перевалил за столетия, из этой же серии аргументов.

Последние июльские дни 2024 года внесли огромные изменения в текущую президентскую кампанию: президент Дж. Байден принял решение (21 июля) выйти из президентской гонки за три с небольшим месяца до выборов и утвердить вице-президента Камалу Харрис вместо себя в списке кандидатов. Согласно опросу «Ассошиэйтед пресс» (*Associated Press*), она сразу набрала необходимое число делегатов, чтобы выиграть президентскую номинацию в первом туре голосования. Делегаты съезда Демократической партии, который намечен на август в Чикаго, могут проголосовать за кандидата по своему выбору или если демократы проведут виртуальную переключку перед собранием [10]. В кампании Байдена – Харрис репродуктивные права рассматриваются как одна из самых важных проблем. Сообщается, что Д. Трамп понимает, что он уязвим в отношении аборт, и он уже пытается добиться этого обоими способами: «хвастаясь» перед республиканцами отменой дела «Роу против Уэйда», в то же время «лукавя» перед более широкой аудиторией.

Опрос, проведённый Центром исследований общественных связей (*Associated Press-NORC*), показал, что примерно 9 из 10 взрослых американцев считают *право*

голоса, право на равную защиту перед законом и право на неприкосновенность частной жизни чрезвычайно важными для идентичности США как нации, а 84% относятся так же к свободе вероисповедания.

Причём существуют лишь небольшие расхождения между республиканцами и демократами в этом смысле, за исключением права на ношение оружия, которое республиканцы, считают основой национальной идентичности. Эксперты обращают внимание на «поражительность общих выводов», потому что они сделаны во время «крайней партийности», когда политические соглашения кажутся редкостью, а опасения по поводу возможности насилия усиливаются в год нестабильных президентских выборов.

По данным исследования, проведённого в 24 странах, США признаются как самая богатая страна из опрошенных, ее поддержка автократических систем – значительно ниже уровня большинства: лишь 15% поддерживают военное правление и 26% – систему сильного лидера [8]. Соединенные Штаты выделяются своей поляризацией по вопросам о том, улучшит ли более разнообразное представительство политику страны. В среднем 50% опрошенных стран считают, что политика улучшилась бы, если бы было избрано больше женщин, в то время как в США эта доля составила всего 42% [8].

В Соединённых Штатах Америки также зафиксирован самый большой идеологический разрыв по вопросу об участии молодежи в политике: 7 из 10 либералов заявили, что молодые лидеры улучшат условия, и только 2 из 10 консерваторов согласились с этим.

Согласно другому исследованию о настроениях в американской общественности в отношении кандидатов в президенты Дж. Байдена и Д. Трампа, данные которого базируются на опросе, проведённого с 13 по 25 февраля 2024 года Исследовательским центром Пью (*Pew Research Center*), известным авторитетным и профессиональным в США), была выявлена существенная часть американцев (26%), проявляющих не благоприятное отношение как к действующему президенту-демократу Джо Байдену, так и к бывшему президенту-республиканцу Дональду Трампу. Причём молодые люди особенно склонны придерживаться этой точки зрения. Такая же позиция среди тех, кто себя не называет демократом или республиканцем, но склоняется к той или иной партии. Здесь доли сторонников, кому не нравятся оба кандидата на пост президента в 2024 году [9] распределены таким образом: республиканцев (35%) и демократов (38%). Таким образом, на фоне «значительной доли американцев, не особенно любящих ни того ни другого» [9], достигнуто двухпартийное согласие негативного свойства в отношении обоих кандидатов. При этом у Дж. Байдена и Д. Трампа достаточно делегатов на президентских праймериз 2024 года для выдвижения кандидатом от своих партий на пост президента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какое «наследство» нерешённых или недостаточно полно улаженных кризисных проблем осталось для президентских выборов 2024 года? Попытка республиканцев отменить закон «О доступном здравоохранении» в Конгрессе 115-го созыва (2016–2018 годы) стоила им потери более 40 мест в Палате представителей. Тогда демократы впервые за последнее десятилетие добились большинства в нижней палате [Шведова Н.А., 2019: 37–53]. Промежуточные выборы 2022 года в США оказались знаковыми, поскольку они стали первыми с 1934 года, на которых президентская партия добилась «чистого выигрыша» как в Сенате, так и на губернаторских должностях, и лишь вторые выборы в истории страны после 1934 года, на которых оппозиционная партия не смогла получить ни одного места в Сенате. Это был первый случай с 1962 года [с 1934 года], когда демократам удалось получить места в Сенате, имея в кресле президента от Демократической партии. При этом Демократическая партия потеряла места в Палате представителей, как было на выборах 1914, 1962, 1970 и 2018 годов.

Американские исследователи выделяют ряд факторов, объясняющих, с их точки зрения, успехи демократов. Среди них, прежде всего, негативная реакция на ограничения прав на прерывание беременности (аборты) после решения Верховного суда США от июня 2022 года по делу «Доббс против Женской организации здравоохранения Джексона», отменившее дело «Роу против Уэйда». Реакция на республиканский экстремизм и отрицание результатов выборов 2020 года и негативное влияние Дональда Трампа (почти все поддержанные им кандидаты проиграли). Менее чем через два года после того, как Верховный суд отменил конституционное право на аборт, охрана репродуктивного здоровья становится самой большой проблемой здравоохранения на этих выборах.

То же самое было и на промежуточных выборах 2022 года, когда многие избиратели сплотились вокруг кандидатов, которые поддерживали права на аборты и помогли демократам добиться неожиданно успешных результатов. После решения Верховного суда избиратели в шести штатах, включая Канзас, Кентукки и Огайо, где республиканцы контролируют законодательные органы, одобрили поправки к конституции штатов, защищающие доступ к абортам.

Такие меры, как Американский план спасения (*American Rescue Plan*), двухпартийный закон «Об инфраструктуре» (*Bipartisan Infrastructure Law*) и закон «О снижении инфляции» (*Inflation Reduction Act*), оказали позитивное влияние на выбор совокупного электората, одновременно продемонстрировав готовность Демократической партии к переменам, тенденция к учету требований достаточно широких слоев американского общества. Избиратели, отвергнув 291 кандидата от Республиканской партии [11], которые открыто отрицали результаты выборов 2020 года, а некоторые из них участвовали в событиях 6 января 2021 года, послали ясный сигнал не в пользу крайне правых кандидатов, а в сторону поиска корректировки расстановки политических сил в процессе проведения

политических курсов и государственных мер. Тем самым выборы продемонстрировали определённую эффективность демократической политической системы, при которой в соответствии с процедурами работающей политической системы могут реализовываться без резких движений (в легитимном режиме) политические шаги по смягчению наиболее острых сложившихся противоречий в обществе или в конкретном социально-политическом курсе.

Однако снятие остроты не означает искоренение проблемы. В такой парадигме неизбежно возвращение к поиску окончательного решения, которое проявляется в следующем избирательном цикле. Очевидно, картина неоднозначная, с точки зрения перспектив победителя в предстоящем ноябре 2024 года. Логичным представляется прогноз о незначительном разрыве результатов поддержки электората, который обеспечит выбор очередного президента.

ИСТОЧНИКИ

1. Altman, D. It's Not a Health Care Election, But Health Issues Might Still Add Up. Available at: <https://www.kff.org/other/perspective/its-not-a-health-care-election-but-health-issues-might-still-add-up/> (accessed 03.04.2024).

2. Altman, D. The Two Health Care Cost Crises. Available at: <https://www.kff.org/other/perspective/the-two-health-care-cost-crises/> (accessed 03.04.2024).

3. Altman, D. Why Affordability Is the Big Tent. Available at: <https://www.kff.org/other/perspective/why-affordability-is-the-big-tent/> (accessed 03.04.2024).

4. Rovner, J. The ACA Turns 14. Available at: https://kffhealthnews.org/news/podcast/what-the-health-339-obamacare-affordable-care-act-at-14-march-21-2024/?utm_campaign (accessed 21.03.2024).

5. Rapfoge, N. Obamacare Has Been a Success, and It's Just the Start. Available at: <https://riponsociety.org/article/obamacare-has-been-a-success/> (accessed 02.04.2024).

6. Tolbert, J., Patrick, D., Damico, A. Key Facts about the Uninsured Population. Available at: https://www.kff.org/uninsured/issue-brief/key-facts-about-the-uninsured-population/?utm_campaign=KFF-Drew-Columns&utm_medium=email&_hsenc (accessed 18.03.2024).

7. Appleby, J., Galewitz, P. America worries about health costs - and voters want to hear from Biden and Republicans. Available at: <https://www.cbsnews.com/news/health-care-campaign-issues-2024/?intcid=CNR-01-0623> (accessed 18.03.2024).

8. Riccardi, N. Democracy's appeal is slipping as nations across much of the world hold elections, a poll finds. Available at: https://apnews.com/article/global-democracy-poll-government-politics-autocracy-bad95f3d53d0bb2c8d244f344654d1c?utm_source=Pew+Research+Center&utm_campaign=7a4ee10178-Global_24_04_03&utm_medium=email&utm_term=0_-7a4ee10178-%5BLIST_EMAIL_ID%5D (accessed 05.04.2024).

9. Gracia, Sh., Hartig, H. About 1 in 4 Americans have unfavorable views of both Biden and Trump. Available at: https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/03/19/about-1-in-4-americans-have-unfavorable-views-of-both-biden-and-trump/?utm_source=Pew+Research+Center&utm_campaign=4d8512b2c3-Weekly_3-23-24&utm_medium=email&utm_term=0_-4d8512b2c3-%5BLIST_EMAIL_ID%5D (accessed 20.03.2024).

10. Seung Min Kim, Weissert, W., Megerian, Ch. AP survey shows Kamala Harris backed by enough delegates to become Democratic nominee. *Associated Press*. July 23, 2024. Available at: <https://apnews.com/article/harris-biden-presidential-candidate-election-withdraw-9fbd153493cb3f088994854fe61a73e9> (accessed 04.08.2024).

11. Blanco, A., Gardner, A. Where Republican election deniers are on the ballot near you. *Washington Post*. Oct. 6, 2022. Available at: https://www.washingtonpost.com/elections/interactive/2022/election-deniers-running-for-office-elections-2022/?itid=lk_inline_manual_4 (accessed 07.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шведова Н.А. Здравоохранение США: решение откладывается до президентских выборов 2020 года». *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2019. № 6. С. 37–53. DOI 10.31857/S032120680005178-9.

Шведова Н.А. Необычные промежуточные выборы: итоги и тенденции. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 5. С. 42–55, DOI: 10.31857/S2686673023050073.

REFERENCES

Shvedova, N. Solution of U.S. Healthcare Problems Postponed until 2020 Presidential Elections. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019. No. 6. С. 37–53. DOI: 10.31857/S032120680005178-9.

Shvedova, N. The Unusual Midterm Elections: Results and Trends. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. No. 5. С. 42–55. DOI: 10.31857/S2686673023050073.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШВЕДОВА Надежда Александровна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук. (ИСКРАН).

Nadezda A. SHVEDOVA, Doctor Sciences (Political), Professor, Chief Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024.

Статья поступила после рецензирования 20.07.2024 / Revised 20.07.2024.

Статья принята к публикации 21.07.2024 / Accepted 21.07.2024.

УДК:323; 327; 329.11

DOI: 10.31857/S2686673024090072

EDN: ZUYPKD

Политическое наследие премьер-министра Канады Брайана Малруни (1939–2024 гг.)

Е.В. Израелян

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.

Scopus Author ID: 57211137434 РИНЦ ID: 508465

ORCID: 0000-0002-9491-4633 e-mail: eu.israelyan@iskran.ru

Резюме. Статья посвящена политике премьер-министра Канады Мартина Брайана Малруни, находившегося у власти с 1984 по 1993 год. Восемнадцатый премьер-министр Канады Б. Малруни – один из наиболее известных лидеров консервативного крыла политического спектра Канады. Он оставил заметный след в политической истории Канады и развитии канадско-американских отношений. Б. Малруни относят к числу наиболее противоречивых премьер-министров Канады, а в его политике отмечают как яркие достижения, так и громкие неудачи. Публикация основана на воспоминаниях современников и оценках российских и канадских специалистов.

Ключевые слова: Канада; Брайан Малруни; премьер-министр Канады; Прогрессивно-консервативная партия Канады; канадские консерваторы; канадско-американские отношения; НАФТА.

Для цитирования: Израелян Е.В. Политическое наследие премьер-министра Канады Брайана Малруни (1939–2024 гг.) *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2024; 54(9): 93–104. DOI: 10.31857/S2686673024090072 EDN: ZUYPKD

The Political Legacy of Canadian Prime Minister Brian Mulroney (1939–2024)

Evgenia V. Issraelyan

*Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.*

Scopus Author ID: 57211137434 РИНЦ ID: 508465

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9491-4633> e-mail: eu.israelyan@iskran.ru

Abstract. The article is devoted to the policies of Canadian Prime Minister Martin Brian Mulroney, who was in power from 1984 to 1993. The eighteenth Prime Minister of Canada, Mulroney is one of the most well-known leaders of the conservative wing of the Canadian political spectrum. He left a significant mark on the political history of Canada and on the development of Canadian-American relations. Mulroney is considered one of the most controversial prime ministers of Canada, with his tenure marked by both notable achievements and significant failures. The publication is based on the memoirs of contemporaries and the assessments of Russian and Canadian experts.

Keywords: Canada; Brian Mulroney; Prime Minister of Canada; Progressive Conservative Party of Canada; Canadian Conservatives; Canadian-American relations; NAFTA.

For citation: Issraelyan, E.V. The Political Legacy of Canadian Prime Minister Brian Mulroney (1939–2024). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 54 (9): 93–104. DOI: 10.31857/S2686673024090072 EDN: ZUYPKD

ВВЕДЕНИЕ

В марте в Канаде прошли памятные мероприятия по случаю кончины восемнадцатого премьер-министра Брайна Малруни (1939–2024 – годы жизни, 1984–1993 – период пребывания у власти).

Мартин Брайан Малруни (*Martin Brian Mulroney*) – один из самых известных лидеров консервативного крыла политического спектра Канады. Современная Консервативная партия Канады (КПК) прошла нелёгкий путь институционального и организационного оформления [Комаров А.Н. 2011: 70–71]. Она является наследницей многих правоцентристских партий и движений консервативного толка, в том числе Прогрессивно-консервативной партии (ПКК), которую представлял Б. Малруни. Лидерами консервативных партий были такие авторитетные политики, как один из отцов-основателей канадской конфедерации Дж. Макдональд (1867–1891), Дж. Дифенбейкер (1957–1963), Б. Малруни (1984–1993), С. Харпер (2006–2015), оставившие заметный след в истории Канады.

При характеристике партийной принадлежности Б. Малруни канадские и российские исследователи употребляют термин «консерватор». Та же дефиниция будет использована в настоящей статье.

«САМЫЙ ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР»

В политическом, академическом и общественном дискурсах нет единодушия в оценке деятельности кабинета Б. Малруни. Характеризуя его на посту премьер-министра, историки часто используют прилагательное «первый». Говорится, что он был первым в канадской истории выходцем из рабочего класса; первым после премьер-министра Р. Беннета* политиком, имевшим разносторонние связи с крупным отечественным и транснациональным капиталом; первым квебекцем, руководившим правительством консерваторов [Данилов С.Ю. 2006: 215]; первым и единственным со времён Джона Александра Макдональда лидером консерваторов, дважды возглавившим правительство большинства [6].

Некоторые специалисты называют его одним из величайших проводников экономических реформ в Канаде. Другие отмечают его умение наладить прекрасные личные отношения с американскими президентами, позволившие ему напрямую апеллировать к своим влиятельным друзьям Р. Рейгану и Дж. Бушу-старшему [Комкова Е.Г. 2017: 57–58]. Эти преимущества помогли Б. Малруни при заключении соглашений о

* Правительство Ричарда Бэдфорда Беннета 1930–1935 годов.

свободной торговле с США (1989 год) и о Североамериканской интеграции (1994 год). Третьи пользуются эпитетом «самый зелёный премьер-министр в истории Канады» [3], отдавая должное его конструктивной роли в международной экологической повестке. Четвёртые уделяют особое внимание его заслугам в защите прав человека и в завершении холодной войны. При Б. Малруни Канада одной из первых западных стран признала в 1991 году Россию в качестве суверенного государства.

Разнятся и негативные отзывы о результатах правительства Малруни. Его упрекают в том, что он «оставил после себя полуразрушенную федерацию» и «скверное экономическое наследство» [Данилов С.Ю. 2006: 229]. Речь идёт о провале Мичлейкских (1987–1990) и Шарлоттаунских (1991–1992) конституционных переговоров, нацеленных на присоединение Квебека к Конституции Канады. Напомним, что Квебек – единственная провинция, до сих пор не подписавшая Конституционный акт 1982 года. Проявлениями политического кризиса стал всплеск франкоканадского национализма, раскол консервативных сил, беспрецедентное падение рейтинга правящей Прогрессивно-консервативной партии [Агтеева И.А. 2013: 204–209].

Подводя итоги экономической политики Б. Малруни, оппоненты обвиняют его в введении грабительских налогов, неспособности восстановить сбалансированный бюджет и увеличить расходы на социальные нужды. Как известно, Б. Малруни предвидел неизбежное фиаско на следующих выборах и был вынужден уйти в отставку, оказавшись в тот момент самым непопулярным премьер-министром в истории Канады после Второй мировой войны. Недоброжелатели называли результаты выборов 1993 года, проходившие уже без Малруни, самым сокрушительным поражением правящей партии, которая получила всего два места в федеральном парламенте. Комментаторы не упускали случая язвительно сопоставить эти данные с «звёздным часом» Б. Малруни, когда консерваторы в 1984 году победили с невиданным большинством, выиграв 211 депутатских мест [История Канады. 2021: 565].

Надо признать, что есть основания как для комплиментарных, так и для критических суждений. По мнению видного канадского политолога К. Носсала, послужной список Б. Малруни нельзя оценить однозначно» [Nossal, K.R. 2003: 78]. Схожее мнение высказали и канадские СМИ, называющие Малруни одним из самых противоречивых премьер-министров Канады [10]. Ясно, что в политической карьере Б. Малруни были свои взлёты и падения, а его политика была отмечена яркими достижениями и громкими неудачами. Отдавая дань уважения премьер-министру, оставившему глубокий след в истории Канады, официальные лица и исследователи вновь обратились к его политическому наследию. Опираясь на их свидетельства, автор настоящей статьи показывает успешные результаты и крупные поражения 18-го премьер-министра Канады.

ПУТЬ НАВЕРХ

Начнём с биографической справки. Брайан Малруни вырос в многодетной семье ирландских католиков в маленьком провинциальном городке Бе-Комо на севере

Квебека. Он рано начал трудиться на бумажной фабрике, где его отец работал электриком. Малруни часто вспоминал, как отец убеждал его получить высшее образование. Он послушался отца и поступил на факультет политологии в университете Святого Франциска Ксавьера (*St. Francis Xavier University*) в Новой Шотландии, а затем в Университет Лавала (*Université Laval*), где получил диплом юриста. В студенческие годы он начал участвовать в деятельности Прогрессивно-консервативной партии в качестве волонтера. Однако ему тогда пришлось отказаться от политических амбиций и зарабатывать средства на содержание младших братьев и сестёр.

Он устроился в престижную юридическую фирму Огилви Рено (*Ogilvy Renault*), где стал быстро продвигаться по служебной лестнице и вскоре получил должность партнёра. Его профессиональная репутация особенно укрепилась после того, как он помог урегулировать трудовой конфликт между властями и профсоюзами, вспыхнувший во время строительства одной из канадских ГЭС. Последовали приглашения в советы директоров нескольких крупных транснациональных корпораций. Выбор Малруни пал на «Айрон Ор» (*Iron Ore Company of Canada*), канадский филиал трёх крупных американских сталелитейных компаний, президентом которого он был избран. Почти 10 лет у руля дали ему обширные знания о мировых финансах и экономике, которые повлияли на его подход к вопросам Североамериканской интеграции.

Успешно складывалась и политическая карьера Малруни. В 1970-е годы СМИ нередко называли его «восходящей звездой» канадских тори. Правда, путь наверх был для него тернистым – первоначальная попытка возглавить Прогрессивно-консервативную партию в 1976 году потерпела неудачу. Поражение в борьбе за лидерство в партии привело к глубокой депрессии и злоупотреблению алкоголем. «Это был трудный период для меня, и я не очень хорошо с ним справился», – писал он в своих мемуарах, опубликованных в 2007 году [цит. по. 4]. Однако через 7 лет, в 1983 году, Малруни, ранее никогда не занимавший выборных должностей, взял реванш, опередив в гонке за лидерство бывшего премьер-министра Дж. Кларка. И полным триумфом для Малруни стали выборы 1984 года, когда консерваторы одержали одну из крупнейших электоральных побед в истории Канады.

ПКК вновь получила большинство мест на следующих выборах, в 1988 году, на которых главным вопросом избирательной кампании стало соглашение о свободной торговле с США. Помимо объективных экономических и политических факторов (снижения безработицы и инфляции, ослабления оппозиционной Либеральной партии), существенную роль играли личные качества Малруни. К ним можно отнести безупречное знание английского и французского языков, ораторское мастерство, прекрасное чувство юмора, внешнюю привлекательность, умение элегантно носить одежду. Малруни, обладавший приятным баритоном, любил петь (и даже в детстве подрабатывал пением) и непринужденно пользовался музыкальной одарённостью для укрепления контактов. Например, на канадско-американском саммите в Квебеке в 1985 году он вместе с президентом

Р. Рейганом, также имевшим ирландские корни, исполнил песню «Когда улыбаются ирландские глаза» (*When Irish Eyes Are Smiling*).

Правление Б. Малруни не обошлось без громких скандалов. Один из них развился в конце 1980-х годов и был связан с именем бизнесмена Карлхайнца Шрайбера (*Karlheinz Schreiber*), бизнесмена, лоббиста и торговца оружием, имевшего канадское и немецкое гражданство. Ему инкриминировали подкуп Малруни, который должен был пролоббировать получение контракта на покупку самолетов «Эйрбас» (*Airbus*) канадской государственной корпорацией «Эйр Кэнада». Малруни категорически отрицал получение взятки, подал в суд на либеральное правительство и выиграл дело. Однако более позднее расследование показало, что обвинения были не беспочвенными, и что он получал откаты на общую сумму около 225 тыс. кан. долл. Формулировка расследования звучала так: отношения бывшего премьер-министра со Шрайбером были «неуместными» и неэтичными» (*inappropriate and unethical*). Сам Малруни назвал знакомство с Шрайбером самой большой ошибкой в жизни [4].

Второй срок премьерства был гораздо сложнее, чем предыдущий. Выше мы уже упоминали, что экономические реформы не принесли немедленных результатов, а попытки укрепить национальное единство потерпели крах. Б. Малруни подал в отставку в возрасте 54 лет и ушёл с политической сцены.

Завершив карьеру в высших эшелонах власти, Малруни вернулся в сферу юриспруденции и работал в советах директоров крупных корпораций. Он также оказывал консультативную поддержку и практическое содействие нынешнему премьер-министру либералу Дж. Трюдо, сыну своего знаменитого соперника П.Э. Трюдо в политической борьбе в 1980–1990-е годы. Пренебрегая межпартийными разногласиями, Б. Малруни использовал тесные связи в американском истеблишменте и бизнес-сообществе для сохранения соглашения о свободной торговле при правительстве Д. Трампа*. Для этого оченьгодились его многолетние контакты с Д. Трампом и его семьёй. Оба владели домами в курортном городке Палм-Бич во Флориде и время от времени общались в неформальной обстановке. Дж. Трюдо написал об этом так: «Я никогда не забуду те идеи, которыми он делился со мной на протяжении многих лет – он был щедрым, неутомимым и невероятно страстным» [7].

ЭКОНОМИКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Остановимся на узловых моментах эпохи Малруни, отмеченной экономическими трансформациями и политическими катаклизмами. Самым знаковым событием стало заключение двух принципиально важных для Канады фритредерских соглашений с США (ФТА и НАФТА). Оценивая вклад Малруни в торгово-экономическую интеграцию, министр финансов США Дж. Бейкер,

* С июля 2020 года Соглашение между США, Мексикой и Канадой – ЮСМКА (*USMCA*) – заменило НАФТА.

возглавлявший команду американских переговорщиков, писал, что «эта инициатива [подписания соглашений – *Е.И.*] была актом политического мужества премьер-министра, который разработал и продвигал новое видение Северной Америки» [1]. Сам Б. Малруни считал, что ФТА навсегда изменила Канаду.

Поначалу Б. Малруни был решительным противником идеи фритреда, однако сразу после прихода к власти пересмотрел свою позицию. Он понял, что экономическая интеграция является верным средством укрепления канадско-американских отношений и в то же время соответствует идеологической установке КПК об уменьшении роли государства в экономике. Призывая «открыть двери иностранным инвесторам», он стремился создать условия для развития национального бизнеса.

Современники Малруни признают, что он глубоко восхищался Америкой и американцами, о чём часто писали СМИ, иногда весьма пренебрежительно. Верно и то, что он понимал асимметричность экономических потенциалов двух стран. Залогом успеха в переговорах были его дружеские отношения с президентом США Р. Рейганом и непревзойдённое мастерство переговорщика. В своих мемуарах Малруни вспоминает следующий любопытный эпизод: при согласовании текста договора американская сторона возражала против пункта о разрешении споров, на котором настаивали канадцы. Переговоры зашли в тупик. Тогда Б. Малруни пригрозил позвонить Рейгану и спросить: «Рон, почему американцы могут заключить сделку по ограничению ядерных вооружений со своим злейшим врагом, СССР, но не могут пойти на торговую сделку со своими лучшими друзьями, канадцами?». Через полчаса упомянутый выше Дж. Бейкер, который связался с Рейганом, вбежал в комнату, бросив на стол лист бумаги и сказал: «Хорошо, у вас будет ваш механизм урегулирования споров. Теперь мы можем наконец отправить доклад в Конгресс?» [8].

Фритред вызвал глубокий раскол в политической элите, в правящей партии и в обществе. Обстановка в стране была так накалена, что премьер-министр был вынужден распустить парламент. Тем не менее идея фритреда оказалась жизнестойкой – после заключения соглашения сменявшие друг друга либеральные и консервативные правительства продолжали проводить курс на углубление интеграции [Комкова Е.Г. 2005: 178]. Как справедливо отмечал упоминавшийся нами К. Носсал, соглашения о свободной торговле являются главной составляющей исторического наследия Б. Малруни и всегда будут ассоциироваться с его именем [Nossal K.R. 2015: 191–192].

Несмотря на сближение Оттавы и Вашингтона в ходе переговорного процесса, канадско-американские отношения в тот период отнюдь не были безоблачными. Время от времени вспыхивали торговые споры, возникали расхождения по международным вопросам. Обычно они быстро улаживались. Например, обострились разногласия по поводу правового статуса вод Северо-Западного прохода: США считали их международными, а Канада внутренними. И вновь важную роль сыграл человеческий фактор – личное расположение Р. Рейгана к своему канадскому визави. Обе стороны пошли на компромисс. В соответствии с заключённым соглашением о сотрудничестве в Арктике США существенно уступили Канаде [Nossal K.R.

2003: 81], взяв обязательство согласовывать все плавания американских ледоколов через воды Арктического архипелага с правительством Канады.

Были и другие примеры. Как оказалось, Малруни умел сказать своим партнёрам вежливое, но твёрдое «нет». Он не побоялся официально отказаться от участия Канады в Стратегической оборонной инициативе США, несмотря на то что проект был любимым детищем Р. Рейгана*.

Помимо НАФТА, Малруни запомнился канадцам политикой демонтажа государственного регулирования экономики. Проводя экономические реформы, он опирался на опыт и публичную поддержку своих единомышленников – неоконсерваторов Р. Рейгана и М. Тэтчер, также осуществлявших широкомасштабные преобразования. Вслед за Р. Рейганом консерваторы отменили федеральный контроль за ценами на энергоресурсы и снизили налоги с нефтегазовых корпораций. Была проведена фундаментальная реструктуризация таких гигантских государственных монополий, как «Петро-Кэнада» (*Petro-Canada*), «Эйр Кэнада» и «Канадская национальная железнодорожная компания» – «Кэнейдиан нэшенал рейлвейс» (*Canadian National Railway Company*). В результате продажи, укрупнения или слияния предприятий государственного сектора их число сократилось с 500 до чуть более 300 [Данилов С.Ю. 2006: 220], а вырученные средства от продажи активов были направлены на уменьшение бюджетного дефицита. Подобным же образом были использованы доходы, полученные благодаря роспуску некоторых федеральных департаментов. Масштабная и стремительная реорганизация громоздкого государственного аппарата, которую один чиновник сравнил с взрывом «ядерной бомбы», привела к снижению числа государственных ведомств с 35 до 23 [Мау, К. 2024]. Российский исследователь Л.А. Немова резюмирует, что осуществлённые сделки и реформы не дали правительству возможности заметно поправить финансовое положение страны и не принесли больших политических очков. Вместе с тем консерваторы облегчили проведение дальнейших изменений пришедшим им на смену либералам [Немова Л.А. 2004: 102]. По иронии судьбы, результатами дерегулирования воспользовалось либеральное правительство Ж. Кретьена, сделавшее приватизацию государственных предприятий важнейшим элементом своей экономической программы.

Либералам «достались лавры» Малруни и в налоговой сфере, которую реформировали консерваторы. Взяв курс на оздоровление финансовой системы, он отменил многие льготы и скидки для корпораций, повысив в то же время почтовые тарифы, пошлины на страхование и на расторжение брака. В 1991 году был принят крайне непопулярный федеральный 7-процентный налог на все товары и услуги (*GST – Goods and services tax*), введение которого стало одной из основных причин поражения консерваторов на выборах 1993 года. Он заменил налог с оптовых продаж производителей, составлявший 13,5% (*MST – manufacturers' sales tax*).

* При этом канадские компании и университеты получили возможность работать в рамках программы на контрактной основе.

Поскольку *MST* был скрытым налогом, а *GST* – очевидным, последний вызвал взрыв возмущения канадцев. Либералы постарались извлечь выгоду из недовольства общественности и сделали лозунг «отменить налог» (*Axe the tax*) одним из ключевых в избирательной кампании 1993 года. Обещание так и не было выполнено по понятной причине: огромные средства, полученные благодаря действию налога, были направлены правительством Ж. Кретьена на погашение бюджетного дефицита, который удалось ликвидировать к 1998 году.

Заметим, кстати, что налоговая реформа Малруни оказалась долгосрочной. *GST* действует в Канаде по сей день. Вновь сошлёмся на К. Носсала, который высоко оценивает значение этого новшества Малруни. Он пишет, что «несмотря на огромную непопулярность, принятие *GST* способствовало успешному выполнению соглашения о свободной торговле, позволило увеличить доходы федерального бюджета и фактически обеспечило рост канадского экспорта на 13,5%» [Nossal, K.R. 2003: 80].

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ НЕУРЯДИЦЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСПЕХИ

Во внутривнутриполитической деятельности Б. Малруни преследовали горькие неудачи. Он пришёл к власти, пообещав вернуть свою родную провинцию Квебек в конституцию. В отличие от П.Э. Трюдо, Б. Малруни признавал претензии Квебека на статус «особого общества» (*distinct society*). Воспользовавшись благоприятным стечением обстоятельств, когда в 1985 году на выборах в Квебеке победила Либеральная партия во главе с Р. Бурасса, Малруни начал конституционные переговоры с провинциями. Не вдаваясь в детали напряжённого и многолетнего противоборства, отметим, что на его развитие оказывали влияние различные факторы. В их числе исторически сложившиеся узлы противоречий между центром и провинциями; ревностное отношение руководства других провинций к притязаниям Квебека; недовольство против франкоязычных канадцев со стороны жителей остальных провинций; позиции различных групп, прежде всего, ассоциаций коренных народов, а также женских и других общественных организаций, опасавшихся, что в новой конституции их права могут быть нарушены; начавшаяся рецессия, которую канадцы связывали с экономическими реформами Малруни. Важную роль в формировании общественного мнения сыграли выступления видных политических деятелей, в первую очередь, П.Э. Трюдо. Бывший премьер-министр решительно возражал против «особого статуса» Квебека и обвинял Малруни в том, что он «продался провинциям» [5]. Тяжёлым ударом для Малруни стал уход из правительства консерваторов его университетского друга и соратника Л. Бушара. Ещё обиднее для Б. Малруни стало то, что Бушар вскоре стал лидером Квебекского блока, первой в истории Канады франкоканадской сепаратистской партии, оформленной на федеральном уровне.

Поначалу федерально-провинциальные переговоры шли успешно, и в местечке Мич-Лейк (Квебек) в апреле 1987 года было достигнуто соглашение между главами провинций и премьер-министром. Ключевым пунктом было признание Квебека

«особым сообществом». В обмен на это положение все остальные провинции также получали дополнительные права [Агтеева И.А. 2023: 204]. Казалось, что равновесие достигнуто – дело было лишь за ратификацией соглашения, которая должна была пройти в законодательных собраниях каждой провинции в трёхлетний срок. Но этого не случилось – провинции Ньюфаундленд и Манитобы отказались от поддержки Мичлейкского соглашения. В июне 1990 года оно легло под сукно.

Провал соглашения не остановил упорного Б. Маруни, продолжившего настойчиво искать выход из конституционного кризиса. Как пишет видный канадский историк Д. Мортон, в Шарлоттауне (на острове Принца Эдуарда) в августе 1992 года произошло «практически невозможное» [История Канады. 2021: 582]: собравшимся удалось согласовать новый компромиссный документ и вынести его принципы на федеральный и провинциальные референдумы. Документ закреплял за Квебеком статус особого общества, предоставлял дополнительные права коренным народам, предусматривал кардинальную реформу сената, и наделял ещё большими правами провинции.

И опять инициатива Малруни потерпела сокрушительное фиаско. Против неё проголосовали 55% участников референдума. Квебек и четыре западные провинции проект отвергли, предрешив не только судьбу конституционной реформы, но и самого Брайана Малруни.

Гораздо более успешной была внешнеполитическая деятельность Б. Малруни. По мнению известного журналиста и политолога Э. Коэна, Малруни всегда хотел получить международное признание. «Его больше привлекала трибуна Генеральной Ассамблеи ООН, чем место в Палате общин федерального парламента» [Towards a New World. 1992: 282]. Во всяком случае, внешняя политика Канады при его премьерстве была очень активной, что подтверждается простым перечнем выдвинутых инициатив и достигнутых соглашений. В отличие от своих экономических партнёров Р. Рейгана и М. Тэтчер, Б. Малруни был одним из наиболее энергичных сторонников принятия жёстких санкций против режима апартеида в ЮАР и, что особенно важно, сумел убедить Тэтчер присоединиться к ним. Показательно, что на следующий день после своего освобождения из тюрьмы один из самых известных борцов против апартеида Н. Мандела позвонил Малруни, чтобы поблагодарить за вклад в демонтаж сегрегационного режима.

При Малруни Канада сыграла одну из ведущих ролей в разработке Конвенции ООН о правах ребенка, подписанной в 1989 году. Сам премьер-министр был сопредседателем на Всемирном саммите ООН в интересах детей в сентябре 1990 года и всячески содействовал её ратификации.

Весьма впечатляющей была экологическая повестка Малруни. В 1991 году был заключён канадско-американский договор о кислотных дождях, который стал моделью для последующих международных соглашений в этой области. Правительство также приняло ряд законов о защите экологии в Канаде (об охране окружающей среды для управления токсичными веществами, об оценке воздействия крупных проектов на окружающую среду). Канада была в числе первых западных стран, ратифицировавших в

1992 году Конвенцию ООН о биологическом разнообразии и Рамочную конвенцию ООН об изменении климата. Ещё до этого, в 1987 году, в Монреале по инициативе Канады был принят Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, подписание которого также вошло в послужной список премьер-министра.

В активе Малруни такие резонансные шаги, как вывод всех канадских войск из Европы (при сохранении минимальных военных обязательств в НАТО); вступление в Организацию американских государств; проведение двух саммитов Франкофонии, значительно повысивших её международный имидж. Историки признают, что Б. Малруни немало сделал как для развития отношений между США и Канадой, так и для повышения её роли в мире.

Имя Б. Малруни вписано и в историю канадского мультикультурализма. В 1988 году консерваторы приняли закон о многокультурности, в котором расовое, этническое и религиозное многообразие было признано основополагающей характеристикой канадского общества. При Б. Малруни Канада стала первой страной, которая официально возвела мультикультурализм в ранг государственной политики. Мультикультурность объявлена национальной идеей, стала частью канадской политической культуры и объединяет различные слои канадского общества. Показательно, что, Б. Малруни, ссылаясь на принципы мультилатерализма, принёс официальные извинения канадцам японского происхождения за интернирование в годы в Второй мировой войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическому наследию Малруни, как и его сложной и противоречивой личности, трудно дать однозначную оценку. Оно многообразно и чрезвычайно интересно. Думается, что к его планам, особенно к нереализованным, и начинаниям будут обращаться научные и политические круги, переосмысливая этот опыт в контексте современных реалий. Доказательством успехов Б. Малруни является то, что последующие правительства не только приняли, но и углубили его реформы. А его внешнеполитические и культурные инициативы получили широкое международное признание. За свои заслуги Малруни был удостоен высших наград Канады и Квебека (кавалера Ордена Канады и Великого кавалера Национального ордена Квебека), а также многочисленных зарубежных правительственных наград и научных степеней.

Парадоксально, что несмотря на крайне низкую популярность Малруни к моменту своей отставки, он занял очень высокие позиции в рейтингах премьер-министров страны, проведённых в начале XXI века. В 2000 году Институт североамериканских исследований Макгильского университета (*McGill University North American Studies Institute*) определил, что у Б. Малруни были самые крупные экономические достижения среди всех премьер-министров Канады, находившихся у власти после Второй мировой войны. В 2003 году Институт исследований государственной политики (*Institute for Research on Public Policy*) поместил Б. Малруни на второе место (после Л. Пирсона) в рейтинге лучших премьер-министров за 50 лет. А по результатам экспертного опроса,

проведённого престижным изданием «Хилл Таймс» в 2009 году, Малруни оказался «самым уважаемым» бывшим премьер-министром Канады [2]. Этот парадокс можно объяснить известной истиной: «многое лучше видится на расстоянии».

ИСТОЧНИКИ

1. Baker, J. Brian Mulroney advanced a compelling new vision for North America. *The Globe and Mail*, March 1, 2024. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-brian-mulroney-advanced-a-compelling-new-vision-for-north-america/> (accessed 15.04.2024).
2. Mulroney, B. The Horatio Alger Association of Canada. Available at: https://horatioalger.ca/en/haa_members/brian-mulroney/ (accessed 6.05.2024).
3. Brian Mulroney: Loss of a titan. *Politico*. 03.01.2024 Available at: <https://www.politico.com/newsletters/ottawa-playbook/2024/03/01/brian-mulroney-loss-of-a-titan-00144346> (accessed 8.04.2024).
4. Cowell, A. Brian Mulroney, Prime Minister Who Led Canada into NAFTA, Dies at 84. *The New York Times*, Feb. 29, 2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/02/29/world/canada/brian-mulroney-dead.html> (accessed 01.03.2024).
5. Gall, G. Meech Lake Accord. *The Canadian Encyclopedia*. February 7, 2020. Available at: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/meech-lake-accord> (accessed 02.05.2024).
6. Electoral history of Brian Mulroney. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Electoral_history_of_Brian_Mulroney (accessed 5.04.2024).
7. Matza, M. Former Canadian Prime Minister Brian Mulroney dies at 84. *BBC News*, 01 March 2024. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-68443314> (accessed 20.03.2024).
8. Martin, S. Brian Mulroney obituary. *The Guardian*, March 18, 2024. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2024/mar/18/brian-mulroney-obituary> (accessed 26.03.2024).
9. May, K. Mulroney's "pink slips and running shoes" yielded to a trust of the public service. *Policy Options*. March 20, 2024. Available at: <https://policyoptions.irpp.org/magazines/march-2024/mulroney-public-service/> (accessed 1.05.2024).
10. Tasker, J. Brian Mulroney, one of Canada's most consequential prime ministers, is dead at 84. *CBC News*, Feb 29, 2024. Available at: <https://www.cbc.ca/news/politics/brian-mulroney-passes-away-1.7130287> (accessed 5.03.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агтеева И.А. Политическая история Канады. М: Институт Всеобщей истории РАН, 2013. 286 с.
- Данилов С.Ю. История Канады. Москва, Издательство «Весь Мир», 2006, 255 с.
- История Канады / Коллектив авторов под ред. Крейга Брауна. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. 656 с.
- Комаров А.Н. К вопросу о сущности канадского консерватизма. *Канадский ежегодник*. Выпуск 15. 2011. С. 65–80.

Комкова Е.Г. Канада и НАФТА. Итоги и перспективы Североамериканской экономической интеграции. М: ИСКРАН.2005. 350 с.

Комкова Е.Г. Премьер-министры Канады и президенты США: краткий экскурс в историю отношений. *Канадский ежегодник*, Выпуск 21, 2017. С. 49–65.

Немова Л.А. Социально-экономическая политика государства в Канаде. М: ИСКРАН. 2004. 348 с.

REFERENCES

Aggeeva, I.A. Political History of Canada. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 286 p.

Danilov, S.Ju. History of Canada. Moscow, "Ves Mir", 2006. 255 p.

Komarov, A.N. What is the essence of Canadian Conservatism? *Annual Journal for Canadian Studies in Russia*. Issue 15, 2011. P. 65–80.

Komkova, E.G. Canada and NAFTA. Moscow, ISKRAN. 2005. 350p.

Komkova, E.G. Canadian prime ministers and American presidents: a brief overview of their personal relationship. *Annual Journal for Canadian Studies in Russia*. Issue 21, 2017. P. 49–65.

Nemova, L.A. Social and Economic Policies of the Governments in Canada. Moscow. ISKRAN. 2004. 348 p.

Nossal, K.R. The Mulroney Years: Transformation and Tumult. *Policy Options*, June–July, 2003. P. 77–81.

Nossal, K.R. et al. The Politics of Canadian Foreign Policy. 4th Edition. Montreal and Kingston. McGill-Queen's University Press. 2015. 396p.

The Illustrated History of Canada / Ed. by Craig Brown. Montreal & Kingston, London, Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2012. 650 p.

Towards a New World. The History of Canadian Foreign Policy. Ed. by J.L. Granatstein. York University Press. 1992. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИСРАЕЛЯН Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Канады Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).
Российская Федерация 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Evgenia V. ISSRAELYAN, Candidate of Sciences (History) Leading Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024.

Статья поступила после рецензирования 20.07.2024 / Revised 20.07.2024.

Статья принята к публикации 21.07.2024 / Accepted 21.07.2024.

УДК: 327, 355/359

DOI: 10.31857/S2686673024090082

EDN: ZUYPEN

США, Запад и Украина: что дальше? (Дискуссии в Вашингтоне)

П.Т. Подлесный

*Институт Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук (ИСКРАН).*

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

РИНЦ ID: 104756 e-mail: podlpavel@yandex.ru

Резюме. Цель данной статьи – проанализировать возможную корректировку политики США на Украине после 2023 года и выявить, появились ли среди американских экспертов какие-либо серьёзные предложения о начале диалога с целью приемлемого для всех сторон завершения военного конфликта.

В статье рассматривается усиление сомнений в США и Европе по поводу целесообразности продолжения поддержки Украины в её конфликте с Россией. Автор приводит различные точки зрения американских экспертов на стратегию ведения войны и необходимость поиска альтернативных решений. Также анализируются препятствия для осуществления дипломатии и условия, при которых возможно достижение прекращения боевых действий. В целом, статья подчёркивает важность стратегического пересмотра текущих подходов, учитывая как внутренние, так и международные вызовы для участников конфликта.

Ключевые слова: Украина, США, Россия, ЕС, специальная военная операция (СВО), военная помощь, сдерживание, переговоры, дипломатия, санкции, экспертное сообщество.

Для цитирования: Подлесный П.Т. США, Запад и Украина: что дальше? (Дискуссии в Вашингтоне). *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(9): 105–112.

DOI: 10.31857/S2686673024090082 EDN: ZUYPEN

The USA, the West, and Ukraine: What's Next? (Discussions in Washington)

Pavel T. Podlesny

*Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.
2/3, Khlebny pereulok, Moscow 121069, Russian Federation.*

РИНЦ ID: 104756 e-mail: podlpavel@yandex.ru

Abstract: The article examines the increasing doubts in the United States and Europe regarding the continued support for Ukraine in its conflict with Russia. It highlights varying perspectives among American experts on the strategic direction of the war, with some advocating for a long-term strategy of containment against Russia by sustaining military aid to Ukraine, despite uncertain outcomes. Others argue for a reassessment of Ukraine's war goals, emphasizing

the need for defensive strategies and potential negotiations. The article also discusses the obstacles to diplomacy and the conditions under which a ceasefire might be achievable. Overall, it underscores the necessity of re-evaluating current strategies in light of both domestic and international challenges.

Keywords: Ukraine, USA, Russia, EU, Russia's Special Military Operation (SMO), military assistance, deterrence, negotiations, diplomacy, sanctions, expert community.

For citation: Podlesny, P.T. The USA, the West, and Ukraine: What's Next? (Discussions in Washington) *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(9): 105–112.

DOI: 10.31857/S2686673024090082 EDN: ZUYPEN

Среди общественности США и европейских государств растут сомнения относительно целесообразности помощи киевскому режиму. По данным, приводимым в Конгрессе США, Вашингтон израсходовал на такую помощь с 2014 года около 300 млрд долл., которые можно было бы израсходовать для решения внутренних проблем в самой Америке. Многие американские специалисты считают, что инициатива перешла к российским вооружённым силам и, следовательно, главная задача Запада состоит в том, чтобы не допустить военной победы России над Украиной.

Но не следует предаваться иллюзиям, поскольку в Вашингтоне преобладают мнения о целесообразности продолжения войны на Украине в целях изматывания России, истощения её военного потенциала. Обратимся с этой целью к статье «Стратегия сдерживания для Украины. Каким образом Запад может помочь Киеву вести длительную войну». Её авторы – Л. Фикс и М. Киммэдж – утверждают, что Америке следует исходить из долгосрочных задач политики на российском направлении: «Украина и её союзники должны соответствующим образом ответить на нынешнюю военную ситуацию. Им следует подготовиться к длительной войне и долгосрочному сдерживанию России вместо того, чтобы надеяться на быстрый триумф Украины, или при его отсутствии, на неизбежность организации переговоров. Полная победа не гарантируется либо доблестью Украины, либо глупостью России. И наивно полагать, что любая надежда на переговоры отвечает интересам Украины, потому что Россия не проявляет большой готовности или большой податливости к достижению компромисса. Наоборот, стремление Кремля полностью переформатировать существующий международный порядок путём открытого военного конфликта ныне более амбициозно, нежели год назад» [1: 2].

Дальнейшая аргументация авторов сводится к тому, что Украина ещё проиграла войну. Даже тупиковая ситуация на фронте, как это ни парадоксально, является большим достижением. Опираясь на помощь Запада, Украина сдерживала своего более мощного соседа. Россия не смогла взять Киев или любой другой крупный город, кроме Мариуполя. Несмотря на свои солидные экономические и военные ресурсы, Россия в действительности не предпринимала наступательных действий с начала лета 2022 года. Чтобы добиться прогресса в нынешних условиях, украинским и западным лидерам надо сосредоточиться на достижении реальных стратегических целей. Наиболее неотложная из них – сдерживание России и не только

для того, что Украина уже достигла, а для того, чтобы Россия не чувствовала себя в безопасности в максимально возможной степени. На позиции России следует оказывать постоянный нажим. Этого нельзя будет достичь без военной поддержки США и не в силу того, что победа уже за углом, а в силу того, что сдерживание России отвечает коренным интересам Америки и Европы. Политика сдерживания уже приносит результаты, и не видеть этого будет ошибкой» [1: 2].

По мнению Л. Фикс и М. Киммэджа, российская армия увязла на Украине, в результате чего влияние Москвы в Центральной Азии и на Южном Кавказе сократилось. В предстоящие годы политика сдерживания должна поддерживаться растущими масштабами военной помощи Киеву со стороны Вашингтона и Брюсселя, продолжением санкций и попытками улучшить их реализацию. Помощь Украине – не филантропия. Для Европы успех или провал сдерживания России определяет безопасность всей европейской части континента, а для США – будущее возглавляемого ими международного порядка.

Но не все в Америка разделяют эту точку зрения и высказываются за основательную переоценку политического курса, которого придерживаются Украина и её союзники в настоящее время. Р. Хаас и Ч. Купчан в своей очередной статье «Переосмысление успеха на Украине, новая стратегия должна увязать цели и средства их достижения» вновь обращают внимание на то, что провозглашённые Киевом цели войны – освобождение всех контролируемых Россией территорий, включая и освобождение Крыма – понятны, но в стратегическом плане недостижимы в ближайшем будущем, а, возможно, и в более отдалённый период: «Пришло время для Вашингтона возглавить выработку новой политики, которая объединяла бы реальные цели и средства и методы их достижения. Соединённым Штатам следует начать консультации с Украиной и её европейскими партнёрами по вопросам стратегии, которая включала бы готовность Украины на переговоры с Россией о прекращении огня и одновременно перейти от наступательной военной стратегии к оборонительной. Киеву не нужно отказываться от намерения восстановить территориальную целостность страны, от получения репараций и привлечения России к суду. Но Киеву следует сместить свои краткосрочные приоритеты по освобождению территории к защите и восстановлению более чем 80% территорий страны, которые он всё ещё контролирует». [2: 1–2].

Правда, Россия может вполне отвергнуть предложение о прекращении огня. Но даже в этом случае переход Украины от наступательной к оборонительной стратегии может сократить потери военнослужащих, направить больше средств на долгосрочное укрепление военного потенциала и восстановление страны, сохранить поддержку Запада, демонстрируя постановку реалистических целей своей стратегии. В более же долгосрочном плане изменения в стратегии продемонстрирует Москва, что она не может попросту рассчитывать на усталость Украины и прекращение её поддержки Западом. Это возможно постепенно убедит Москву перейти от военных действий к переговорам, что в конечном счёте отвечало бы интересам Украины, поскольку дипломатия – наиболее реалистический путь не только к прекращению войны, но в более отдалённом будущем к прекращению контроля Россией над украинской территорией.

Свои аргументы авторы статьи подкрепляют оценкой положения на фронте. Украина несёт огромные человеческие и экономические потери, в то время как Россия добивается успехов в установлении контроля над значительной частью территории Украины. Но в целом же ни одна из сторон не добилась значительных прорывов, и на фронте возникла тупиковая ситуация. Тут авторы искажают положение на фронте, поскольку российская армия, хотя и медленно, потеснила противника на многих направлениях. Запад может и дальше поставлять большое количество вооружений Украине, надеясь, что она на каком-то этапе будет в состоянии нанести поражение России. Проблема, однако, состоит в том, что нет никаких признаков того, что украинские вооружённые силы в состоянии прервать мощную оборону России независимо от того, какие усилия они предпринимают и как долго они ведут свои действия. «Время, – утверждается в статье, – не будет на стороне Украины в ситуации интенсивной войны, которая неизвестно сколько времени продлится. Экономика России и её промышленный потенциал поставлены на военные рельсы. Москва закупает вооружение у Ирана и Северной Кореи и имеет доступ к товарам, которые содержат технологию, которая может использоваться в военных целях. Если России будет нужно усилить своё военное присутствие на Украине, то для этого у неё достаточно человеческих ресурсов. Россия нашла новые рынки для своих энергоресурсов, а западные санкции оказали скромное воздействие на её экономику. Политические позиции В. Путина прочны, и он контролирует властные структуры, начиная с военных и силовых ведомств и кончая средствами массовой информации и общественными организациями» [2: 2–3].

Что касается Украины, то её военнослужащие продолжают гибнуть тысячами, и она испытывает недостаток определённых систем вооружений. В странах Запада растут сомнения по поводу оказания военной и финансовой помощи Украине. США играют в этом вопросе центральную роль, но в рядах Республиканской партии, в частности в Палате представителей Конгресса США, весьма сильна оппозиция относительно крупномасштабной помощи Киеву. Запрос администрации Дж. Байдена о выделении очередного транша Украине на сумму 60 млрд долл. завис в Палате представителей, хотя и был ранее одобрен в Сенате. Нет ясности и в вопросе о том, какова будет позиция Вашингтона после выборов осенью текущего года. Иными словами, колебания в США относительно помощи Украине порождают аналогичные сомнения в европейских государствах. В частности, новые власти Словакии заявили о прекращении военной помощи киевскому режиму.

Обострение конфликта в секторе Газа также снижает внимание западных политиков к войне на Украине. Но дело не только в этом, американские военные располагают ограниченными ресурсами, а военная промышленность США может производить ограниченное количество оружия. К тому же немало американских политиков придерживаются мнения, что США должны уделять внимание и уделять необходимые ресурсы для преодоления вызовов в Индо-Тихоокеанском регионе. С политической точки зрения Украине и её западным союзникам будет нелегко

справиться с этими суровыми стратегическими реальностями. «Но, – подчёркивается в статье, – куда более предпочтительно для Украины и её союзников принять новую стратегию, в которой цели и средства их достижения вновь будут сбалансированы, нежели продолжать курс, приведшей к тупику и который может обернуться резким сокращением поддержки Украины Западом» [2: 3].

Вашингтону, продолжают далее авторы, следует проявить инициативу в налаживании консультаций с Украиной и своими западными союзниками, чтобы подтолкнуть Киев выдвинуть предложение о прекращении огня и перейти от наступательной к оборонительной стратегии. Не следует требовать от Киева намерений восстановить границы 1991 года. Наоборот, надо стремиться убедить Киев, что именно новая стратегия может содействовать достижению этого в перспективе.

Что касается собственно прекращения огня, то оно позволит приступить к восстановлению экономики страны, использовать поставляемые Западом вооружения для обеспечения безопасности в долгосрочном плане, а не применять их в безуспешных текущих военных операциях. Условия же прекращения огня, то есть временные рамки, установление линий контактов, процедуры отвода войск и вывода вооружений, должны разрабатываться и реализовываться под широким международным контролем и наверняка под эгидой ООН или ОБСЕ.

Прекращение огня приобретёт реальные очертания только при условии согласия Украины и России. Нельзя исключать того, что Москва пойдёт на это. Российские вооружённые силы понесли серьёзные потери, НАТО окрепла, а трансатлантическая солидарность укрепилась. Кроме того, среди украинских политиков усилилась решимость навсегда вывести Украину из сферы влияния России. Возможно, это и подтолкнёт В. Путина пойти на прекращение кровопролития. Однако всё же больше фактов в пользу того, что Москва отвергнет предложение. Россия не отказывается от специальной военной операции, а её руководство, очевидно, убеждено, что у Москвы значительно больше возможностей, нежели у Киева, продолжать военные действия и добиться новых успехов. Кроме того, возможно, в Кремле считают, что возвращение Д. Трампа в Белый дом – реальность, что, по мнению авторов статьи, приведёт к уменьшению, а то и прекращению поддержки Украины. Но если даже Кремль не отвергнет с ходу предложение с тем, чтобы не понести определённые репутационные издержки, то он может выдвинуть требования, которые наверняка будут неприемлемы для Украины и Запада. Но даже с учётом вышесказанного, Киеву всё же не следует отказываться от предложения о прекращении огня. Это позволит Украине сохранить политическую инициативу и напомнить западной общественности и другим странам, что именно Россия несёт ответственность за возникший конфликт. Кроме того, отказ Кремля от прекращения огня поможет Западу сохранять и расширять санкции против России, а Украине сохранить долгосрочную военную и экономическую помощь со стороны коллективного Запада [2].

Но будет прекращение огня или нет, главное для Украины – переход к оборонительной стратегии. Ей следует сосредоточить свои усилия на удержании и восстановлении территорий, находящейся под её контролем, и заставить Россию

нести непомерные затраты при ведении наступательных операций против опавшейся украинской армии и расширенной системы ПВО. Да, при переходе к оборонительной стратегии Украина сможет использовать беспилотники и другие системы вооружений дальнего действия, средства поражения кораблей и осуществлять подрывные операции на российской территории, включая Кремль, заставляя тем самым Россию нести дополнительные потери и затраты. А в случае сокращения военного потенциала России, её воли к продолжению конфликта, у Киева сохранится возможность вернуться к более наступательной стратегии [2]. Авторы признают, что для руководства Украины изменить политику будет весьма трудной задачей. Тем не менее для Украины превратить контролируемую ею территорию в процветающую демократию важнее, чем рисковать будущим страны, предпринимая безнадежные попытки освободить контролируемые Россией регионы. «Становление Украины, – завершают свои размышления авторы, – в качестве успешной и ответственной демократии, способной защитить себя, стало бы серьёзным ударом по российским амбициям» [2: 5].

Заслуживают внимания и те, хотя и немногие, соображения американских экспертов относительно того, что участники могли бы сделать заранее для подготовки к переговорам в будущем, если возникнут необходимые предпосылки. С. Чарап и Дж. Шапиро в своей статье «Как проложить дорогу для дипломатии в целях прекращения войны на Украине» [3] приходят к следующим выводам. *Во-первых*, хотя реальной альтернативы переговорам не существует, хотя бы в силу невозможности достижения абсолютной победы, пока нет признаков того, что участники военного конфликта могут начать переговоры в ближайшем будущем. Обе стороны придерживаются мнения о невозможности достижения взаимоприемлемой договорённости в настоящее время. Каждая опасается, что другая сторона не пойдёт на компромисс или использует передышку для перевооружения и подготовки к новой конфронтации. Тем не менее уже сегодня надо налаживать диалог, чтобы лучше понимать намерения и подходы друг друга. Украине и Западу стоит уделять этому вопросу первостепенное внимание в ходе двусторонних контактов и встреч. Но обеим сторонам следует послать соответствующие сигналы о их открытости к переговорам. Такими односторонними сигналами могут стать снижение накала риторики, назначение специальных послов для переговоров, самоограничение в нанесении ударов по территории друг друга, обмена военнопленными. Если ни одна из сторон не начнёт этот процесс, то сохранится нынешняя ситуация, то есть упорная борьба за куски территории при огромных человеческих потерях и подрыв региональной стабильности на долгие годы.

Во-вторых, крупнейшее препятствие для прекращения конфликта – полная утрата доверия. Каждая из сторон подозревает друг друга в самых мрачных намерениях. Киев полагает, что Москва всё ещё намерена привести к власти в Украине марионеточный режим, а Россия твёрдо убеждена в том, что Киев и коллективный Запад стремится нанести ей стратегическое поражение. В такой ситуации выбор состоит между капитуляцией и продолжением длительной разрушительной войны. По данным США, на август 2023 года потери России и Украины составили

500 тысяч убитыми и ранеными. Война также подрывает международную стабильность и безопасность в масштабах, не отвечающих интересам мирового сообщества [3].

В-третьих, обсуждение вопросов подготовки к переговорам должно начаться прежде всего между западными союзниками Киева, причём на самом высоком уровне. До сих пор среди союзников нет понимания о конкретных рамках переговоров, их содержании или стратегии, которая была бы нацелена на дипломатическое решение военного конфликта. Дискуссии могут начаться в ходе саммитов стран – членов Североатлантического договора и Группы семи (G7). Параллельно обсуждение должно быть налажено с Украиной. В Киеве по-прежнему опасаются, что движение к переговорам обернётся прекращением военной помощи Запада. Поэтому союзникам следует не только продолжить оказывать такую помощь, но даже нарастить её масштабы. Наряду с этим Соединённым Штатам и Европейскому Союзу необходимо назначить специальных представителей для переговоров, что стало бы позитивным сигналом для Москвы. Россия могла бы прекратить нанесение ударов по территории Украины, согласиться на обмен пленными по формуле «всех на всех» [3].

Киев, в свою очередь, должен смягчить закон, принятый в сентябре 2022 года о запрете переговоров с президентом России В. Путиным, пояснив, что этот запрет не распространяется на других членов руководства России. И если Москва прекратит удары по целям на территории Украины, то Киеву следует поступить аналогичным образом. «Высказанные выше предложения, – завершают авторы статьи свои размышления, – не означают изменения в политике и даже шага к началу переговоров. В большей мере они означали бы возможность длительного процесса к постепенной организации переговоров. Сесть за стол переговоров – трудная задача, но альтернатива состоит в бесконечной разрушительной войне, которой не хотят обе стороны, и потери, связанные с её продолжением» [3: 4].

Но всё же надо сказать, что ряд американских экспертов практически полагают возможность переговоров в силу якобы «чрезмерных» требований России. Именно таким духом пронизана статья Б. Сланцева и Х. Гоманса «Препятствия для дипломатии на Украине», опубликованная в журнале «Форин афферс» весной в 2024 года [4]. Они признают, что Россия никогда не излагала свои территориальные претензии к Украине публично, но её идея «Новороссии» должна включать Донецк, Харьков, Херсон, Луганск, Николаев, Одессу и Запорожье, то есть весь юго-восток Украины. Отход названных регионов помогло бы создать выход к Крыму и пророссийскому Приднестровью. Кроме того, Украине был бы перекрыт доступ к Черному и Азовскому морям. «Демилитаризация» Украины означала бы запрет иметь многие системы вооружений, а также на поставку оружия странами Запада в значительных масштабах. Россия также настаивает на своих требованиях о невступлении Украины в НАТО, её политической или экономической интеграции с Европейским Союзом. Иными словами, Украина как государство практически полностью зависело бы в политическом и экономиче-

ском плане от России. В такой ситуации наиболее вероятный выход – продолжение войны. Россия может расширить контроль над территорией Украины, но Киев по-прежнему будет самостоятельной, как и большая часть страны [4: 7–8].

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что только скорейшая и, притом, решающая победа России на фронте может подтолкнуть западных и украинских политиков к более реалистичному осознанию путей прекращения конфликта.

ИСТОЧНИКИ

1. Fix, L., Kimmage, M. A containment Strategy for Ukraine. *Foreign Affairs*, November 28, 2023, pp. 1–7.
2. Haass, R., Kupchan, Ch. Redefining Success in Ukraine. A New Strategy Must Balance Means and Ends. *Foreign Affairs*, November 17, 2023, pp. 1–6.
3. Charap, S., Shapiro, J. How to Pave the Way for Diplomacy to end the War in Ukraine. *Foreign Affairs*, March 5, 2024, pp. 1–4.
4. Slanchev, B., Goemans, Y. The Obstacles to Diplomacy in Ukraine. April 1, 2024, pp. 1–8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Павел Терентьевич ПОДЛЕСНЫЙ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Соединённых Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Pavel T. PODLESNY, Candidate of Sciences (History), Leading researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences.

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3.

2/3 Khlebny per., 121069 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024 / Received 18.05.2024.

Статья поступила после рецензирования 28.05.2024 / Revised 28.05.2024.

Статья принята к публикации 30.05.2024 / Accepted 30.05.2024.

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024090094

EDN: ZUHLBC

Элитологический аспект «опасной жизни в советской политике»

(исследование австралийско-американского историка Шейлы Фицпатрик о логике и механизмах принятия политических решений в сталинском СССР)

В.Ш. Сургуладзе

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.
Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.*

РИНЦ ID: 783080

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Резюме. Работа известного австралийско-американского историка-советолога Шейлы Фицпатрик, посвящённая исследованию особенностей и логики принятия политических решений в Советском Союзе с конца 1920-х по 1953 год, обращает на себя внимание попыткой объективного анализа мотивов действий «команды Сталина». В отличие от значительного числа идеологизированных и эмоционально окрашенных работ, посвящённых сталинской эпохе, почётный профессор Сиднейского университета, заслуженный профессор Чикагского университета, преподававшая историю Советского Союза в Техасском университете в Остине, Ш. Фицпатрик ищет рациональные причины действий высшего советского политического руководства и аргументированно показывает, что трагические страницы сталинского террора имели под собой не только субъективные, но и значимые объективные реально-политические основания. Историк приходит к выводу, что, несмотря на постоянные чистки партийного аппарата, внимательный анализ деятельности ближайших соратников И.В. Сталина демонстрирует неожиданное постоянство и эффективность, свидетельством чему являются три десятилетия совместной работы и способность «команды» осуществить транзит власти после смерти лидера.

Ключевые слова: американская советология; Шейла Фицпатрик; элитология; «команда Сталина»; советская элита; принятие политических решений в СССР.

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. Элитологический аспект «опасной жизни в советской политике». *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024. 54(9): 113–120. DOI: 10.31857/S2686673024090094 EDN: ZUHLBC

The Elitist Aspect of "The Years of Living Dangerously in Soviet Politics"

(Australian-American Historian Sheila Fitzpatrick's Research on the Logic and Mechanisms of Political Decision-Making in Stalinist USSR)

Vakhtang Sh. Surguladze

*Financial University under the Government of the Russian Federation.
Russian Federation, 125993, Moscow, Leningradskiy prospect, 49.
РИИЦ ID: 783080*

ORCID: 0000-0002-7948-0128 e-mail: bafing@mail.ru

Abstract: The work of the renowned Australian-American historian and Sovietologist Sheila Fitzpatrick, devoted to the study of the features and logic of political decision-making in the Soviet Union from the late 1920s to 1953, draws attention for its attempt at an objective analysis of the motives behind the actions of the "Stalin team". Unlike a significant number of ideologically driven and emotionally charged works on the Stalin era, Sheila Fitzpatrick – an honorary professor at the University of Sydney and professor emeritus at the University of Chicago, who also taught Soviet Union history at the University of Texas at Austin – searches for rational reasons behind the actions of the top Soviet political leadership. She convincingly shows that the tragic pages of Stalin's terror had not only subjective, but also significant objective real-political grounds. The historian concludes that despite the constant purges of the party apparatus, a careful analysis of the activities of I.V. Stalin's closest associates demonstrates an unexpected consistency and effectiveness, as evidenced by three decades of joint work and the ability of the "team" to manage the transition of power even after the leader's death.

Keywords: American Sovietology; Sheila Fitzpatrick; elitology; Stalin's team; Soviet elite; political decision-making in the USSR.

For citation: Surguladze, V. Sh. The Elitist Aspect of "The Years of Living Dangerously in Soviet Politics". *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024. 54(9):113–120.

DOI: 10.31857/S2686673024090094 EDN: ZUHLBC

Издательством Института Гайдара выпущена в свет работа известного австралийско-американского советолога Шейлы Фицпатрик «Команда Сталина: годы опасной жизни в советской политике», практически сразу исчезнувшая с книжных полок российских магазинов и ставшая библиографической редкостью. В русскоязычном издании название книги Ш. Фицпатрик представлено в двух вариантах: на обложке книги и суперобложке значится «Команда Сталина: годы опасной жизни в советской политике», однако на титульном листе и в выходных данных книги дана иная редакция названия, более близкая к англоязычному первоисточнику – «О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике». В силу указанной двойственности ссылки на данное издание отличаются.

За годы профессиональной деятельности Ш. Фицпатрик зарекомендовала себя в качестве одного из ведущих специалистов по социальной и культурной истории Советского Союза преимущественно сталинской эпохи. Она является

лауреатом престижной премии за достижения в науке Американской исторической ассоциации. На русском языке были опубликованы работы историка: «Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня» [Fitzpatrick 1994; Фицпатрик 2008], «Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город» [Fitzpatrick, 1999; Фицпатрик, 2008], «Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века» [Fitzpatrick, 2005; Фицпатрик 2011], «Русская революция» [Fitzpatrick, 2008; Фицпатрик, 2018], «Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии» [Fitzpatrick, 2021; Фицпатрик, 2023], «Кратчайшая история Советского Союза» [Fitzpatrick, 2022; Фицпатрик, 2023]. Некоторые из этих книг выдержали в России несколько изданий.

Шейла Фицпатрик много работала в российских архивах, в силу чего исследования историка носят аргументированный, подтверждённый фактическими данными характер. Ш. Фицпатрик – яркий пример учёного англосаксонской научной школы, которому удалось много лет проработать в Австралии, Великобритании, Соединённых Штатах и Советском Союзе. Работе в последнем посвящён второй том мемуаров историка под названием «Шпион в архивах: воспоминания о России времён холодной войны» [Fitzpatrick, 2013].

Многочисленные работы классика англосаксонской советологии, большая часть которых до сих пор не переведена на русский язык, заслуженно снискали Фицпатрик не только авторитет, но и репутацию историка-первопроходца и «ревизиониста», настолько её исследования не вписываются в стандартные шаблоны позиционирования СССР и России в качестве своеобразного «универсального зла» мировой политики и вечного объекта нечистошлотных инсинуаций и тенденциозного переписывания истории, ориентированного на подгонку исторических фактов под текущую антироссийскую внешнеполитическую конъюнктуру.

Книги Ш. Фицпатрик развенчивают упрощённый, однако прижившийся на коллективном Западе и активно навязываемый нарратив описания Советского Союза в качестве «тоталитарного общества» и попыток его искусственного уравнивания с разнообразными политическими режимами фашистского типа и уже этим обращают на себя внимание [Beyond Totalitarianism... 2009].

Исследование историка, посвящённое «годам опасной жизни в советской политике», сосредоточено на доскональном изучении ближайшего окружения И.В. Сталина, выявлении механизмов принятия политических решений Политбюро вне прижившихся в историографии удобных упрощённых и обобщённых абстрактных схем единоличного вожизма, предполагающих безраздельную власть одного лица.

По мнению Шейлы Фицпатрик, распространённая в западной историографии «тоталитарная модель» осмысления Советского Союза предвзята, не позволяет объяснить логику и закономерности поведения советского руководства, не учитывает широкого социального контекста, объективных обстоятельств

времени и места, которые в значительной степени формировали условия принятия политических решений.

Абстрагируясь от морализаторских акцентов при анализе политики Советского государства сталинской эпохи, историк раскрывает социальные причины репрессий, целеполагания и логики действий руководства СССР.

Книга Ш. Фицпатрик – попытка понять сталинские репрессии не с точки зрения эмоций [яркий пример подобного восприятия широко известная, переведённая на английский язык работа: Radzinsky, 1996; Радзинский, 2001] и пафосного осуждения «кровавого режима», с которым «всё ясно», а с точки зрения политической и, конечно же, революционной логики, которой придерживались большевики.

Историк исследует сталинский террор на примере пошагового и документального анализа конкретных действий, оценивая их в контексте социально-политических обстоятельств. Автор задаётся не только вопросами о том, как можно было уничтожить столько людей, но и вопросами мотивов этого уничтожения. Столь серьёзный подход к анализу трагических страниц советской истории закономерно не предполагает нахождения простых, но эффективных ответов в духе объяснения репрессий параноидальными особенностями личности И.В. Сталина. По убедительно обоснованному мнению Ш. Фицпатрик, подобные примитивные предположения политически наивны, ничего не объясняют, зато идеологически удобны противникам СССР.

Анализируя историю и логику сталинских репрессий, автор обращает пристальное внимание на социально-экономические процессы, проходившие в СССР, а также международную ситуацию, в которой оказалось Советское государство в межвоенный период. При этом для глубокого понимания идеологической мотивации советского правящего класса Ш. Фицпатрик изучает классовые концепции управления и марксистско-ленинскую интеллектуальную традицию анализа текущей социально-политической действительности.

Объясняя логику принятия политических решений И.В. Сталиным и его ближайшими соратниками, Ш. Фицпатрик приводит интересные аргументы. В частности, историк считает, что террор осуществлялся с постоянной оглядкой на опыт Великой Французской революции. Предполагалось, что провал Революции во Франции – результат свержения режима якобинской диктатуры реакционной буржуазией. Буржуазия смогла сорвать радикальный сценарий движения к «светлому будущему», поскольку деятели Французской революции не успели довести террор до конца. Затем возглавляемая представителями олигархии буржуазия содействовала становлению монархии Наполеона, и революция была задавлена окончательно. Ш. Фицпатрик считает, что И.В. Сталин и его ближайшие соратники боялись повторения этого сценария, когда в условиях недоведения террора до конца, русская революция столкнётся с угрозой реакционного реванша непролетарских слоёв населения и пятой колонны. То есть *большевики рассматривали террор во Франции как модель для террора в Советском Союзе*. Сегодня подобный

образ мыслей кажется неочевидным. Однако, если учесть воспоминания современников и активных участников революционных событий 1917 года, например, мемуары Л.Д. Троцкого, описывавшего, как он и В.И. Ленин на первых порах не могли поверить, что смогут удержать власть, рассматривали случившееся в качестве отнюдь негарантированного по своим конечным результатам этапа на многовековом пути борьбы трудового человечества за свободу, в силу чего пришли к выводу, что в условиях зыбкости победы и неясных перспектив разгоравшейся Гражданской войны необходимо неумолимо разрушать памятники эпохи царизма, параллельно создавая новые (в первые годы советской власти часто совершенно неудобоваримые), поскольку считали необходимым оставить максимально возможное количество свидетельств своей революционной борьбы для будущих поколений, которым суждено продолжить дело пролетариата в случае гибели лидеров русской революции [Троцкий, 2001].

Шейла Фицпатрик убедительно и интересно описывает стиль мышления «команды Сталина», раскрывает, как правило, ускользающие от внимания историков и политологов, а также широких слоёв современной читающей публики особенности контекста историографии и сложившейся марксистско-ленинской мифологии Французской революции, детерминировавших мотивы действий большевиков и специфику их восприятия окружающей действительности. Анализ подобных исторических примеров и параллелей сильно контрастирует с привычными концепциями осмысления сталинской эпохи, в рамках которых рациональные или, выражаясь языком Макса Вебера, ценностно-рациональные причины террора не рассматриваются, превалируют либо морально-этические оценки, либо страшные констатации фактов, описание ужасов террора.

Ш. Фицпатрик попыталась понять и охарактеризовать процесс и механику террора «изнутри», посредством изучения архивных материалов, связанных с повседневной деятельностью И.В. Сталина и его ближайших соратников. Историк отмечает, что представители «команды Сталина» были настолько шокированы масштабами инициированного ими террора, что не были уверены, не уничтожат ли в ходе этого процесса их самих (так же как лидеров террора уничтожили когда-то во Франции). Автор указывает, что на пике репрессий советский вождь даже не уходил в отпуск, говорил, что его самого могут ликвидировать, потому что происходящее беспрецедентно, а сам он находится в эпицентре террора.

Автор книги приводит свидетельства В.М. Молотова, отмечавшего, что на фоне начавшейся в 1936 году гражданской войны в Испании, роста числа политических режимов фашистского типа и радикальных правых настроений в Европе, прихода в 1933 году к власти в Германии нацистов у советского руководства сформировалась уверенность в том, что война неизбежна. Готовясь к грядущей войне, нужно было уничтожить потенциальную «пятую колонну», само понятие которой было рождено испанской войной, в ходе которой один из фашистских генералов заявил, что четыре колонны наступают на Мадрид, пятая колонна готова к борьбе в самом городе.

Важной линией исследования Ш. Фицпатрик является изучение механизмов принятия политических решений. Историк считает, что ядро «команды Сталина» было на удивление устойчивым: только несколько человек из «команды» были уничтожены, кто-то покончил с собой (Орджоникидзе), у кого-то репрессии коснулись родных (Молотов), но, несмотря на это, костяк из 8–10 человек был неизменен на протяжении десятилетий. При этом историк отмечает, что решения принимались коллегиально. Ш. Фицпатрик скрупулёзно анализирует протоколы совещаний и иные архивные документы, освещающие процесс подготовки коллективных решений Политбюро, и отмечает, что И.В. Сталин, как правило, не принимал единоличных решений, иногда медленно, постепенно, но настойчиво готовил соратников к коллегиальному принятию решений. Историк достаточно подробно иллюстрирует процесс принятия таких решений архивными материалами: в хронологическом порядке по документам отслеживает, когда тот или иной вопрос был поставлен вождём перед «командой» впервые, фиксирует положительную либо отрицательную реакцию соратников, процесс разделения мнений, пересмотра точек зрения и окончательного принятия консолидированных решений.

Подобное документальное исследование принятия политических решений руководством Советского Союза в значительной степени разрывает сложившиеся шаблоны о бескомпромиссной единоличной диктатуре.

В условиях высокой идеологизированности социогуманитарного знания, довлеющих в западной историографии тенденций по демонизации и дискредитации советской и российской истории, характерной особенностью книги Ш. Фицпатрик являются неоднократные оправдания автора за саму тему исследования. Историк не раз прямо извиняется за то, что изучает «кровавого тирана» как менеджера, отмечая при этом, что, по её мнению, он и правда был кризисным менеджером, а «команда», учитывая обстоятельства и исторический контекст, была чрезвычайно эффективна. Отмечает историк и колоссальную работоспособность ближайшего окружения и самого И.В. Сталина.

Ш. Фицпатрик рассматривает переходный период транзита власти после смерти И.В. Сталина к Н.С. Хрущёву. Отмечает, что вопреки представлениям о том, что вся деятельность «команды» зависела от центральной роли вождя, группа соратников проявила устойчивость и эффективность и после смерти своего лидера. На этом историческом этапе только два члена «команды» продемонстрировали неспособность к коллегиальной работе и выработке совместных политических решений – Л.П. Берия и, собственно, Н.С. Хрущёв. Первого сразу нейтрализовали, потому что вся команда единогласно была против него, второй впоследствии смог консолидировать власть в своих руках.

По мнению Ш. Фицпатрик, слаженность работы «команды Сталина» после смерти вождя – уникальный пример транзита власти, особенно учитывая тот факт, что зарубежные эксперты и американские кремлинологи с кончиной лидера СССР прогнозировали катастрофу в советских верхах, начало

кровопролитного дележа власти, при том, что и сам И.В. Сталин, и многие советские граждане высказывали подобные опасения. Однако, несмотря на все эти прогнозы, многолетним соратникам удалось удержать бразды правления партией и правительством, не позволив реализоваться негативным сценариям.

«Команда Сталина» – смелое и нестандартное историческое исследование, разрывающее сложившиеся в общественном сознании и историографии упрощённые шаблоны восприятия сложной механики принятия политических решений в верхних эшелонах власти Советского Союза, раскрывающее глубокие, не лежащие на поверхности и отнюдь не очевидные сегодня причинно-следственные связи мотивов действий и мировоззрения советских вождей.

Посвящённая сложному историческому периоду отечественной истории, книга авторитетного австралийско-американского историка обретает в настоящее время особую актуальность, поскольку написана на базе многолетнего изучения архивных материалов, является редким в текущих внешнеполитических обстоятельствах примером объективного непредвзятого анализа социально-политических реалий Советского государства конца 1920-х – первой половины 1950-х годов. Системность и многоаспектность исследований Шейлы Фицпатрик сложно переоценить в условиях интенсификации информационно-идеологического давления, осуществляемого Соединёнными Штатами и их сателлитами в сфере подрыва авторитета и «мягкого» влияния Российской Федерации как правопреемника и государства-продолжателя Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Радзинский Э.С. Сталин. М.: Вагриус, 2001. 638 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Вагриус, 2001. 572 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 332 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 422 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2011. 374 с.

Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 318 с.

Фицпатрик Ш. О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 528 с.

Фицпатрик Ш. Кратчайшая история Советского Союза. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 334 с.

Фицпатрик Ш. Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии. М.: АСТ, Corpus, 2023. 540 с.

REFERENCES

- Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Ed. by M. Geyer, S. Fitzpatrick. New York: Cambridge University Press, 2009. XII + 536 p.
- Fitzpatrick, S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. XX + 386 p.
- Fitzpatrick, S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. X + 288 p.
- Fitzpatrick, S. Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia. Princeton: Princeton University Press, 2005. XII + 322 p.
- Fitzpatrick, S. The Russian Revolution. 3rd revised ed. New York: Oxford University Press, 2008. VIII + 224 p.
- Fitzpatrick, S. A spy in the archives: a memoir of Cold War Russia. London: I.B. Tauris, 2013. VI + 346 p.
- Fitzpatrick, S. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 2015. XI + 364 p.
- Fitzpatrick, S. White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. New York: Routledge, 2021. XVI + 368 p.
- Fitzpatrick, S. The Shortest History of the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 2022. 256 p.
- Radzinsky, E. Stalin: The First In-depth Biography Based on Explosive New Documents from Russia's Secret Archives. New York: Doubleday, 1996. XII + 608 p.
- Trotsky, L. My life: An attempt at an autobiography. New York: Pathfinder Press, 1977. XXXVII + 602 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, старший преподаватель Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
Российская Федерация, 125993 Москва, Ленинградский проспект, д. 49.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of Science (Philosophy), senior lecturer of the Chair of political science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
49 Leningradskiy prospect, Moscow 125993, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024 / Received 11.06.2024

Поступила после рецензирования 29.06.2024 / Revised 29.06.2024

Статья принята к публикации 30.06.2024 / Accepted 30.06.2024.

УДК 327+94(71).06

DOI: 10.31857/S2686673024090108

EDN: ZUGUJQ

IX Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете

Ю.Г. Акимов

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9.

Researcher ID: K-3377-2015

Scopus AuthorID: 57188987396

РИНЦ ID: 256205

ORCID 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.7–9.

Researcher ID: M-6859-2016

Scopus AuthorID: 56401887900

РИНЦ ID: 730215

ORCID 0000-0001-5833-6808

e-mail: k.minkova@spbu.ru

Резюме: В сообщении приводится информация о научной конференции IX Канадские чтения, состоявшейся в Санкт-Петербургском государственном университете в рамках Второго Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений, проходившего 25–27 апреля 2024 года. Данная конференция была организована Центром канадских исследований СПбГУ и приурочена к трём юбилейным датам: 300-летию СПбГУ, 30-летию факультета международных отношений СПбГУ и 25-летию Санкт-Петербургского отделения Российского общества изучения Канады. Отмечается, что в конференции приняло участие значительное число специалистов-канадоведов из различных научно-образовательных учреждений. Представленные ими доклады, посвящённые различным аспектам канадской истории, политики, культуры и социальной сферы, были выполнены на чрезвычайно высоком уровне.

Ключевые слова: Россия, Канада, российско-канадские отношения, научная конференция.

Для цитирования: Акимов Ю.Г., Минкова К.В. IX Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2024; 54(9):121–126. DOI: 10.31857/S2686673024090108 EDN: ZUGUJQ

9th Conference on Canadian Studies at Saint Petersburg State University

Yury G. Akimov

Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: K-3377-2015

Scopus AuthorID: 57188987396

РИНЦ ID: 256205

ORCID: 0000-0002-2989-8868

e-mail: y.akimov@spbu.ru

Kristina V. Minkova

Saint-Petersburg State University.

7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.

Researcher ID: M-6859-2016

Scopus AuthorID: 56401887900

РИНЦ ID: 730215

ORCID 0000-0001-5833-6808

e-mail: k.minkova@spbu.ru

Abstract: The article provides information about the IX Canadian Studies Conference held at St. Petersburg State University within the framework of the Second St. Petersburg Congress of Researchers of International Relations on April 25–27, 2024. This conference was organized by the Centre for Canadian Studies at SPbSU and was timed to coincide with three anniversaries: the 300th anniversary of SPbSU, the 30th anniversary of the Faculty of International Relations at SPbSU, and the 25th anniversary of the St. Petersburg branch of the Russian Association for Canadian Studies. It is noted that the conference was attended by a significant number of Canadianists from various scientific and educational institutions. Their presentations, dedicated to various aspects of Canadian history, politics, culture, and the social sphere, were delivered at an extremely high level.

Keywords: Russia, Canada, Russia–Canada relations, scientific conference.

For citation: Akimov, Y.G., Minkova, K.V. 9th Conference on Canadian Studies at Saint Petersburg State University. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2024; 54(9): 121–126. DOI: 10.31857/S2686673024090108 EDN: ZUGUJQ

25–27 апреля 2024 года в Санкт-Петербургском государственном университете проходил Второй Санкт-Петербургский конгресс исследователей международных отношений – представительный форум, собравший на одной площадке несколько сотен ведущих ученых-международников из России и многих зарубежных государств. Форум был приурочен к двум важным юбилейным датам: 300-летию Санкт-Петербургского государственного университета – старейшего университета России (1724–2024) и 30-летию факультета международных отношений СПбГУ (1994–2024). В рамках конгресса – как отдельное мероприятие – была проведена научная конференция IX Канадские чтения. Помимо вышеуказанных юбилеев данная конференция была также приурочена к 25-летию Санкт-Петербургского отделения Российского общества изучения Канады (1999–2024). Какие проблемы волнуют российских экспертов-канадоведов? Какова была тематика докладов и сообщений, прозвучавших на IX Канадских чтениях? Каковы их основные итоги? Мы постараемся ответить на эти вопросы.

* * *

IX Канадские чтения были организованы Центром канадских исследований СПбГУ, который действует с февраля 2020 года. За четыре года своего существования, несмотря на сложности, связанные с «ковидными» ограничениями, центр

успешно осуществил ряд значимых научных проектов и организовал серию мероприятий, в том числе три крупные международные конференции*.

Нынешняя конференция продолжила традицию встреч в Санкт-Петербурге специалистов-канадоведов, заложенную более двадцати лет назад. Первые Канадские чтения в Северной столице состоялись в 2000 году [см.: 4]. С тех пор они завоевали авторитет в научном сообществе и превратились в значимую площадку для дискуссий, привлекающую учёных из различных университетов и научных центров России, а также из-за рубежа. В IX Чтениях приняли участие представители вузов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Брянска, Волгограда, Казани, Тамбова, Саратова, Челябинска, Эдмонтона.

На правах хозяина Чтения открыл директор Центра канадских исследований СПбГУ Ю.Г. Акимов, член программного комитета Конгресса. Он отметил, что за полтора года, прошедшие с последней встречи канадоведов в Северной столице (в ноябре 2022 года) петербургское канадоведение добилось значительных успехов: был опубликован ряд содержательных работ, успешно защищена кандидатская диссертация о канадском миротворчестве (соискатель – В.В. Тимофеев; научный руководитель – Ю.Г. Акимов), началась работа Центра канадских исследований над масштабным проектом по публикации архивных документов по истории советско-канадских отношений. В издательство СПбГУ был сдан первый том документов, охватывающих 1941–1945 годы.

В адрес организаторов и участников чтений поступило приветствие от директора департамента Северной Америки Министерства иностранных дел Российской Федерации А.Н. Дарчиева. В нём отмечалось, что, «несмотря на сложный период в российско-канадских отношениях, которые по вине официальной Оттавы приобрели в последнее время конфронтационный характер, знание о нашем соседе в Арктике было и остаётся весьма востребованным. Это продиктовано не только географией и общей границей через Северный полюс, но и искренней симпатией к народу Канады, с которым, в отличие от его нынешних правителей, у России нет противоречий».

На церемонии открытия чтений выступила Президент Российского общества изучения Канады Т.Р. Кузьмина. Она охарактеризовала основные вехи развития Санкт-Петербургского канадоведения за прошедшие четверть века и особо отметила его успехи, выразившиеся, в том числе, в подготовке специалистов высшей квалификации, успешно разрабатывающих самые актуальные проблемы истории, культуры, внутренней и внешней политики Канады.

* 6–7 апреля 2021 года была проведена международная научно-практическая конференция «Сотрудничество России и Канады в Арктике на федеральном и региональном уровне: инфраструктура, экономические возможности и благополучие северян»; 30 сентября – 1 октября 2021 года – международная конференция VIII Канадские чтения; 11 ноября 2022 года – конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений» (в рамках Первого Санкт-Петербургского конгресса исследователей международных отношений) [см.: 1; 2; 3].

Первое заседание конференции (модераторы Ю.Г. Акимов, Н.С. Вяхирева) было посвящено внешнеполитическим проблемам. Его открыл доклад Н.С. Вяхиревой (РСМД, Москва), которая подробно осветила особенности и приоритеты (в том числе региональные) современной оборонной стратегии Канады. Е.В. Исраелян (ИСКРАН, Москва) в своём выступлении остановилась на особенностях канадско-японских отношений в начале XXI века. И.М. Нохрин (ЧелГУ, Челябинск) посвятил свой доклад проблемам современного канадского национализма и его воздействия на различные аспекты канадской политики сегодняшнего дня. Большой интерес вызвал тезис докладчика о том, что негативный образ России, который в настоящее время культивируется в Канаде (и не имеет ничего общего с действительностью), на самом деле имеет сугубо внутреннее применение и используется для трансляции определённого набора идей, который близок современному канадскому истеблишменту. В.В. Тимофеев (СПБИКиТ, Санкт-Петербург) в своём докладе уделил внимание сложной проблеме моделирования социокультурной экономики в международных отношениях, используя в качестве «кейса» экономический эффект канадского миротворчества. А.А. Шевченко (СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург) попытался разобраться в специфике отношений Канады и КНР в сфере публичной дипломатии в конце XX – начале XXI века. Ю.Г. Акимов (СПбГУ, Санкт-Петербург) привлёк внимание к новым направлениям международной деятельности (парадипломатии) провинции Квебек, где наряду с традиционными направлениями – торгово-экономическим, культурным, образовательным, лингвистическим – всё большее значение уделяется вопросам безопасности.

Второе заседание было отведено для обсуждения различных аспектов внутренней политики Канады (модераторы Е.В. Исаева, В.Г. Холоднов). В докладе М.В. Соляновой (ИМЭМО РАН, Москва) были обозначены проблемы и перспективы «зелёного перехода», происходящего в настоящее время в Канаде. К.С. Романов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) посвятил своё выступление феномену «Конвоя свободы». Он остановился на идеологии данного протестного движения, особенностях его восприятия политической элитой и официальными СМИ, отметив их стремление «маргинализировать» его. Т.Р. Кузьмина (ИСКРАН, Москва) рассказала о канадском опыте регулирования иммиграционных потоков. Продолжая тему иммиграции, Е.А. Горбунова (СПбГУ, Санкт-Петербург) детально раскрыла роль и место некоммерческих организаций в процессе реализации канадской иммиграционной политики. В.Г. Холоднов (АСО, Казань) и Ф.М. Нуриахметова (КГЭУ, Казань) в своём совместном выступлении вскрыли значение мультикультурного фактора в социальной фрагментации федеративного государства. Е.В. Исаева (РГГУ, Москва) познакомила аудиторию с творчеством яркого современного франко-канадского литератора и художника-иллюстратора Марианны Дюбюк. Т.В. Анисимова (СПбГУПТД, Санкт-Петербург) рассказала о влиянии новых материалов и технологий на развитие канадского дизайна. Е.Р. Абрамова (СПбГУ, Санкт-Петербург) в своём сообще-

нии рассмотрела специфику культурно-гуманитарного сотрудничества России и провинции Квебек.

На третьем заседании (модератор А.В. Федин) обсуждались проблемы канадской истории. А.В. Федин (БГУ, Брянск) в своём докладе поднял одну из важнейших тем истории Канады в эпоху французского колониального господства, связанную с взаимоотношением двух ключевых сфер деятельности: мехоторговли и миссионерской деятельности. П.А. Колесников (БГУ, Брянск) посвятил своё сообщение истории англо-ирокезского союза в 1754–1755 годах. С.В. Павленко (Эдмонтон, Канада) подробно рассмотрела историю зарождения Федерации Кооперативного Содружества в провинции Альберта. К.В. Минкова (СПбГУ, Санкт-Петербург) рассказала о своих архивных находках, которые по-новому проливают свет на организацию и ход визита в СССР П.Э. Трюдо в 1971 году. И.А. Аггеева (ИВИ РАН, Москва) также на базе новых архивных документов осветила процесс сближения внешнеполитических позиций СССР и Канады в период подготовки и проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М.А. Тихоцкая (СПбГУ, Санкт-Петербург) показала возможность применения контент-анализа при изучении общественного дискурса накануне второго референдума о суверенитете Квебека (1995). И.А. Соков (ВолГУ, Волгоград) в своём докладе рассмотрел специфику «треугольных» отношений Канады с США и СЕЛАК в начале 2020-х годов.

Подводя итоги, можно констатировать, что конференция прошла на высоком научном уровне и получила высокие оценки со стороны её участников и слушателей. Новые имена в программе конференции являются прекрасным свидетельством того, что интерес к канадским исследованиям в различных областях науки сохраняется, невзирая на непростые политические отношения между нашими странами. Успех конференции позволяет надеяться на дальнейшее продуктивное развитие российского канадоведения в предстоящие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Восьмые канадские чтения в Санкт-Петербургском университете: материалы конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября – 1 октября 2021 года / Под ред. Ю.Г. Акимова и К.В. Минковой. – СПб.: Скифия-принт, 2021. 298 с.

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Восьмые Канадские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021. № 12. С. 115–118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1.

Акимов Ю.Г., Минкова К.В. Конференция «80 лет российско-канадских дипломатических отношений». *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023. № 2. С. 122–126. DOI: 10.31857/S2686673023020086.

Канада и Россия: аспекты сотрудничества: Материалы Первых канадских чтений / Под ред. Ю.Г. Акимова. СПб., изд-во СПбГУ, 2000. 69 с.

REFERENCES

Eighth Canadian Readings at St. Petersburg University: conference materials [Vos'mye kanadskie chteniia v Sankt-Peterburgskom universitete: materialy konferentsii] (in Russ.), Saint-Petersburg, September 30-October 1, 2021. Ed. by Y.G. Akimov and K.V. Minkova. Saint-Petersburg.: Skifia-print, 2021. 298 p.

Akimov, Y.G., Minkova, K.V. Eighth Canadian Readings at St. Petersburg State University [Vos'mye Kanadskie chteniia v Sankt-Peterburgskom gosudarst-vennom universitete] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021. № 12. P. 115–118. DOI: 10.31857/S268667300017547-1.

Akimov, Y.G., Minkova, K.V. Konferentsiia «80 let rossiisko-kanadskikh diplomaticheskikh otnoshenii» Conference [“80 years of Russia-Canada Relations, 1942–2022”] (In Russ.). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023. № 2. P. 122–126. DOI: 10.31857/S2686673023020086.

Canada and Russia: aspects of cooperation: Proceedings of the I Canadian Studies Conference / Ed. by Yu. Akimov. St Petersburg: St Petersburg University Press, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АКИМОВ Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры американских исследований, директор Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

МИНКОВА Кристина Владимировна, доктор исторических наук, доцент кафедры американских исследований, заместитель директора Центра канадских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9.

Yury G. AKIMOV, Doctor of Science (History), Full Professor at the Department of American Studies, and Director of the Center of Canadian Studies, St Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation.

Kristina V. MINKOVA, Doctor of Sciences (History), Associate Professor of the Department of American Studies, Deputy Director of the Center of Canadian Studies, St Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya Emb., Saint-Petersburg 199034, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 8.07.2024 / Received 8.07.2024.

Статья поступила после рецензирования 15.07.2024 / Revised 15.07.2024.

Статья принята к публикации 17.07.2024 / Accepted 17.07.2024.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русск., англ.), аннотация (русск., англ.), ключевые слова (русск., англ.), полная информация об авторе (русск., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик «Размышляя над прочитанным» и «Книжная полка» могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках («Список литературы» и «References» соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе «Источники», который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах «Источники» и «Список литературы/References» приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе «Источники», [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе «Список литературы».

Все таблицы и рисунок должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.